

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Костромской государственный
университет имени Н. А. Некрасова»

РАБОЧИЕ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ – ВЛАСТЬ В XX ВЕКЕ

Материалы III Международной научной конференции
Кострома, 22–23 сентября 2005 года

Часть I

Кострома
2005

ББК 63.3(2)6-2я431

Р 134

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУВПО КГУ имени Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия:

А. М. Белов (отв. редактор), Н. Н. Бобков,
Л. И. Бородкин, А. В. Новиков, Н. М. Рассадин,
Е. А. Чугунов (зам. отв. редактора)

Р 134 Рабочие – предприниматели – власть в XX веке: В 2 ч. /
Отв. ред. А. М. Белов. – Кострома: ГОУВПО КГУ имени
Н. А. Некрасова, 2005. – Ч. 1. – 264с.

ISBN 5-7591-0665-1

В сборник вошли материалы III Международной научной конференции «Рабочие – предприниматели – власть в XX веке», посвященной столетию Первой российской революции 1905–1907 гг., состоявшейся 22–23 сентября в Костромском государственном университете им Н.А. Некрасова. Авторами материалов освещены актуальные проблемы взаимодействия власти, политических партий, предпринимательского корпуса и рабочих в контексте российской истории конца XIX – начала XX вв. Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям и студентам, всем интересующимся проблемами отечественной истории новейшего времени.

ББК 63.3(2)6-2я431

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 05-01-14039 г)*

ISBN 5-7591-0665-1

© ГОУВПО КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Раздел I. Предприниматели и рабочие в условиях модернизации российского общества в конце XIX – начале XX в.	6
<i>Шелохаев В. В.</i> Тип модернизации и тип революции в России	7
<i>Пушкарева И. М.</i> Рабочие – предприниматели – власть в 1905 г. (к постановке проблемы)	15
<i>Берзиньш Я. П.</i> Характеристика стачечного движения в Латвии (в начале XX века (1900 – 1904 гг.)	33
<i>Белов А. М.</i> О стихийности и сознательности рабочего движения в Центральной России в 1905 г.	44
<i>Петров Ю. А.</i> Александр Коновалов: буржуазия в поисках социального мира	63
<i>Бородкин Л. И.</i> О динамике реальной зарплаты рабочих в период дореволюционной индустриализации	75
<i>Голубева И. В.</i> Кооперация в условиях российской модернизации начала XX века (на материалах Костромской губернии)	85
<i>Бердова О. В.</i> Предприниматели и профессионально-техническое образование в Костромской губернии	99
<i>Иерусалимская С. Ю.</i> Народное просвещение в российской провинции в 1905–1907 гг. (на угличских материалах)	107
<i>Чернавский М. Ю.</i> Российское самодержавие и страны запада в конце XIX – начале XX века: проверка на прочность	112
<i>Четверухин Г. Н.</i> Иван Станиславович Блюх – российский промышленник. О проблемах войны и мира на рубеже XIX – XX веков	116
<i>Мальцев Р. Ю.</i> Отражение выборов в Государственную думу 1907 года на страницах газеты «Поволжский вестник»	126
<i>Балдин К. Е., Мокеев С. В.</i> Борьба текстильных предпринимателей Иваново-Вознесенского промышленного района за внешние рынки в конце XIX – начале XX в.	130
<i>Морозова Л. Д.</i> Территориальное общественное самоуправление в условиях реформирования мастной власти	139
<i>Шипилов А. Д.</i> Исторические описания промышленных заведений Костромской губернии в начале XX в.	155

Чугунов Е. А. Федор Васильевич Чижов как идеолог торгово-промышленного развития России 159

Раздел II. Социальный конфликт как фактор реформирования власти в России 167

Потолов С. И. Из истории Манифеста 17 октября 1905 г.: кто стоял за кулисами событий 168

Новиков А. В. Власть и предприниматели в регулировании трудовых конфликтов периода первой российской революции 175

Марасанова В. М. Губернаторы в революции 1905–1907 годов (на примере Верхнего Поволжья) 192

Федоренко А. А. Роль и значение советов рабочих депутатов первой революции в оценках руководства партии эсеров 202

Глазунов С. Р. Фабричная инспекция в России (1882–1903 гг.): власть – предприниматели – рабочие 206

Соловьев А. А. Русская православная церковь в интеллектуальном поле революции 1905–1907 гг. 214

Заливалова Л. Н. Из истории русской общественной мысли начала XX века: Ф. А. Курганов о либерализме 222

Наградов И. С. Реализация государственной конфессиональной политики в отношении старообрядцев в начале XX в. (на материалах Костромской и Ярославской губерний) 230

Нигметзянов Т. И. Анализ внешнеполитической информации на страницах газеты «Биржевые ведомости» накануне Первой мировой войны (1911–1914 гг.) 248

Камардин И. Н. Провинциальный Кронштадт (на материалах Среднего Поволжья) 256

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим изданием сборника статей «Рабочие – предприниматели – власть в XX веке» представляются материалы III международной научной конференции, состоявшейся в Костромском государственном университете 22–23 сентября 2005 года и посвященной 100-летию первой русской революции. Этот научный форум продолжил традицию изучения проблемы «рабочие – предприниматели – государство» в социально-политической истории России на состоявшихся в 2001 и 2003 гг. научных конференциях в КГУ.

Важной вехой в обновлении страны стала первая революция 1905–1907 гг. В эти годы зарождается российская многопартийность, происходят изменения в самодержавной власти и появляется Государственная дума. После издания манифеста 17 октября 1905 года и провозглашения впервые в истории страны «свободы совести, слова, собраний и союзов» многократно увеличивается количество газет и журналов, растут тиражи изданий печатной продукции. С этого времени пресса становится важным фактором формирования российского общественного мнения. Бурное рабочее, крестьянское движения, выступления в армии до основания потрясли здание российского государства, привели к изменению законодательства в отношении этих социальных и профессиональных слоев и сословий. В эти же годы активно заявил о себе торгово-промышленный класс, сплотившийся в различных союзах, объединениях и активно защищавший свои интересы перед лицом власти и народа.

Участники конференции выявляют логическую обусловленность между типом пореформенной модернизации середины XIX века и типом российской революции XX века, обращаются к неизученным пластам истории предпринимательства и деловой буржуазии. Материалы сборника открывают новые грани изучения рабочей истории, трансформации власти и общества в минувшем столетии, начало которым положила первая революция в России 1905–1907 гг.

А. М. Белов, Н. М. Рассадин, Е. А. Чугунов

РАЗДЕЛ I

**Предприниматели и рабочие в условиях
модернизации российского общества
в конце XIX – начале XX в.**

ТИП МОДЕРНИЗАЦИИ И ТИП РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Едва ли нужно специально доказывать современному читателю, прошедшему в конце 80-х годов «школу» горбачевской перестройки, а в 90-х годы XX века «школу» посткоммунистической трансформации, очевидную истину глубинной логической обусловленности между типом пореформенной модернизации середины XIX века и типом российской революции XX века.

Напомню, что после поражения России в Крымской войне 1854–1855 годов, поставившей на карту международный престиж страны, одержавшей в начале XIX века победу в Отечественной войне 1812 года и освободившей Европу от наполеоновской диктатуры, власть на данном историческом отрезке еще продолжала сохранять осознание всей бесперспективности и исторической тупиковости тридцатилетнего николаевского политического курса. Решившись на беспрецедентную по своим масштабам модернизацию, Александр II был убежден в том, что только достаточно радикальные и последовательные реформы, иницилируемые «сверху», могут и должны под непосредственным контролем властных структур вывести Россию из системного кризиса, а также предоставить ей шанс и одновременно дать мощный импульс для возрождения былого международного престижа. Задумывая реформы, власть, естественно, не была в состоянии предугадать их возможные последствия.

Общая задумка и схема реформ сводилась к тому, чтобы разрешить ряд объективно назревших проблем и, прежде всего, уничтожить многовековое крепостное право, по рукам и ногам сковывающее дальнейшее развитие страны, дав тем самым простор личной инициативе. Другие же реформы – судебная, земская, городская, военная, логически связанные с отменой крепостного права, должны были, в той или иной степени, обеспечить определенные условия для законного ограждения прав и свобод становящейся личности, подключить общество через систему местного самоуправления к активному и созидательному участию в модернизационном процессе. Следует также

подчеркнуть, что за модернизационное сорокалетие Россия достигла вполне реальных и ощутимых успехов в области экономики, образования, культуры и науки. Вместе с тем модернизация, реализуемая «сверху» под контролем властных исполнительных структур, обусловила и целый ряд противоречий. Так, очевидные успехи в сфере формирования новых отраслей экономики сопровождались нарастанием диспропорций как в ее инновационных, так и особенно традиционных отраслях. Изменения в социальной структуре российского общества оказывались не синхронизированными с законодательным обеспечением прав и свобод личности. Объективные потребности в расширении прав местного самоуправления то и дело блокировались центральной и особенно местной администрацией.

Модернизация «сверху», осуществляемая старыми элитами, ставила препоны для вовлечения в данный объективный процесс новых социальных страт, формирующиеся и осознанные интересы которых все более и более расходились с интересами дворянства и бюрократии. По сути, Александровский политический режим не в полную меру понимал внутреннюю логику и последствия модернизационного процесса, который, рано или поздно, должен был привести к смене политических элит, к перераспределению собственности, формированию нового типа личности и нового типа политической системы. Когда же модернизация к началу 80-х годов XIX века стала зримо демонстрировать эти новые, становящиеся ведущими тенденции и настоятельно требовать не просто продолжения, но и углубления и расширения поля реформ, власть, испугавшись экстремистских вылазок небольшой части террористов, пошла на попятную и, помимо активизации репрессивного центрального и регионального административного аппарата, на полную мощь включила по всему периметру механизмы торможения. Политика Александра III провести серию контрреформ, еще более сузивших и без того узкое поле предыдущих преобразований, стала принципиально ошибочным шагом нового политического курса, усугубившего внутриполитическую ситуацию в стране. Исторический опыт свидетельствует о том, что исключительно

административными методами можно решить лишь некоторые сиюминутные проблемы, но они в принципе не годятся для решения перспективных и долгосрочных стратегических задач. Ставка на правоконсервативные силы в условиях становления рыночной экономики, формирования элементов гражданского общества в лице новых социальных страт, объективно вела к обострению напряженности между властью и обществом как в горизонтальном, так и в вертикальном срезе. Реализуя контрреформаторские мероприятия, Александр III начал интенсивно торить дорогу к нарастанию разноуровневых конфликтов, создав для своего преемника ряд дополнительных, а в сущности непреодолимых сложностей.

Таким образом, тип модернизации «сверху», реализуемый под административным контролем старых элит, сыграл провокативную роль, привел к предельному обострению всей совокупности противоречий – политических, социальных, национальных и конфессиональных. И чем дальше старые элиты продолжали претендовать на лидирующие роли в модернизационном процессе, он, в предлагаемом властью варианте, стал постоянно действующим источником нарастания конфликтов, чреватых непредсказуемыми последствиями для будущности страны.

Сама логика модернизационного процесса в его пореформенном варианте настоятельно требовала его коррекции в соответствии с вызовами времени, а ее могли произвести иные социальные страты и политические элиты, которые осознали это теоретически, затем оформив идеологически. В этом контексте можно говорить о двух объективно возможных коррекциях модернизации – либеральной и социалистической. Либеральный тип модернизации России, предполагавший мирный «перехват» инициативы у старых элит, означал переключение России с традиционного – в западноевропейское русло развития. Что же касается модернизации социалистического типа, то речь могла идти лишь о сугубо насильственном свержении старой политической системы и радикальном перераспределении собственности в пользу непосредственных производителей материальных благ. Однако и в том, и в другом случаях коррекция модернизации должна была привести к смене ее типа.

Начавшаяся в январе 1905 года революция в России объективно, образно говоря, сублимировала в себе оба возможных варианта и коррекции, и смены пореформенной модернизации, которые, обладая разной степенью объективных и субъективных предпосылок, а, следовательно, зрелости, идеологически и политически были представлены различными направлениями общественной мысли – либерализмом и социализмом, двумя моделями преобразования России. Причем окончательное формирование этих моделей произошло в условиях революции, начавшейся «снизу». Поэтому в ней причудливо переплетались и либеральная, и социалистическая составляющие.

Либеральный вариант развития революции более соответствовал текущим потребностям общественного развития на данном историческом этапе. Однако за этим вариантом, в общем и целом логически вписывающимся в общемировой контекст, в конкретных условиях российской действительности было сравнительно мало реальных сил, способных его поддержать и, следовательно, реализовать. Парадокс заключался в том, что контролируемый старыми элитами модернизационный процесс искусственно тормозил формирование средних слоев, которые и могли стать основой и базой для либерального типа модернизации. Причем это торможение в наибольшей степени ощущалось в политической и социальной сферах. Разумеется, либеральные элиты могли под давлением «социального испуга» пойти на временное соглашение друг с другом. Однако этот альянс не имел какой-либо долгосрочной перспективы. Исторический опыт показал, что любые текущие соглашения между правыми консерваторами и либералами носили, по сути, ситуационный, крайне неустойчивый характер. В условиях стабилизации эти альянсы рушились и приводили к еще большему обострению противоречий между правоконсерваторами и либералами.

Борьба правоконсервативных и либеральных политических и социальных сил вела к их взаимному ослаблению. При этом, естественно, возрастали шансы леворадикальных социалистических сил, предлагавших принципиально иной тип модернизации страны. В экономическом смысле тип социалистической модернизации представлял собой, разумеется,

утопию, однако, при определенных условиях и соотношении социальных и политических сил в стране эта утопия могла стать на определенное время реальностью, хотя и в исторической перспективе непродолжительной. Исторический опыт показал, что, изнузив себя в борьбе друг с другом, правоконсерваторы и либералы оказались в общем и целом бессильными перед лицом мощного натиска социалистических сил, сумевших мобилизовать под своими радикальными лозунгами в 1917 г. большинство народа.

В результате пореформенный тип модернизации сыграл провокативную роль и не смог переключить развитие России в эволюционное русло. Власть, отказавшись в 60-е – 70-е годы XIX века модернизировать политическую систему, по сути, выведя ее за контекст преобразования, вплоть до 17 октября 1905 года лихорадочно цеплялась за сохранение неограниченного самодержавия. В конечном счете эта недальновидная политика завела страну в тупик, выходом из которого и должна быть политическая революция. Правоконсервативные силы с упорством достойным лучшего применения отказались пойти на перераспределение земельной дворянской собственности, в чем было кровно заинтересовано большинство крестьянского населения России. Отказались они пойти и на уступки рабочим, стремясь переложить на государство бремя социальной ответственности. Социальный консерватизм правоконсервативных сил стал одной из главных причин быстрого перерастания политической революции в России в революцию социальную.

Глубина и острота конфликтов, порожденных пореформенным типом модернизации, породили в России такой тип революции, для которого было характерно тесное переплетение политических и социальных проблем, что и стало объективной основой перерастания из одной в другую. В свою очередь полярность социальной структуры российского пореформенного общества, состояние перманентной напряженности между старыми и новыми стратами, а также внутри самих страт, чрезвычайная слабость средних слоев города и деревни объективно привели к поляризации российского общества уже в ходе революции 1905–1907 годов. Несмотря на то, что властям удалось подавить первый

натиск революции, но им, однако, не удалось «снять» породившие ее первопричины, для ликвидации которых, по оптимистическим прогнозам П. А. Столыпина, требовалось не менее 20-ти лет внутреннего и внешнего спокойствия. Такого количества времени у российских властных элит в распоряжении не оказалось.

По своим масштабам российская революция 1905–1907 года, в которой приняли активное участие политически бесправные и социально необеспеченные «низы», превосходила по своим масштабам и последствиям ранние западноевропейские революции. Российская революция, проходившая в новую историческую эпоху, сублимировала в себе разноуровневые, веками накапливаемые, политические и социальные противоречия, проложившие пропасть между «верхами» и «низами», видевших друг в друге непримиримых противников. Все это вместе взятое не позволило укорениться ни правоконсервативному, ни либеральному типам модернизации, которые были сметены стихийной революционной волной в 1917 году.

Если ранние западноевропейские революции расчищали почву для утверждения рыночной экономики, правового государства и гражданского общества, то российская революция с самого начала несла в себе мощный антикапиталистический заряд, что в принципе соответствовало массовому сознанию, которое по своим исходным параметрам было антибуржуазным. Вполне также понятно, что «низов» (а это подавляющее большинство России) не мог устроить пореформенный тип модернизации «сверху», рассчитанный, с одной стороны, на сохранение властных функций за традиционными политическими элитами, а с другой – на сохранение за ними же традиционных форм собственности. Не могла «низы» устроить и модернизация либерального типа, рассчитанная на переход власти к новым политическим элитам и на перераспределение собственности в пользу этих новых элит. И при первом, и при втором вариантах модернизации большинство «низов» считало себя обделенными.

Логика развития пореформенного модернизационного процесса привела к сращиванию традиционных и новых форм собственности. К тесному переплетению интересов традиционных «верхов» и новых либерально ориентированных

социальных и политических страт. Инстинктивно сознавая симбиоз собственнических интересов традиционных и новых либеральных «верхов», видя, что в наиболее критические моменты те и другие готовы протянуть руку помощи и под влиянием «социального испуга» заключить союз, «низы» настоятельно стремились к тому, чтобы одним махом «разрубить» гордиев узел, уничтожив одновременно и традиционную политическую систему, и сформировавшиеся в феврале-марте либерально-демократические властные институты, а также и традиционную помещичье-дворянскую собственность, и новую капиталистическую собственность.

Радикальный передел власти и собственности в пользу «низов» объективно вел к смене типа модернизации в России. В этом контексте речь шла не об антимодернизационном характере российской революции, как это представляют некоторые современные исследователи, а о том, что революция привела к смене одного типа модернизации другим типом модернизации, более адекватным интересам большинства. В общесоциологическом понимании модернизация в России являлась объективно назревшей и она продвигала общество в вполне определенном направлении – к превращению его в подлинно гражданское, а государство – правовое. И в этом смысле Россия не была каким-то исключением. Она уже давно, правда с запозданием, развивалась в общеевропейском контексте. Заменяя тип модернизации, революция в принципе не меняла общего вектора развития России в европейском русле.

Историософский и историографический парадокс состоит в том, что многие исследователи как бы «снимают» амбивалентный характер модернизации. В угоду идеологической и политической конъюнктуры она нередко изображается в качестве исключительного эволюционного процесса общественного развития. При такой постановке проблемы автоматически «снимается» вопрос о второй, собственно революционной ипостаси модернизации. Исторический опыт убеждает в том, что при определенных условиях модернизация вполне может протекать эволюционно, а при других условиях она может спровоцировать революцию, которая меняет тип

модернизации, сохраняя при этом общее направление исторического развития. Эволюционный тип пореформенной модернизации, осуществляемый «сверху» под тотальным контролем бюрократии, подспудно в течение сорока лет подготовил почву для масштабных революционных изменений. Революция, изменив тип, модернизации, представляла шанс радикальными методами преодолеть отсталость и европеизироваться. Однако в конкретных российских реалиях и модернизация «сверху», и модернизация «снизу» в их исторической перспективе привели примерно к одинаковым последствиям. Дело в том, что и в первом, и во втором случаях оба типа модернизации оказались под контролем сугубо бюрократических сил, сформировавшихся в особую касту, претендующую на монополию власти и собственности. И в первом, и во втором случае народ был отстранен от процесса выработки и принятия решений, рассматривался бюрократией в качестве не субъекта, а именно объекта воздействия. Вместо того, чтобы сделать народ подлинным субъектом модернизационного процесса в самом широком смысле этого слова, царская, а затем и партийная бюрократия, целенаправленно сужали поле возможного участия народа в выработке и принятии решений, всячески стремились к установлению монопольного контроля. В результате модернизация как объективное явление, вызванное потребностями общественного развития, начинала давать «сбой» и приводить к противоположным результатам. Так было с пореформенной модернизацией, так произошло и с модернизацией, порожденной революцией 1917 года. Этот модернизационный «сбой», обусловленный непродуманными действиями господствующих элит, уже не раз является тормозом для поступательного развития России в общеевропейском цивилизационном русле. К сожалению, эти исторические уроки остались практически неувоенными и в современной России.

И. М. Пушкарева

РАБОЧИЕ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ – ВЛАСТЬ В 1905 г.
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Первая революция в России 1905–1907 гг. началась потому, что с каждым годом становился все более очевидным анахронизм самодержавной системы, ее кричащее несоответствие вызовам времени и желаниям миллионов россиян. Исторически закономерен оказался и ее финал. Власть была еще достаточно сильна, чтобы не дать свалить себя, а ее противники не могли соединить свои усилия и найти оптимальную равнодействующую своих разнородных интересов для того, чтобы победить, и в конечном итоге, обществу пришлось на время смириться с тем пакетом преобразований, который предложило самодержавие.

Богатейший документальный материал многотомных публикаций источников и обобщающий труд 1981 г. «Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг.», – итоговый в советской историографии рассматривают борьбу пролетариата как ведущий фактор нарастания революционного процесса¹. О роли буржуазии и поведении царского правительства в революции 1905–1907 гг. написано очень мало за весь период историографии проблемы. Из значительных трудов по истории буржуазии можно назвать единственное крупное исследование в течение не одного десятка лет – книгу Е. Д. Черменского о буржуазии и царизме в революции 1905–1907 гг. (1939), много позднее появилась монографию В. Я. Лаверычева 1967 г. о борьбе московской буржуазии с революцией². Идеологическая заданность этих трудов очевидна.

Современная историография в целом отличается в лучшую сторону от исследований, выполненных в советский период. В книге Ю. А. Петрова о предпринимательстве и политике московской деловой буржуазии и в разделе того же автора в новой фундаментальной коллективной монографии о революции 1905–1907 гг. в России³ поведение крупной предпринимательской буржуазии автор стремится показать объективно, дифференцированно по отношению к деловой буржуазии, выделены в ней влиятельные группы, показаны их

взаимоотношения с самодержавной властью. В настоящее время все чаще касаются темы и некоторые региональные исследования. Однако даже с гносеологической точки зрения (введение в научный оборот источников для расширения и углубления исследований и т.д.) и проблема, связанная с деловой буржуазией только открыта, а о центральной и местной власти в годы революции специальные работы вообще отсутствуют. В то же время, когда «героем дня» в обществе стал предприниматель («олигарх»), история деловой буржуазии, ставшая интересной обществу, привлекает журналистов. При этом, как это часто бывает в связи с пробелами в научных разработках, и здесь в публицистике не обошлась без мифотворчества. Так, например, революция 1905 г. в одном из популярных в России журналов представлена как «революция олигархов»⁴. Историкам предстоит ответить на очень многие вопросы, в том числе и на те, которые, казалось, решены, так как содержат ссылки на К. Маркса и В. И. Ленина. Например, заключала ли крупная буржуазия в России «оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, то есть рабочими и демократической буржуазией»⁵ и др. Но главная задача состоит в том, чтобы взглянуть на проблему с позиции науки сегодняшнего дня, когда понятия «капитализм» и «социализм» наполняются новым смыслом.

Ставя задачу суммировать то, что сделано в историографии по проблемам, интересующим исследователей на конференции, следует напомнить, что развитие и итоги революции зависели не только от силы натиска массового и прежде всего рабочего движения в городах, способного парализовать экономическую жизнь страны, от активного включения рабочих в борьбу с самодержавием, но и от других факторов, в частности, от позиции крупных предпринимателей, в руках которых были рычаги промышленности, от их отношения к верховной власти, понимания необходимости изменить государственный строй, от отношения их к рабочим, связанным с ними в процессе производства.

В условной «триаде», предложенной в названии конференции и в данных тезисах (рабочие – предприниматели – власть) в последние годы важный сдвиг в историографии по существу

сделан в исследовании деловой буржуазии. Как отмечается в новейших работах, уже в канун революции 1905–1907 гг. на оппозиционной арене в политической жизни России впервые появились представители крупного капитала. В их выступлениях в Московском промышленном районе на заседаниях биржевых комитетов и прочих собраниях еще в конце 1904 г. обозначилась тенденция к мирным альтернативам реформ государственного переустройства, а в ходе этих обсуждений предприниматели касались и рабочего вопроса. Жизненные реалии требовали от деловой буржуазии направить усилия на предотвращение рабочих забастовок. Оппозиция деловой буржуазии сформировалась, как указывает Ю. А. Петров, из нового поколения предпринимателей – «молодых» хозяев текстильных предприятий, более образованных, «динамичных и смелых», «наиболее рельефно отражавшем процесс консолидации и самоидентификации российских буржуазных кругов в начале XX в.» Эта группа деловой буржуазии из числа членов московской Городской думы, не оставаясь в стороне от развязанной в ноябре–декабре 1904 г. либералами земцами и «освобожденцами» «банкетной кампании», выступила с рядом заявлений, провозглашая необходимость демократических свобод, установления контроля общественных сил над законностью действий властей.

После 9 января 1905 г. и последовавшего натиска стачечного движения отношение к рабочим в России оказалось в фокусе всей политической жизни страны. Известно, что в январе фабричная инспекция отметила в 38 губерниях России 444 тыс. стачечников. Большинство из них выдвигали экономические требования. Хотя и в политических стачках, являвшихся протестной реакцией на кровавые события в столице, участвовало не менее 121 тыс. только фабрично-заводских рабочих. Экономические и политические стачки, перемежаясь друг с другом, сливались в одно неразрывное целое. Революционные партии в листовках, распространяемых тысячными тиражами, обращаясь к рабочим, представляли их тяжелое в материальном и социальном отношении положение в стране, призывая их бороться против двух врагов – «ненасытных капиталистов и их защитника, царского правительства».

Под влиянием рабочего движения обнаружилась еще большая поляризация настроений среди деловой буржуазии, отделение позиций либералов и консерваторов. Образно говоря, либералы стремились «включить рычаг цивилизационного самосохранения» против разрушающей стихии революции. В этой группе деловой буржуазии, отколовшейся от огромной массы предпринимателей, присутствовала вера «в творческие возможности своего класса и неприятие изжившего себя самодержавия». Что касается самодержавия, то, по словам Плеханова, оно «закрепостило себе не только низший, но и высший служилый класс». В отношении к рабочим у него господствовал ментальный патернализм единения «хозяина» и «работника»⁶, пронизывавший, кстати, сферу производственных отношений прежней капиталистической России.

Разумеется, настроения оппозиционной части деловой буржуазии с ходу отвергались во властных структурах, правильно усматривавших в их взглядах выход нового сословия на авансцену общественно-политической жизни страны с его претензиями на вхождение в органы верховной власти, но не только: подписаться под заявлениями «молодых» сразу же отказались председатель Биржевого комитета Н. А. Найденов, товарищ городского главы И. А. Лебедев и многие другие авторитетные в среде московской буржуазии лица⁷. Поэтому пока беспокоиться самодержавию было нечего. Тем более что в это время деловая буржуазия вообще не имела в масштабах страны ни одной партии и ни одной представительной организации, мнение которой могло бы быть значительным на политической арене. При этом большинство предпринимателей и в Москве, и в Петербурге, и повсюду составляли консерваторы, а многие из них были тесно связаны с министерскими канцеляриями.

В повседневной жизни среди хозяев и администрации крупных предприятий процветало полное игнорирование социальных прав и тяжелого материального положения рабочих, не говоря уже о проявлении хозяевами положения крайней негибкости и недалковидности в острые моменты производственных конфликтов. Все это усугублялось еще и тем, что в силу существовавшей тогда слабой информационной системы в

структурах царских министерств верховная власть не представляла до конца масштабов протестного движения. Как и большинство предпринимателей, правительство, в общем-то, не без оснований считало производственные конфликты «обыденным делом». При этом оно не учитывало одного – растущей «стихийной организованности» рабочих выступлений, ее «всеобщности», направленной на замену общественного строя «идеально справедливой» социальной организацией, приобретающей политический революционный характер. А между тем, по новейшим данным, полученным в исторической науке, в производственных и политических конфликтах в стране с 1895 по 1904 гг. участвовало 1 млн. 500 тыс. рабочих⁸. В подавляющем большинстве это были экономические стачки, но в них проявлялась сила пролетарской солидарности, растущая под влиянием революционной агитации. Последняя насыщала рабочую среду радикальными лозунгами социал-демократов, эсеров и др. партий, призывала к «освобождению труда», революционному насилию, бросая в массы близкие и понятные рабочим лозунги «Долой самодержавие!», «Фабрики – рабочим!», осуществление которого означало конец системы, не считавшейся с их нуждами рабочих и унижавшей ее.

Политические просчеты в отношении рабочих хозяев промышленных предприятий и министра финансов В. Н. Коковцова (он курировал и промышленность) проявились наиболее ярко в конце декабря 1904 г. – первых числах января 1905 г. в Петербурге. Сценарий всеобщей стачки здесь на Путиловском заводе, послужившей побудительной причиной манифестации рабочих столицы 9 января 1905 г., отразил, как в капле воды, типичную ситуацию отношения к рабочим в России организаторов производства и властей всех уровней. Как известно, начальство Путиловского завода во главе директором С. И. Смирновым в первую очередь заботила прибыль от военных заказов (завод изготовлял пушки и пулеметы). С начала войны здесь были введены неоплаченные сверхурочные работы, фактически не повышалась заработная плата. Администрация завода умышленно игнорировала стоявший на защите материального положения рабочих Нарвский отдел легального

«Собрания фабрично-заводских рабочих Петербурга». Она опрометчиво не учитывала, что из 12 тыс. рабочих-путиловцев 6 тыс. были членами этой организации, а также связь отделов «Собрания» в разных районах города, которая способствовала формированию рабочей солидарности. В декабре 1904 г., стремясь подорвать авторитет рабочей организации, начальство завода уволило четырех кадровых рабочих, активных членов «Собрания», инкриминировав им нарушение трудовой дисциплины. Представители цехов завода от лица Нарвского отдела «Собрания» потребовали восстановить всех уволенных на работе, но дирекция стала грозить локаутом. В ответ рабочие пригрозили стачкой в случае неудовлетворения их требования, дополнив его пунктами, связанными с урегулированием продолжительности рабочего дня, использования сверхурочных и заработной платы. Особо подчеркну, что поддержка министра Коковцовым, а также прибытие конной полиции и жандармов, окруживших помещение Нарвского отдела «Собрания», вдохновили С. И. Смирнова на категорический отказ рабочим в их требованиях, что и послужило сигналом к началу стачки. Вечером 3 января 1905 г. стачка началась в цехах завода, а к утру 4 января весь завод встал. Поддержка путиловцев рабочими других предприятий превратила движение во всеобщую городскую рабочую забастовку, в которой 8 января приняло участие почти все 140 тыс. рабочих Петербурга. Это-то и подхлестнуло решение штаба «Собрания» к подаче петиции царю через рабочую манифестацию, окончившуюся, как известно, кровавой расправой над участниками шествия, сделавшей 9 января 1905 г. детонатором революции.

Начало революции вызвало еще большую конфронтацию консерваторов и либералов. Для либеральных групп предпринимателей начало революции было связано с «прорывом в политику». Среди них прояснилось и отношение к стачкам, как силы, способной оказать давление на самодержавие с целью подвинуть его к реформам. Сразу после 9 января часть представителей московского делового мира (С. Т. Морозов, П. П. Рябушинский, Н. И. Гучков и ряд других), категорически отмежевались от необходимости карательных мер в отношении

рабочих забастовок, считая, что «любое выступление рабочих нельзя рассматривать как бунт». Эта группа московской деловой буржуазии выступила с заявлением, в котором подчеркивалось, что подавление стачек с помощью войск ведет «к обострению отношений между предпринимателями и рабочими», взваливавшими после этого на своих хозяев вину за «убийства и увечья ни в чем неповинных людей»⁹. В заявлении речь шла о допущении мирных стачек, возникших на почве производственных конфликтов, содержалась мысль об изменении трудовых отношений с рабочими. Предлагалось менять патернализм на рациональные отношения, включая изменения в соотношении рабочего времени и оплаты труда при строгом соблюдении дисциплины.

Но даже либеральная буржуазия, которая выступала за рабочих, не могли избавиться от опасения в отношении неумолимой стихии революции. Уже вечером 9 января 1905 г., когда в зал Вольного экономического общества, где собралась петербургская интеллигенция, явилась делегация от рабочих Нарвского района, один из лидеров-либералов при их появлении воскликнул: «Главное, не бейте стекол, пожалуйста, не бейте стекол!»¹⁰ Участники «банкетных кампаний» весьма настороженно следили за развитием событий на улицах городов. Так, в Саратове во время январской всеобщей забастовки рабочих губернское земство выдвинуло постановление о необходимости созыва народного представительства на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Но когда пошло обсуждение вопроса об избирательном праве для всех, то один из гласных, напуганных фактами, связанными с ходом забастовки в городе, запротестовал: «Как же с этим решать? Ведь они (стачечники И. П.) громят фабрики?». Его успокоили, указав на то, что народное представительство необходимо для того, чтобы «поднять нравственное значение верховной власти и создать сильную монархическую власть»¹¹.

Ни правительство, ни буржуазия не ожидали встретиться с таким масштабом, размахом и такой революционной энергией рабочих, каким представляло начало 1905 г. Фабричные инспекторы, облаченные самодержавием быть посредниками

между рабочими и администрацией предприятий, а вслед за ними и некоторые круги деловой буржуазии стали «розоветь», хотя и очень по-разному. Некоторые из фабричных инспекторов (например, в Москве И. И. Янжул, мнение которого совпадало с позицией «молодых» крупных текстильных фабрикантов) склонялись к тому, что правительству необходимо направить усилия на придачу рабочему движению мирных «культурных форм» законодательными мерами, в которых была бы закреплена свобода стачек и рабочих организаций. По мере развития революции, роста стачечного и других форм рабочего движения они сыпали записками с предложениями в адрес правительства прислушаться к их мнению. В этом предпринимателей поддерживал и Союз инженеров в Петербурге, представители которого входили в состав фабричных и заводских советов. Но были и другого характера предложения и даже требования, обращенные к правительству, окрашенные паническим тоном, особенно в момент остановки движения на железных дорогах. Они исходили от хозяев производств, в политике не участвовавших и обеспокоенных только одним – колоссальными убытками от стачек и требовали срочно «навести порядок».

Николай II предпочел еще до революции переложить «рабочий вопрос» на В. Н. Коковцова. До министра доходили донесения окружных фабричных инспекторов, которые сообщали, что «есть полное основание ожидать в будущем дальнейших раскатов волны всероссийского рабочего движения» и что в связи с этим необходимо предупредить новые забастовки. В некоторых докладах фабричных инспекторов говорилось, что легче иметь дело с рабочей организацией, а не с неуправляемой массой особенно во время стачек, и потому единственный мирный путь закончить их нарастание лежит «в немедленном предоставлении рабочим права объединяться и свободно избирать из своей среды своих представителей»¹². Напряженная обстановка в стране заставила и царя и В. Н. Коковцова встать на путь обсуждений положения дел с представителями делового мира и получения от них возможных с их стороны обещаний рабочим. 14 февраля публично было объявлено, что царь поручил министру финансов разработку положения о страховании рабочих и сокращении

рабочего дня. В соответствии с этим, больше в целях «успокоения» общества, В. Н. Коковцев сообщил промышленникам, что правительство вынуждено вступить на путь реформ в области фабричного законодательства.

В. Н. Коковцев тоже предпочитал «переложить» решение рабочего вопроса на самих владельцев и организаторов производства, предлагая каждому на своем предприятии «использовать домашние средства уврачевания частных нужд заводской жизни» и «применить их теперь же, не теряя ни минуты»¹³. Было также предложено начать сбор средств на пособия семьям рабочих, пострадавшим 9 января 1905 г. С последним предложением согласилось большинство, но на призыв министра в чем-то уступить рабочим откликнулась только небольшая группа владельцев частных предприятий Петербурга, которых стачки в январе уже привели чуть ли не на грань разорения. Они готовы была идти на уступки рабочим, отказывались от помощи полиции, от штрафования за стачки и даже от поисков их «зачинщиков». Некоторые из них предлагали «допустить в обществе реформы» («определенную дозу политических прав»), а главное – улучшить трудовое законодательства, чтобы «впредь избегать прекращения работы предприятий». Однако большинство петербургских заводчиков и фабрикантов отнеслось ко всему этому сдержанно, а директор Путиловского завода Смирнов прямо заявил, что «частичные уступки ни к чему не ведут, только раздражат рабочих соседних заводов, не сделавших этих уступок, и... побуждают всех добиваться большего и неисполнимого». Он же предложил промышленникам попытаться собраться по группам производств и придти к общему решению по поводу какой-нибудь общей меры. Но уже при обсуждении, какой должна быть эта «общая мера», чтобы удовлетворить рабочих, единства среди присутствовавших не возникло. В итоге была выработана лишь «директива» Петербургского общества фабрикантов и заводчиков, в которой, в частности, говорилось, что «всякая уступчивость под гнетом стачек порождает новые требования, границ которым нет».¹⁴

В обстановке роста антиправительственных выступлений рабочих (число забастовщиков к марту 1905 г. по данным

фабричной инспекции приближалось уже к 800 тыс.) промышленники-либералы, предполагая воздействовать на комиссию Булыгина, созданную в связи с подготовкой Государственной думы, и мечтая войти в ее состав и продолжая с усиленной энергией гнуть свою линию, указывали, что политические реформы необходимы как единственное средство «умиротворения» общества. Но в текущей жизни всякие компромиссные решения в сфере отношений между трудом и капиталом достигались с трудом. Требуя от властей прекращения забастовок, мир деловой буржуазии категорически не хотел идти ни на какие уступки рабочим. Несмотря на прорыв «единого фронта» в Московском промышленном районе, где в деловой сфере все отчетливее слышался либеральный голос московских текстильных фабрикантов, и здесь довольно сплоченно держалась, например, группа «непримиримых». Ее собрания во главе с иваново-вознесенским фабрикантом Дербеневым выражали крайнее недовольство послаблениями, сделанными рабочим на некоторых фабриках. Они просили старшего фабричного инспектора региона «объединить как фабрикантов, так и инспекторов в твердом уклонении от всяких уступок»¹⁵. В Москве в это время хозяин Московско-Казанской железной дороги фон Мекк заявил, что «скорее проложит золотые рельсы до Казани, чем уступит требованиям рабочих»¹⁶. Он предложил правительству в связи со стачками ввести военное положение на железных дорогах. За наказание участников стачек высказался и съезд горнопромышленников Юга России, уже понесший большие убытки от них. Съезд предложил ввести в практику локауты и замену одних работников другими, толпившимся у ворот предприятий.

Либеральная газета «Право» в четвертом номере за 1905 г. писала, что в Петербурге промышленники-консерваторы, выступая сомкнутой стеной, стремятся утвердить свою точку зрения в том, что «опека администраторов-бюрократов над рабочим вопросом приведет к полнейшей деморализации рабочих масс и... обострению отношений между ними и фабрикантами». Протесты этих фабрикантов и заводчиков были связаны со слухами, что Министерство финансов занялось разработкой

проекта фабричного законодательства, по которому предполагалось установить 10-часовой рабочий день, ограничить сверхурочные, ввести государственное страхование и отменить 1358-ю статью Уголовного уложения, карающую за оставление работ. Протесты против проекта основывались на том, что «экономические мотивы в рабочих стачках... только шахматный ход, за которым стоят «политические идеалы» рабочих¹⁷. Удар наносился на раскрытие самодержавию, больше всего боявшемуся политического движения масс, позиции либералов от бизнеса в рабочем вопросе. Московское совещание заводчиков механического производства предложило проект заключения конвенции против стачек. Суть ее сводилась к тому, чтобы не только не вносить никаких изменений в рабочее время в промышленности, но стачечные дни считать «прогулами» и категорически исключить представителей от рабочих в определении расценок, а также установить в связи с войной ненормированные сверхурочные. Промышленники Южного горнопромышленного района на совещаниях в Екатеринославе и Харькове предложили проект введения массового локаута в округе для подавления стачек, что поразило даже екатеринославского губернатора, сразу же заявившего, что в этом случае для усмирения рабочих не хватит войск. Проект конвенции московских заводчиков тоже не прошел, несмотря на поддержку ее группами предпринимателей в Петербурге и Риге. В ней отказались участвовать многие фабриканты в самом Центральном промышленном районе, в Польше, владельцы нефтяных производств в Баку, уже сократившие рабочий день до 10 и даже до 9-ти часов и заинтересованные хотя бы временно в status quo.¹⁸

Когда 16 марта Коковцев собрал совещание промышленников, то многие его предложения (регламентация праздников, ограничения сверхурочных и др.) были категорически отвергнуты. «Твердокаменную» позицию занял член московского Биржевого комитета Г. А. Крестовников, объединивший всех несогласных с политикой правительства. Он объяснил причину забастовок «сторонними обстоятельствами» (т.е. революционной пропагандой) и потому предлагал перенести обсуждение рабочего вопроса в плоскость насущных политических реформ, как

средства, способного прекратить «крайне возбужденное состояние всех классов». Крестовников считал возможным в сложившейся обстановке связать работу комиссии Коковцова с комиссией А. Г. Булыгина по реализацией рескрипта 18 февраля. В итоге работа комиссии Коковцова была перенесена на 18 мая. За это время среди промышленников возобладало мнение отложить вообще решение рабочего вопроса до созыва народных представителей. Правительству же рекомендовалось перестать «заигрывать с рабочими и затравливать фабрикантов»¹⁹. После поражения при Цусиме и всплеска недоверия в обществе к правительству, многими промышленниками был объявлен бойкот комиссии Коковцова нежеланием войти в ее состав. Подтекст этого заключался в том, что самодержавие не в состоянии больше гарантировать даже полицейскую охрану предприятий и своей политикой ведет страну к катастрофе. Но характерно для того времени другое – даже консерваторы от крупного капитала качнулись влево, заговорив о необходимости скорейших реформ и придя к заключению, что только этим можно «успокоить» рабочих. Они посчитали, что тогда в «части уступок рабочим можно будет отделаться дешевле, чем при деспотическом режиме».

В середине лета либералы в предпринимательских кругах, говорившие и ранее о реформах, пошли дальше по пути радикализации. В связи с подготовкой к созыву Государственной думы они с удвоенной энергией принялись лоббировать правительственные круги скорейшим введением представительного учреждения, как модели будущего переустройства России, предполагая обеспечить в нем свое «самостоятельное» представительство. Нажимать на правительство им помогал рост забастовщиков: к июлю их число только среди фабрично-заводских рабочих достигло почти 1 млн. 300 тыс., а в политических стачках оно приближалось к 700 тыс.

Призывы к введению конституционного строя достаточно громко прозвучали на состоявшемся в Москве 4-ом торгово-промышленном съезде 4 июля 1905 г. и вызвали негативную реакцию у архиправой его части, что едва не закончилось закрытием съезда. (Когда слово «конституция» произнесенное в

первые дни съезда через агентов полиции дошло до градоначальника, то он приказал опечатать помещение, где проходил съезд, и заседание было перенесено на частную квартиру.) Представительность на съезде осуществляли деловые люди от девяти биржевых комитетов, четырех специальных бирж, двух комитетов торговли и мануфактур и восьми отраслевых обществ, контор и съездов, фактически от всех важнейших промышленных районов, за исключением Польши и Юго-Западного края. Возглавлял съезд лидер уральских промышленников В. И. Ковалевский. Он-то и выразил сразу «заветную мечту» деловой буржуазии о доступе к власти через введение народного представительства. Несмотря на разногласия, в конце работы съезда здесь неожиданно возобладала объединительная тенденция и была принята четкая резолюция. Выражая желание перехода «к западной конституционно-монархической модели правления с законодательным парламентом», съезд дружно отмежевался от революции (от «насильственно-революционного осуществления народа в государственном управлении»), подчеркнув, что «верховный вождь русского народа (т. е. монарх – И. П.) желает последнему только блага»²⁰.

Через три недели после съезда группа московских фабрикантов из «молодых»²¹ публично выступила против группы Н. А. Найденова, не отказавшегося от сервиллизма. Его группа с одобрением отнеслась к законосовещательному проекту Государственной думы. В ответ на это от «либеральной партии Московского биржевого общества» (так ее называли в Департаменте полиции) выступил С. И. Четвериков с предложением закрывать фабрики, чтобы вызвать массовое рабочее движение для давления на правительство в борьбе за законодательную Государственную думу. На первой же сессии Государственной думы эта «партия» рассчитывала иметь группу своих депутатов и бороться за свободу предпринимательства. Она обещала поставить в этой Думе на обсуждение рабочий вопрос и изменить положение вещей так, чтобы рабочие получили бы право также избирать депутатов в народное представительство, которого они были лишены законом от 6 августа 1905 г.

Но вдали от кабинетов и частных квартир, где совещались представителей делового мира, шла другая жизнь. Рабочие в ходе стачек оказывались лицом к лицу с раздражением хозяев и администрации заводов и фабрик, владельцев горных рудников, шахт, нефтяных промыслов и т. д. Последние, мечтая только о грубой военной силе, обращались к губернаторам, посылали новые телеграммы правительству с просьбой «принять меры» – прислать полицию и войска для охраны имущества и обеспечения личной безопасности его хозяев. Так, иваново-вознесенские фабриканты, еще в июне упрекавшие полицию за «либеральное отношение» к местному Совету рабочих депутатов, и далее осуждали власти, будучи «более роялистами, чем сам король». В телеграмме товарищу министра внутренних дел Д. Ф. Трепову они доказывали необходимость немедленного введения в районе стачечной борьбы военного положения. В сохранившейся переписке этих фабрикантов говорилось, что их «единственная надежда на войска, которым прикажут стрелять».²¹

Позиции крупных персон делового мира и его группировок выявила Всероссийская политическая октябрьская стачка 1905 г., затронувшая 66 губерний, 120 городов и более 2,5 тыс. промышленных предприятий с 500 тыс. рабочими, а также 700 тыс. железнодорожников, 200 тыс. представителей городской демократии. Официально было втянуто в забастовку более 1,4 млн. человек только в городах и фабричных поселках, а с учетом забастовщиков на предприятиях, не подчиненных фабричной инспекции, эта цифра далеко превышала 2 млн. Во время этой стачки в Москве на заседании городской думы звучали гневные речи гласного думы А. И. Гучкова в адрес стачечников, бичующего их за «тягчайшее преступление» – попытку оставления города без врачебной помощи и воды и света. (Этого не происходило, так как стачечный комитет организовал и медицинскую помощь пострадавшим, и охрану жизненно важных объектов). А. И. Гучков характеризовал стачку как «проявление коллективного психоза, охватившего русское общество». (Но надо отдать ему должное: в декабре 1905 г. он, по согласованию с генерал-губернатором Ф. В. Дубасовым, распорядился эвакуировать с восставшей Пресни жен и детей рабочих, разместив их в здании городской думы).

Гласные думы фабриканты Рябушинский, Абрикосов, Гужон и Сиу потребовали в связи со всеобщей стачкой введения в Москве военного положения, но не отказались от участия в сборе денег городской думой в помощь семьям безработных.

Всеобщая стачка в октябре 1905 г. вызвала панику в кругах организаторов промышленного производства – на Московской хлебной бирже, в Совете съезда горнопромышленников Юга России, у сахарозаводчиков, текстильных фабрикантов и т. д. Они сообщали о «надвигавшейся катастрофе». Действительно, убытки от простоя промышленных предприятий и железных дорог исчислялись миллионами рублей. Сотни предпринимателей обращались теперь только к правительству, требуя положить конец стачке. Представители банков в разгар всеобщей стачки выражали готовность дать большие средства для борьбы со стачками²². Но впервые мир бизнеса в России понял, что этого недостаточно, и в силу сложившегося положения усомнился в успехе охранительных мер правительства самодержавия и потому пришел к заключению о необходимости «изменения общих политических условий».

Издание Манифеста 17 октября 1905 г., а тем более спад стачечного движения все деловые круги буржуазии встретили с нескрываемой радостью. 18 октября после молебна в здании Московской биржи по случаю его дарования еще недавно готовый признать необходимость «давления» на правительство стачками С. И. Четвериков, не вспоминая более об этом, провозгласил славу царю за то, что он «благо народа поставил выше сохранения прерогатив своей власти»²³. Можно согласиться с П. П. Рябушинским, который написал, что «после 17 октября оппозиция деловой буржуазии, считая, что цель достигнута», «стала сторониться пролетариата, а потом перешла на сторону правительства, в результате одолело правительство, и началась реакция, сначала стыдливая, а потом откровенная». С этого времени только программы буржуазных партий – кадетов и октябристов, касаясь рабочего вопроса, затрагивали проблему трудового рабочего законодательства. Вся либеральная деловая буржуазия «снизила обороты» в «предложениях» и «советах» властям. И члены возникшей тогда же Умеренно-прогрессивной партии (те же П. П. Рябушинский и

С. И. Четвериков и др.), допуская свободу рабочих союзов, собраний, право рабочих на «мирные» стачки, отказывались от решения конкретного вопроса о сокращении рабочего дня на производстве. Они теперь заявляли, что в России «абсолютно нельзя» установить 8-часовой рабочий день, так как в этом случае «предприятия не выдержат иностранной конкуренции».²⁴ По инициативе хозяев все «контактные», «согласительные» и прочие комиссии, которые появились на предприятиях в период стачки, свертывали работу. А «хозяева жизни» стали снова предпочитать локауты мирному улаживанию конфликтов. Так, когда 31 октября в Петербурге Совет рабочих депутатов вынес постановление о 8-мичасовом рабочем дне, заводчики и фабриканты стали закрывать свои предприятия, и свыше тысячи рабочих столицы сразу остались без работы. Только сила общественного влияния Петербургского Совета рабочих депутатов прекратила локаут. В разгар вооруженных восстаний в стране в декабре 1905 г. вся деловая буржуазия, все предприниматели, за исключением единиц (мебельный фабрикант в Москве Н. П. Шмит), были на стороне тех, кто «исполнял свой служебный долг» и спасал их имущество от разгрома и пожаров, соответственно, всячески клеймя «подстрекателей-революционеров».

Итак, революция вывела деловую буржуазию на политическую арену. Пределом ее «мечтаний» в 1905 г. в самодержавной стране была реализация в ходе реформ неограниченной свободы предпринимательства. 1905 г. усилил ее позиции в отстаивании собственных интересов у верховной власти, а Манифест 17 октября, провозгласивший выборы в законодательный орган власти, прокладывал путь к ее участию в Государственной думе, где ее представители могли публично защищать свои интересы перед лицом власти и общества.

Основной массе предпринимателей и в 1905 г. было удобнее разделять с властью патернализм в отношении к рабочим, опереться на нее, «спрятаться за спину» самодержавия в критические ситуации во время производственных конфликтов. Российский предприниматель в массе своей не только не желал, но и не умел идти на компромисс в силу недостатка опыта. А возможности такие во время революции, конечно, были, но они остались пока неисследованными. Рабочий вопрос был

второстепенным в планах деловой буржуазии в годы революции и заострялся только в период подъемов стачечной борьбы. Но оппозиционные группы этой буржуазии в своих рассуждениях выступали за улучшение положения рабочих. Их представители считали, что культурный и образованный рабочий мог дать больше модернизирующемуся производству в тех отраслях промышленности, которые вступили на этот путь. Определившись в социальном отношении в годы революции, предприниматели в России не склонны была удовлетворить основное требование рабочих о 8-часовом рабочем дне. Все упоминания о рабочих в их «предложениях», «заявлениях» и публичных «высказываниях» рассматривались ими с позиций успешного бизнеса. Они практически не видели человека в рабочем, занятом в их производстве. Обратные примеры с фабрикантами Морозовыми и некоторыми другими можно рассматривать как исключение. Так, после революция 1905–1907 гг., среди некоторых предпринимателей были даже попытки воплотить на практике компартнершип. Фабрикант С. И. Четвериков в 1907 г. попытался даже сделать некоторых своих рабочих участниками в прибылях, «внося новый стимул в их труд»²⁵. Но для подавляющей массы предпринимателей эти «реформаторские рецепты» с привлечением рабочих в качестве совладельцев предприятий и фактической демократизацией капитала были весьма сомнительными. И не только потому, что они урезали прибыль у хозяев: последних не без оснований беспокоил общий культурный облик рабочих, за очень редким исключением их неготовность стать партнерами в предпринимательском деле, недостаточная их общая грамотность. А толпы пришлого люда, составлявшие огромный рынок наемного труда в начале XX в., развращали тогдашних бизнесменов, формировали пренебрежительной отношение к рабочему человеку, далеко не совпадавшее с интеллигентно-либеральным.

Примечания

¹ Такой подход характерен, например, для огромной 18-томной публикации «Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы» (М.; Л., 1955–1965.), а также для коллективной монографии «Рабочий класс в первой российской революции

1905–1907 гг.» // История рабочего класса в СССР (М., 1981).

² Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. – М.; Л., 1939.; Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). – М., 1967.

³ Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; Династия Рябушинских. М., 1997; Консолидация и политизация российской буржуазии // Первая революция в России: взгляд через столетие. – М., 2005. – С. 560–574.

⁴ В статье «В 1905 году олигархи добились своего» В. Коломейцев и В. Тихомиров пишут: «В начале прошлого века представители самых обеспеченных слоев населения – купцы-миллионщики, владельцы банков и мануфактур – были *главными врагами самодержавной империи* [курсив наш. – И. П.]». Авторы уверяют, что, требуя от императора «принять их во власть», «олигархи использовали спецслужбы Охранного отделения» и его руками «стали делать революцию». Среди других пассажей есть и такой: «владельцы фабрик *сознательно доводили своих рабочих до ручки, подталкивая их к антиправительственным выступлениям*» и т. д. (Огонек. – 2005. – № 4 (24–30 янв.).

⁵ Ленин В. И. Соб. соч. – Изд. 2-е. – Т. VIII. – С. 121.

⁶ Петров Ю. А. Консолидация и политизация российской буржуазии. – М., 2005. – С. 563–564.

⁷ Писарькова Л. Ф. Московская городская дума в 1863–1917 гг. – М., 1998. – С. 246–249.

⁸ Пушкарева И. М. Массовое протестное движение рабочих накануне революции 1904–1905 гг. в цифрах // VII Плехановские чтения. Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований. – СПб., 2005. – С. 42.

⁹ Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М., 1977. С. 72.

¹⁰ Протоколы III съезда РСДРП. – М., 1937. – С. 390.

¹¹ Земства и политическая свобода. Журналы комиссии собрания саратовского губернского земства. – Париж, 1905. – С. 16, 26.

¹² Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь–март 1905 года. – М., 1955. – С. 770–775.

- ¹³ РГИА. – Ф. 150. – Оп.1. – Д. 130. – С.92.
- ¹⁴ Там же. – Л.103; Д.136. – Л.4.
- ¹⁵ 1905 год в Иваново-Вознесенском районе. – Б.м., 1925. С. 24.
- ¹⁶ Цит. по кн.: Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. – М., 1975. – С. 99–100.
- ¹⁷ Право. – 1905. – № 4. – С. 265.
- ¹⁸ Черменский Е. Д. Указ. соч. – С. 85.
- ¹⁹ РГИА – Ф. 150. – Оп.1. – Д. 136. – С. 89–91.
- ²⁰ Цит. по кн.: Черменский Е. Д. Указ. соч. – С.97; Лаверычев В. Я. Указ. соч. – С.34–40; Петров Ю. А. Консолидация и политизации московской буржуазии. – С.564.
- ²¹ 1905. Стачечное движение. – М.; Л., 1925. – С. 263.
- ²² Цит по кн.: Пушкарева И. М. Первая победа революции // Первая революция в России... – С. 308–309 и др.
- ²³ Четвериков С. И. Невозвратимое прошлое. – М., 2001. – С. 48.
- ²⁴ Цит. по: Петров Ю. А. Консолидация и политизация российской буржуазии. – С. 566–568.
- ²⁵ Пушкарева И. М. О вовлечении рабочих в сферу предпринимательства // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX века. – Иваново, 1994. – С. 50–53.

Я. П. Берзиньш

ХАРАКТЕРИСТИКА СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЛАТВИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1900 – 1904 гг.)

В начале XX века в Латвии, равно как в Российской империи в целом, самой распространенной формой борьбы рабочих за свои права по-прежнему была стачка. В 1900–1903 годах в Российской империи царил экономический кризис, и экономическое положение рабочих стало особенно тяжелым.

На стачечное движение в Латвии отрицательно влиял прирост числа безработных. Особенно много безработных было в крупнейшем промышленном центре – Риге. Большая часть безработных были представителями металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий, а это значило, что работу потеряли наиболее общественно активные рабочие.

© Берзиньш Я. П., 2005

По официальным данным, в январе 1901 года только в Риге было около 5000 безработных, к тому же это были квалифицированные рабочие (в крупной промышленности Риги в 1900 году было занято около 43500 рабочих)¹.

Старший фабричный инспектор Лифляндской (Видземской) губернии, анализируя проблемы безработицы, высказался относительно того, что рабочие, имеющие работу, если только администрация предприятий не снизит их заработную плату, в стачечном движении участвовать не будут. Это заключение он обосновывал тем, что в настоящее время в промышленности много безработных².

В отдельных районах страны, где в предыдущие годы сформировались богатые традиции рабочего стачечного движения, например, в Петербурге, в рассматриваемый период это движение проявлялось относительно слабо³. И в промышленных центрах Латвии для рабочего стачечного движения в эти годы, по сравнению со второй половиной 90-х годов XIX века, активность не была характерной. Согласно официальным данным, с 1900 по 1904 год в Лифляндской и Курляндской губерниях в стачечном движении принимали участие около 6000 рабочих⁴. В обобщающей работе российских историков об истории рабочего класса России отмечается, что в эти годы в Латвии, Литве и Эстонии общее число забастовщиков составляло 11 900⁵.

Исследование исторических первоисточников в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Российской Федерации, Латвийском Государственном историческом архиве, Национальном историческом архиве Республики Беларусь, сборников документов, публикаций в прессе и анализ статистических показателей с использованием применяемой российскими историками методики⁶ показывает, что число забастовщиков значительно больше. Общую картину стачечного движения получим, изучая статистические данные рабочего движения в Латвии за 1901–1904 годы (см. табл.1). Общее число забастовщиков Латвии по этим расчетам в 1901–1904 годах более 15 300 человек, а только в Видземе и Курземе бастовали около 11 900 рабочих.

Таблица 1

Рабочее стаечное движение в Латвии в 1901 – 1904 годах

1901		1902		1903		1904		Всего	
К-во забастовок	Число бастующих	К-во забастовок	Число бастующих	К-во забастовок	Число бастующих	К-во забастовок	Число бастующих	К-во забастовок	Число бастующих
5 (5)	3180	7 (7)	1478	13 (12)	6132	19 (17)	5318	44 (41)	13560
1А	16	1В	64	1С	64			1А	24
								1В	64
								1С	
1D	1700							1D	1700
Всего									
7 (7)	2356	8 (8)	1542	14 (12)	6132	19 (17)	5318	48 (44)	15348
	4896		2539		12053		39305		5879
									3

1А – групповая стачка, о которой известно количество бастующих предприятий, но число забастовщиков автор рассчитал приблизительно;

1В – групповая стачка, о которой известно число забастовщиков, но неизвестно, сколько предприятий в ней участвует;

1С – групповая стачка, о которой нет сведений о том, сколько предприятий в ней участвует и сколько на них забастовщиков;

1D – всеобщая стачка, о которой известно лишь, о том сколько предприятий участвует, но число забастовщиков автор рассчитал приблизительно.

Таблица рассчитана и составлена по: Рабочее движение в России в 1901 – 1904 гг. – Ленинград, 1975 – с. 150, 151, 385, 394, 398, 407, 421, 432, 450, 453, 474, 489, 504, 510, 520, 521, 525, 526, 533, 535, 536, 549; РГИА, ф. 23, оп. 17, д. 319, л. 1, 2; д. 329, л. 1 – 4; оп. 27, д. 491, л. 5; оп. 30, д. 7, л. 145; д. 28, л. 478, 479, 484 – 486, 506, 512, 515, 517, 521, 523 – 527, 533, 535, 542, 544, 547, 549, 557 – 563, 565, 566; д. 30, л. 107, 108; д. 41. л. 59, 62, 66, 67, 78, 79, 86; д. 54, л. 340, 341; ф. 1405, оп. 105, д. 8061, л. 1; оп. 530, д. 90, л. 102; д. 114, л. 17; , 20, 144; ГАРФ, ф. 102, оп. 1904, Д. 4, ч. 9, л. 1, 3; д. 4, ч. 11, Л 1 – 5, 7, 11; д. 4, ч. 13, Л. 1, 3, 5, 6; Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ), ф. 1430, оп. 2, д. 311, л. 6, 11; LVVA, 412. f., 1. apr., 36739. l., 1., 7. lp.; 38226. l., 1. lp.; 39504. l., 1. lp.; Сīņa. – 1904. – maijs. – Nr. 3; jūl. – Nr. 5.; aug. – Nr. 6.; nov./dec. – Nr. 9; Sociāldemokrāts. – 1903. – febr. – Nr. 11. – 29. – 30. lpp.; apr. – Nr. 13. – 28., 34., lpp.; dec. – Nr. 21. – 16., 17. lpp.

Ежегодный удельный вес забастовщиков Латвии в этот период времени был небольшим, он приближался к средним показателям рабочего движения Российской империи. В Латвии число забастовщиков составляло около 3–10% общего числа рабочих крупной промышленности⁷. В России подобные показатели – 4–10%⁸.

Характерной чертой и для России, и для Латвии начала XX века было то, что укрепилась и расширилась политическая борьба, это выразалось в демонстрациях и политических

стачках. В Латвии в 1901–1904 годах прошли 33 такие демонстрации⁹ – это примерно 8% общего числа состоявшихся в это время демонстраций во всей Российской империи, хотя в Латвии в 1900 году работало только около 3,6% фабричных и заводских рабочих России¹⁰. В Латвии известны около 20 лозунгов, сопровождавших демонстрации. Наиболее распространенным был “Долой самодержавие!”. В качестве основного призыва к массам он служил и в дни революции.

Общее число участников политических стачек в 1901–1904 годах еще было небольшим, однако следует отметить, что из-за неполноты справочного материала к политическим стачкам пока не причисляются некоторые из ныне уже зафиксированных стачек. По весьма неполным данным можно сказать, что в 1901 – 1904 годах рабочие Латвии организовали по меньшей мере 4 политических стачки. Одной из них была всеобщая политическая стачка в Даугавпилсе в связи с празднованием Первого Мая, состоявшаяся 18 апреля 1901 года. 22 декабря 1903 года в Даугавпилсе состоялась групповая стачка, в ходе которой служащие еврейского магазина и рабочие мелких предприятий выразили протест против высылки двух политических заключенных в Восточную Сибирь. Еще две политические стачки состоялись на предприятиях Краславы по случаю Первого Мая, однако они не были единственными. На основании имеющегося материала приблизительно можно предположить, что в политических стачках этого периода участвовали около 1900 рабочих, это составляло примерно 12,4% всех забастовщиков Латвии. В Российской империи наблюдалась подобная картина.

В экономических стачках России во второй половине 90-х годов XIX века доминировали текстильщики, однако в самые первые годы XX века в составе забастовщиков произошли изменения – хотя число рабочих металлообрабатывающих и машиностроительных отраслей было меньше числа работающих в текстильной промышленности, удельный вес металлистов в стачечном движении стало доминировать, в то время как число текстильщиков уменьшилось¹¹. Рабочее движение Латвии имело свои особенности. Во второй половине 90-х годов XIX века среди забастовщиков

рабочих металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности было больше. Текстильщиков было значительно меньше. На первом месте текстильщики были только по числу организованных стачек¹².

В первые годы XX века в рабочем стачечном движении Латвии рабочие металлообработчики и машиностроители по числу участников значительно отставали от текстильщиков. Думается, что эти изменения повлек экономический кризис. В 1901–1904 годах число бастующих текстильщиков в Латвии более чем в пять раз превосходило забастовщиков металлообрабатывающей и машиностроительной отраслей (см. табл. 2).

Таблица 2

*Стачечное движение в Латвии по отраслям
производства в 1901–1904 годах*

Отрасли производства, 1901–1904 гг.	Количество забастовок	Число бастующих	Число бастующих относительно общего числа бастующих	Количество потерянных человеко-дней	Потерянные человеко-дни, %	Общее число рабочих на бастующих предприятиях
Текстильная	10(10)	5842	45,0	31034	55,4	7323
Химическая	2(2)	2238	17,2	2219	4,0	6267
Переработка минеральных веществ	10(10)	2118	16,3	3929	7,0	3173
Металлообработка и машиностроение	3(1)	1111	8,6	12121	21,6	1111
Деревообработка	6(6)	825	6,4	1713	3,1	1385
Переработка продуктов животноводства	4(4)	480	3,7	837	1,5	480
Бумажная промышленность	3(3)	192	1,5	1654	2,9	192
Пищевая промышленность	2(2)	166	1,3	2536	4,5	166
Всего	40(38)	12972	100,0	56043	100,0	20097

В скобках указаны стачки, относительно которых в исторических источниках указано число забастовщиков.

Таблица рассчитана и составлена на основании исторических источников, указанных в примечании к табл.1.

Число забастовщиков – рабочих химической промышленности и обработки минеральных веществ также превышало число забастовщиков металлообрабатывающих и машиностроительных отраслей. Реже металлообработчиков и машиностроителей бастовали деревообработчики, рабочие отраслей переработки продуктов животноводства, бумажной и пищевой промышленности. Очень энергично бастовали рабочие отрасли переработки минеральных веществ, однако говорить о росте организованности и политической сознательности представителей этой отрасли нет основания. В связи с тяжелым экономическим кризисом предприятия по производству строительных материалов в Латвии особенно страдали. Чаще всего они доходили до банкротства, почему администрация не могла вовремя выплатить рабочим заработную плату, и это вынуждало рабочих посредством объявления стачек защищать свои интересы.

Стаечное движение промышленных рабочих активизировало других работающих. Однако об этих выступлениях сохранилось мало фактов. Есть сведения о выступлениях ремесленников в Латгале и транспортных рабочих в Лиепае, однако нет почти никаких свидетельств о стачечном движении рабочих, занятых в строительстве и сельском хозяйстве. Даже допуская, что известные исторические источники неполны, можем сделать вывод что стачечное движение в рассматриваемый период среди рабочих этих отраслей было слабо развито.

Желательно проследить зависимость хода стачек от географического положения (см. табл. 3). Исследователи истории рабочего класса России обоснованно считают, что стачечная борьба в годы экономического кризиса (1900–1903) наиболее энергично развернулась в тех районах, где в экономическом плане рабочие были менее обеспечены¹³.

В известной мере это утверждение подтверждается и рабочим движением Латвии. В годы кризиса начала XX века происходила резкая активизация рабочей борьбы в Латгале, где промышленность была развита слабее всего и зарплата рабочих была самой низкой. В 1901 году в Латгале (Даугавпилс, Ливаны, Краслава, Резекне и др. города) прошли 100% всех стачек в

Латвии; в 1902 году – около 88%; в 1903 году – около 21%, а в 1904 году только около 11% стачек¹⁴. В то же самое время в крупнейшем промышленном центре Латвии – Риге – стачечное движение разворачивалось медленно. То же можно сказать о других крупных промышленных городах.

Таблица 3

*География рабочего стачечного движения
в Латвии в 1901–1904 годах*

Место стачки	Кол-во стачек	Число бастующих	Число бастующих относительно общего числа бастующих, %	Кол-во потерянных человекодней
Рига	23 (21)	10459	68,1	47924
Даугавпилс	5 (5)	392		4533
	+1В	64		64
	+1С	–		–
	1D	1700		1700
Всего в Даугавпилсе	8 (7)	2156	14,0	6297
Лиепая	6 (5)	1198	7,8	1896
Ливаны	3 (3)	900	5,9	900
Краслава	2 (2)	228	1,5	228
Резекне	2 (2)	10	0,1	10
Добельский уезд	1 (1)	167	1,1	1336
Даугавпилсский уезд	1 (1)	166		166
	+1А	24		16
Всего в Даугавпилсском уезде	2 (2)	190	1,2	182
Илукстский уезд	1 (1)	40	0,3	20
Всего	48 (44)	15348	100,0	58793

Таблица рассчитана и составлена по историческим источникам, указанным в примечании к табл. 1.

В 1900 году в Латвии было около 3,6% всех фабричных и заводских рабочих России, и они в 1901–1904 годах давали около 3,0% общего числа российских забастовщиков¹⁵. На Кавказе и в Украине были заняты, соответственно, 3% и 14,5% общего числа рабочих Российской империи, однако число забастовщиков здесь составляло 40% всероссийского числа забастовщиков. В то же самое время следует отметить, что в эти годы Петербург, в плане традиций рабочего движения, самый богатый район – продемонстрировал относительно слабую стачечную активность.

В Петербурге было 10% всех рабочих империи, но они составляли только 13% от общего числа забастовщиков. В Польше, где было 12% всех рабочих, бастовали только 4,3% общего числа забастовщиков¹⁶. Рассчитав количество потерянных человеко-часов на одного забастовщика, можно сделать вывод, что и в этом отношении рабочие Латвии в рамках Российской империи не выделялись. В Латвии в 1901–1904 годах в среднем каждый рабочий бастовал около 3,8 рабочего дня, в Российской империи – около 5,4 дня, в Закавказье – 10,4; в Польше – 5,4; в Петербурге – 3,6 и в Украине – 3,0 рабочих дня¹⁷. Этот пример подтверждает известный вывод о том, что рабочее движение в Латвии и особенно в Риге имело много общих черт с борьбой рабочих Петербурга.

В экономических стачках, происшедших в Латвии в 1901–1904 годах, в качестве основного было выдвинуто требование повышения заработной платы (в 15 случаях), затем следовало требование выплатить задержанную зарплату (в 13 случаях), сократить рабочий день (в 6 случаях), сохранить существующую оплату труда, уволить ненавистных представителей администрации предприятия, вернуть на работу уволенных товарищей. Далее следовало требование отменить сдельную оплату, оплачивать время болезни, улучшить вентиляцию на предприятии, основать похоронные кассы и т.д. Ясно то, что экономический кризис обеднял палитру требований: все требования концентрировались вокруг наиболее важных вопросов, а именно, заработной платы и ее регулярной выплаты. По характеру направленности следует отметить стачки наступательные и оборонительные. Если к политическим стачкам причислим наступательные, получим следующую картину: в 1901–1904 годах из 48 стачек 25 было наступательных, 22 – оборонительных, но об одной стачке нет сведений. Если сравним эти данные со стачечным движением второй половины 90-х годов XIX века, увидим, что количество атакующих стачек несколько увеличилось¹⁸. По имеющимся в нашем распоряжении сведениям, можно сказать, что полной или частичной победой забастовщиков, т.е. компромиссом, закончилось около 60% стачек.

Такова была картина стачечного движения в Латвии в предреволюционные годы, в котором проявлялись те же характерные черты, что и в Российской империи в целом.

Примечания

¹ Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 23, оп. 30, д. 28, л. 457; *Kapitālisma attīstības un revolūcionārās kustības problēmas Latvijā.* – R., 1980. – 110. lpp.

² РГИА, ф. 23, оп. 30, д. 28, л. 457

³ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. – М., 1983. – С. 405.

⁴ *Latvijas komunistiskās partijas vēstures apcerējumi.* – 1. sēj. – R., 1961. – 50. lpp.

⁵ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. – С. 406, 407.

⁶ Блинов Н. В., Желтова В. П., Иванова Н. В., Кирьянов Ю. И., Пушкарева И. М. Методика составления хроники и статистики рабочего движения в России в 1861 – 1914 гг. – *Вопросы Истории.* – 1979 – № 11. – С. 64 – 65; 70 – 72.; Методические рекомендации по составлению статистики стачечного движения пролетариата России периода капитализма. – М., 1980. – С. 17.; Организационные и методические принципы подготовки «Хроники рабочего движения в России 1895 – февраль 1817 гг.» – М., 1986. – С. 82.

⁷ Рассчитано по: Рабочее движение в России в 1901 – 1904 гг. – Л., 1975 – с. 150, 151, 385, 394, 398, 407, 421, 432, 450, 453, 474, 489, 504, 510, 520, 521, 525, 526, 533, 535, 536, 549; РГИА, ф. 23, оп. 17, д. 319, л. 1, 2; д. 329, л. 1 – 4; оп. 27, д. 491, л. 5; оп. 30, д. 7, л. 145; д. 28, л. 478, 479, 484 – 486, 506, 512, 515, 517, 521, 523 – 527, 533, 535, 542, 544, 547, 549, 557 – 563, 565, 566; д. 30, л. 107, 108; д. 41. л. 59, 62, 66, 67, 78, 79, 86; д. 54, л. 340, 341; ф. 1405, оп. 105, д. 8061, л. 1; оп. 530, д. 90, л. 102; д. 114, л. 17; , 20, 144; ГАРФ, ф. 102, оп. 1904, Д. 4, ч. 9, л. 1, 3; д. 4, ч. 11, Л 1 – 5, 7, 11; д. 4, ч. 13, Л. 1, 3, 5, 6; Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ), ф. 1430, оп. 2, д. 311, л. 6, 11; LVVA, 412. f., 1. apr., 36739. l., 1., 7. lpp.; 38226. l., 1. lpp.; 39504. l., 1. lpp.; Сīņa. – 1904. – maijs. – Nr. 3; jūl. – Nr. 5.; aug. – Nr. 6.; nov./dec. – Nr. 9; Sociāldemokrāts. – 1903. – febr. – Nr. 11. – 29. – 30. lpp.; apr. – Nr. 13. – 28., 34., lpp.; dec. – Nr. 21. – 16., 17. lpp.

⁸ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. – С. 405.

⁹Рассчитано по: Рабочее движение в России в 1901 – 1904 гг. – Л., 1975. – С. 150, 151, 385, 452, 456, 492, 505, 518, 528, 533, 535, 536; РГИА, ф. 23, оп. 30, д. 3, л. 4; ф. 23, оп. 30, д. 28, л. 532; ф. 1328, оп. 2, д. 1, л. 39; ф. 1405, оп. 105, д. 12619, л. 1, л. 7 – 10; оп. 251, д. 458, л. 165 – 167; оп. 530, д. 1050, л. 45 – 47, 53; оп. 530, д. 1082, л. 2; ГАРФ, ф. 102, ОО, оп. 1904, д. 4, ч. 11, л. 12; д. 9, ч. 17, л. 16; д. 9, ч. 19, л. 18, 19, 23, 25, 27, 31; д. 9, ч. 24, л. 21; LVVA, 51. f., 1. apr., 26110^h. l., 1. – 8. lp.; 117. f., 1. apr., 486. l., 5. lp.; 556. l., 19. – 21. lp.; 4568. f., 1. apr., 62. l., 19. lp.; 180. l., 3. lp.; 181. l., 3. lp.; 359. l., 1. – 5. lp.; 407. l., 1. – 12. lp.; 408. l., 2. – 34. lp., 45. lp.; 428. l., 2. – 7. lp.; 432. l., 3., 4., 11. lp.; 433. l., 4., 5., 7., 10., 11., 20., 32., 36. lp.; 447. l., 2. – 7. lp.; 448., 10. lp.; 449. l., 1., 2. – 14. lp.; 455. l., 3. – 11. lp.; 4. apr., 47. l., 20. lp.; 6989. f., 20. apr., 14. l., 1. lp.; 38. l., 55. lp.

¹⁰Рассчитано по: Bērziņš J. Latvijas strādnieku demonstrāciju kustība pirmās Krievijas buržuāziski – demokrātiskās revolūcijas priekšvakarā // LPSR ZA V–stis. – 1989. – Nr. 3. – 45. lpp.; Кирьянов Ю. И. Переход к массовой политической борьбе. Рабочий класс накануне первой Российской революции. – М., 1987. – С. 134, 135.

¹¹Кирьянов Ю. И. Переход к массовой политической борьбе. – С. 78.

¹²Bērziņš J. Ar akmeni pret šauteni. – Rīga, 1976. – 91. lpp.

¹³Кирьянов Ю. И. Переход к массовой политической борьбе. – С. 83.

¹⁴Рассчитано по историческим источникам, указанным в примечании к табл. 1.

¹⁵Рассчитано по историческим источникам, указанным в примечании к табл. 1; Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. – С. 407

¹⁶Кирьянов Ю. И. Переход к массовой политической борьбе. – С. 82.

¹⁷Рассчитано по тому же источнику, 75. lpp.

¹⁸Bērziņš J. Ar akmeni pret šauteni. – Rīga, 1976. – 91., 92. lpp.

А. М. Белов

О СТИХИЙНОСТИ И СОЗНАТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В 1905 г.

1905 год стал переломным в развитии рабочего движения в России. Возмущение против расстрела 9 января в Санкт-Петербурге находит выражение в стремительном развитии самых разнообразных форм протеста рабочих: волнениях, стачках на отдельных предприятиях и всеобщих забастовках, митингах и демонстрациях, вооруженных нападениях, погромах и восстаниях. От вопроса насколько стихийно и сознательно вовлекались рабочие в общественное движение 1905 года в конечном счете зависело за кем они пойдут – революционерами, либералами либо консервативно-монархическими силами. Между тем вопрос соотношения стихийности и сознательности, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении.

В советский период под воздействием марксистских идеологических установок сложилось представление о сознательности как последовательном, постепенном превращении рабочего в начитанного, социалистически образованного человека, осознавшего несовместимость своих идеалов с самодержавным строем. Именно такие рабочие должны были составить ядро революционной партии. Однако обращение к фактам рабочего движения заставляет усомниться в безоговорочной логике этого процесса. Собственно и начальные события первой революции отнюдь не свидетельствуют о несознательном движении мирных манифестаций рабочих. Как известно под воздействием священника Гапона сознание рабочих Санкт-Петербурга обрело религиозную форму, выливается в крестный ход к царю.

В этом действии рабочих надо видеть и такой стереотип сознания и поведения, как апелляция к высшей справедливости, ибо по православной традиции в России царь призван был осуществлять «правду» и высшую справедливость в земной жизни людей¹. Расстрел безоруженных рабочих 9 января был катастрофическим для авторитета самодержавия, привел к кризису религиозного сознания, способствовал нарастанию

стихийного протеста в России.

Вместе с тем, кризис религиозного сознания не означал отказ от него. Трансформация была более сложной. По свидетельству активного участника движения 1905 года А. К. Гастева – в революцию ее участники-рабочие вошли с ожиданием некоего чуда: пролетарское сознание было окрашено в религиозно – миссионерские тона, что, по его словам, было оправдано на заре массового движения как «исторически-необходимая идеализация» потенциальных возможностей пролетариата, подтвержденных в октябре и декабре 1905 г².

Жертвенность русских рабочих, сделка их в 1905 году главной силой противостояния власти и общества. На вооружение мощного общественного движения, которое возглавила интеллигенция, была взята специфическая форма протеста рабочих – стачка, а также их организации – стачечные комитеты, милиции, дружины, союзы по профессиям .

Но вернемся к рабочим, к мотивам их присоединения к различным политическим партиям. Стремительный рост организации революционных партий, появление рабочих организаций свидетельствовал, что далеко не всегда можно противопоставить стихийность и сознательность в их движении. Они шли в рабочем движении как бы параллельно, подпитывая друг-друга, расширяя сферу действия географически по России, втягивая в свою орбиту, не только передовиков но и глубокие слои лиц наемного труда. По сообщению печати революционеров, московская организация эсеров весной 1905 года активно пополнялась «рабочими не только участвовавшими в каких-либо организациях, но и вообще малоразвитыми», не имевшими никакого представления о программах партии, но носившими «в себе образ близкого восстания как факт не пробуя даже как оно осуществиться»³, то есть видно, что внутренний протест превалировал под стремлением разобраться в программных и теоретических условиях партий. Во многом этому способствовала и профессиональная психология. По признанию одного из эсеровских боевиков рабочего Трехгорной мануфактуры В. С. Морозова: «Тогда я в партиях, имеется в виду революционных, как и большинство рабочих, совершенно не

разбирался. Жажда знаний была у нас огромная. Мы рабочие, не теоретики, а просто практики-революционеры»⁴.

Следовательно, партийные организации, предлагавшие рабочим форму реализации их энергии протеста, и пополнялись такими сторонниками. Убийство 4 февраля 1905 года эсерами великого князя Сергея Александровича пропаганда этого теракта, а также своей партии, на деле вступившей в вооруженную борьбу с властью, во многочисленных листовках, сделали организации эсеров притягательными для рабочих России. Об этом подтверждают и сообщения политических конкурентов эсеров в борьбе за влияние – социал демократов, которые информировали заграничный центр о переходе рабочих в организации социалистов-революционеров⁵.

В этих фактах в тоже время присутствует явное нежелание рабочих разбираться в теоретических спорах революционеров (как правило, интеллигентов). Все это способствовало поиску со стороны лидеров партии и течений (прежде всего РСДРП) новой тактики, а также форм организации рабочих, которые бы более адекватно соответствовали их настрою на решительную борьбу. В этом деле им помогала стихийное разрастание стачечного движения по России и как это не парадоксально, сама самодержавная власть.

Важной вехой в развитии протестных настроений, а также проникновение сознательности в рабочее движение стала всеобщая забастовка иваново-вознесенских рабочих мая-июля 1905 года. В советский период в исследованиях этого крупного события историки считали решающим воздействие организаторов большевиков. Не отрицая определенной роли большевиков отметим, что свидетели забастовки иначе расставляют акценты. Известный общественный деятель, журналист и статистик Н. И. Воробьев, находившийся в гуще событий, пишет, что «эта подготовительная работа (большевиков) не имела решающего значения в возникновении забастовки. Была сделана попытка забастовки зимой, но она провалилась; предполагалось начать забастовку тотчас после Пасхи (т.е. после 17 апреля 1905 г. – А. Б.), но рабочие желали кое-что заработать; наконец, почти неожиданно для организованных рабочих стачка вспыхнула

12 мая и в один день захватила все фабрики и заводы»⁶. В выработке общих требований, в основном экономического характера, которые предварительно были приняты в революционных кружках 10 мая и куда входили рабочие разных фабрик, сыграли решающую роль большевики. Между тем, далеко не все слои рабочих поддержали выступления. По отношению к стачке выделилось несколько групп: 1) рабочие ткацких фабрик, работавшие сдельно, проявили наиболее активное участие в стачке; «Заводские рабочие, ткачи и, главным образом, ткачихи составляли ядро стачки»; 2) рабочие-ситцепечатники, получавшие помесичную плату, обнаруживали меньшую солидарность и действовали менее энергично, чем ткачихи. «На ситцепечатных фабриках, – отмечал автор – работают пришлые рабочие из отдаленных мест (Симбирской, Вятской, Рязанской и др. губ.) крестьяне; они довольствуются низким заработком и исполняют самые тяжелые и грязные работы»; 3) граверы, слесари, кузнецы и другие квалифицированные рабочие, дали, с одной стороны, «наиболее способных и интеллигентных организаторов, а с другой, выделили самые консервативные элементы стачки». Отрицательно отнеслись к стачке мастеровые с хорошим заработком. Так, 14 мая, «когда были предъявлены рабочими «общие требования», граверы Куваевской мануфактуры подали заявление, что они не желают примыкать к стачке». «Но, заключает Н. И. Воробьев, – общая волна захлестнула и этих рабочих»⁷. Таким образом, видно, что экономические интересы выступали важным побудительным мотивом к выступлению (либо неучастию). Организационная деятельность социал-демократов позволила выдвинуть общие для большинства рабочих коллективов города требования к предпринимателям и объединить стихийное выступление во всеобщую забастовку. Безусловно важным моментом внесения сознательности в массы забастовщиков стали выборы Совета уполномоченных. Отметим, что выборы проводились на основе закона о старостах, однако, обстановка стачки привела к тому, что возрастной ценз в 25 лет не соблюдался. В число депутатов было избрано не менее 25 % рабочих до 25 лет, а также много женщин⁸, что не допускалось нормами царского законодательства.

Тем не менее, влияние на всю массу забастовщиков можно было распространить при условии ее объединения вокруг экономических требований. Поэтому Совет уполномоченных вначале действовал как экономический орган, а его председателем и секретарем избраны беспартийные А. Ноздрин и И. Добровольский.

Следовательно, важным условием превращением стачки во всеобщее выступление был схожий низкий экономический уровень большинства рабочих предприятий города, неожиданность для власти (здесь определенную роль сыграла и удаленность Иваново-Вознесенска на 100 км.) от губернского центра во Владимире, а также наличие координирующего центра, выразившего общие интересы рабочих. Вместе с тем многодневная стачка, а также политические речи на многочисленных митингах на р. Талка встречались рабочими поразному. Продолжительная, безрезультативная борьба (предприниматели отказались удовлетворить общие требования и предложили их обсуждения по предприятиям) и вызванные его лишения и даже голод способствовали усилению антизабастовочных настроений, прежде всего, среди рабочих не сочувствовавших стачке. Все это приводит к росту по окончании стачки лояльных власти и предпринимателям настроений, проведению на фабриках благодарственных молебнов и изгнанию депутатов Совета уполномоченных. Осенью 1905 года, в период всероссийской Октябрьской стачки в Иваново-Вознесенске забастовали на один день лишь отдельные предприятия. В тоже время значительная масса рабочих идет за черносотенцами⁹.

Похожими были отношения различных групп рабочих в ходе общегородской стачки в Костроме в июле 1905 года. С 3 по 26 июля 1905 года здесь проходила общегородская стачка крупных текстильных фабрик, к которым примкнули типографии и ряд мелких заведений.

Исходным пунктом, вокруг которого объединилось большинство рабочих, стало повышение цен на предметы первой необходимости. Возбуждающе действовал и пример ивановцев. Его активно пропагандировали листовки местных социал-демократов. А для организации практической помощи

распространении «идеи депутатского собрания» в Кострому прибыли профессионалы социал-демократы А. К. Гастев, Б.В.Морковин и др. Борьба за вовлечение рабочих в Костроме в стачечное движение приобрела ожесточенный характер. При первой попытке к стачке на Новой льняной мануфактуре (крупнейшем предприятии города). 2 июля забастовщики получили отпор. В отделении гекли на них напали противники стачки. Это были иногородние рабочие, живущие в предоставленной хозяевами казарме, 10 называемой «сборной». Известно и их количество – «человек 500»¹⁰. В результате схватки стачечников и их противников было ранено 4 забастовщика, а работы восстановились. Таким образом, видно, что пришлые из других мест составляли консервативный элемент, были противники стачки. Но с утра 4 июля забастовали вновь, большинство цехов присоединилось к стачке, а с обеда к забастовке примкнули рабочие фабрик Зотова, Михиной и ряда других.

В первые дни выступления было избрано Депутатское собрание, но противники стачки не смирились, и во время выборов пытались провести в депутаты своих представителей путем контрагитации: «Вон смотрите, смотрите бросают поркламации политиканы, сейчас они выкинут красное знамя и в нас будут стрелять солдаты, пойдемте во двор, нам здесь делать нечего». Это возымело действие на рабочих Новой мануфактуры и часть чесальщиков и ткачей двинулось за ними из сквера во двор фабрики¹¹, где и были произведены выборы от этой части рабочих депутатов. Однако вечером, на первом заседании Депутатского собрания под влиянием революционных агитаторов противники стачки были исключены из состава депутатов. Такая непримиримость свидетельствовала об отказе от поиска компромисса, свидетельство нацеленности на противопоставлении интересов рабочих с одной стороны, власти и предприниматели с другой. Для революционеров социал-демократов – в это был необходимый шаг для закрепления своего влияния в рабочей среде.

Остались сведения и об аргументах противников выступления. Один из рабочих обращаясь к колеблющимся призывал: «Братцы, трудом хотите или лихом, т.е. в массовом сознании рабочих этого времени в Костроме достаточно сильным было понятие

о забастовке, как антиправительственном бунте. В памяти костромичей в 1905 году остались свежими впечатления о «Михинском бунте» – стачке на предприятии бельгийского общества «Тратри, Жерар и Михиной» 1903 год, которая закончилась демонстрацией и кровавыми столкновениями рабочих с полицией. Этот факт действовал как возбуждающе, так и отрезвляюще. А так как сторонников решительной борьбы оказалось больше и они действовали более организованно и сплоченно, то и борьба продолжилась. Преобладающее настроение костромских рабочих в июле 1905 года нашло отражение в избрании председателем Депутатского собрания. Им стал эсер Иван Батуговский, рабочий с фабрики Михиной, принимавший активное участие в событиях «Михинского бунта» 1903 года. Следовательно, опыт предшествующей борьбы, а также наличие среди рабочих признанных лидеров, и объединяющей организации – Депутатского собрания возбуждающий пример ивановцев позволили превратить выступление во всеобщую стачку.

Создание в ходе стачек в Иванове и Костроме совета уполномоченных и депутатского собрания носили новые важные элементы сознательности в рабочем движении. Функционирование этих рабочих организаций способствовало трансформации сознания рабочих с интересов хозяев предприятий (ими были старосты) на свои собственные, так как избранные депутаты представляли и защищали интересы трудовых коллективов.

Вместе с тем в других губерниях центральной России, несмотря на усилия, предпринимаемые революционными партиями вовлечь рабочих в борьбу (за исключением стачек на отдельных предприятиях) не удалось. Это прежде всего относилось к Москве. Активно работавшие там социал-демократы называли следующие причины: «разбросанность фабрик, смешанный их характер тормозят дело объединения, и часто частичная стачка происходит незаметно для рабочих того же производства, но разных предприятий». Указывалось также на разнородный состав рабочих, преобладание патриархальных отношений¹². Тем не менее попытки организации всеобщей забастовки предпринимались и в Москве и в губернии. Так на специально созванной конференции Московской организации

РСДРП было принято решение о проведении в Москве всеобщей политической забастовки солидарности с иваново-вознесенскими рабочими. Но начавшаяся 27 мая забастовка во всеобщую не переросла. Не удалась она и в Московской губернии, представители которой на указанной конференции прямо связали выступление своих коллективов со всеобщей забастовкой в Москве¹³. Следовательно, необходимым был поиск идеи, объединявшей разноуровневые, часто личные требования каким-либо общим устремлениям.

Нужна была организация, способная объединить разрозненные выступления рабочих в единый протест. Координирующую роль усилий в организации всеобщей стачки взяла на себя городская интеллигенция, действовавшая через революционные партии, а также расширявшая влияние радикальных идей (прежде всего идеи всеобщей политической забастовки) через профессионально-политические союзы. Одна из таких организаций – Всероссийский железнодорожный союз (ВЖС) и стал тем важным центром, который способствовал трансформации общественного и рабочего движения в новое качество.

Летом 1905 года по решению Второго съезда ВЖС вопрос о всеобщей стачке железнодорожников был переведен в стадию практической подготовки: было достигнуто соглашение о едином дне выступления, а каждой организации предполагалось составить план действий¹⁴.

Следует отметить, что в 1905 году неизмеримо выросло значение железнодорожного транспорта в экономической жизни страны. Они связывали важные административные центры, промышленные селения и отдельные предприятия центральной России. В условиях неразвитости других транспортных коммуникаций (автомобильных дорог), железнодорожный транспорт играл часто решающую роль в снабжении предприятий необходимыми грузами, доставки и подвоза товаров в города и оптовые ярмарки (прежде всего Нижегородскую).

В начале XX века железнодорожный транспорт занимает ведущее место во внутренних перевозках, в 1,5 раза превосходя водные перевозки. Поэтому от бесперебойного снабжения, доставки грузов по железным дорогам зависела экономическая

жизнь предприятий, а также множества связанных с ними заведений, компаний, отдельных фирм и артелей и т.д., оказывавших посреднические снабженческо-сбытовые и другие услуги, объединявшие общей цепочкой связи десятки тысяч людей. Как следствие особая роль железнодорожного транспорта как экономического нерва страны накладывала свой отпечаток на развитие революционного и рабочего движения в стране¹⁵.

Причиной, подтолкнувшей железнодорожных рабочих к решительным действиям стал слух об аресте делегатов их профсоюза в Петербурге. В этих условиях руководство ВЖС принимает решение объявить всеобщую стачку на всех железнодорожных магистралях общероссийского значения. В ночь на 7 октября по всем железным дорогам России была послана депеша о прекращении движения поездов. Везде забастовщики переходили от экономических требований к политическим. Рабочие требовали от правительства демократических свобод национального равноправия, созыва Учредительного собрания¹⁶.

Очень скоро забастовка распространилась на другие предприятия Московской, Владимирской, Костромской, Тверской, Смоленской, Рязанской и других губерний страны. Общее количество стачечников по России составляло до 2 млн. чел. К забастовкам присоединялись служащие, студенты, городские службы.

Между тем, остановка движения на железных дорогах вела к нарушению промышленной и торговой жизни. Прекращение подвоза сырья и топлива останавливали работу заводов и фабрик в Тульской, Калужской, многих других губерний России.

Остановившаяся на проблеме стихийности и сознательности рабочего движения в это время необходимо отметить следующее. В недавнем коллективном исследовании первой российской революции справедливо указывается на необходимость исследования «внутренних закономерностей развития коллективного самосознания применительно к российской ситуации 1905 года»¹⁷. Выскажем свое мнение по этому поводу. Как представляется, на суждения историков оказывает влияние установившееся в советский период идеологические установки экономического материализма об закономерном взаимодействии

экономического фактора на включение рабочих в общественные процессы. Из этого посыла следовал вывод о постоянном обнищании рабочего класса, который и вынужден вести экономическую борьбу с предпринимателями и политическую с самодержавием. Однако приведенные выше факты стачечного движения (в Иваново-Вознесенске, Костроме, да и в целом в ряде других мест) вписывались в указанную схему отношений лишь отчасти.

Изучение рабочего движения показывает, что не только отдельным слоям рабочих, но и целым предприятиям не всегда были понятны цели политических забастовок, а в жизни стачечная борьба сопровождалась остановкой целых производств, невозможностью найти средства для жизни себе и семье, реальным голодом и лишениями. Поэтому действие всеобщей забастовки было не только возбуждающе, но и имело обратный эффект, а во многих местах само слово «забастовщик», по наблюдению В. П. Обнинского, «стало даже как бы бранным»¹⁸.

Ценным, на наш взгляд, является методологический посыл, высказанный известным политиком и историком П. Н. Милюковым. Рассматривая философские установки монизма, П. Н. Милюков заявляет: «он нисколько не требует, чтобы закономерное объяснение социологических явлений сводилось к одному «экономическому фактору» и далее: «на самом деле явления человеческой экономики происходят в той же психической среде, как и все другие явления общественности»¹⁹. Эти суждения существенно расширяют возможности исследователей в привлечении всей совокупности фактов рабочего движения, которые не вписывались в установки исторического материализма, позволяют оценить явления с человеческой стороны.

В результате становится понятным, что крушение привычного мира отлаженных связей и отношений вызывали отрицательные отношения к забастовкам у целого ряда слоев и категорий рабочих.

В революционной печати они характеризуются отсталыми, малосознательными, но эти во многом оценочные суждения проходили в логике становления «революционного самосознания», которая приводила закономерно к оправданию террора и террористов революционных партий. Умножали

антиреволюционные настроения насильственное поведение во время стачки революционеров и забастовщиков. Так по сообщению прокурора Рязанского окружного суда, забастовавшие 11 октября служащие железной дороги принудили закрыть железнодорожные мастерские, силой остановили работы на заводах Ажина и Левонтиных, а также Рязанском механическом. В прокламации руководивших движением эсеров содержалась угроза убийства всякому, кто будет препятствовать намеченному или ходу событий²⁰.

12 октября кровавые столкновения произошли между пытавшимися установить работы забастовщиками нескольких предприятий Рогожского района Москвы и рабочими завода Гужона. В результате обстрела революционерами гужоновцев, по свидетельству социал-демократической печати, было убито 5 гужоновцев, 12 ранено. Завод так и не присоединился к забастовке²¹.

Конечно, формы сопротивления революционерам во многих местах также не были мирным, а после появления манифеста 17 октября и вовсе привели к черносотенным погромам в Москве, Иваново-Вознесенске, Костроме, Ярославле, Егорьевске, Рыбинске и целом ряде других городов и мест России. Стихийно в погромную толпу вовлекались рабочие разных профессиональных групп. Вместе с тем, присоединение к организациям монархистов в конце 1905–1906 гг. целого ряда промышленных предприятий, названных центром был также проявлением самосознания верноподданнических чувств к самодержавному строю у рабочих. Однако в силу ряда причин и, прежде всего, сознательной апелляции монархистов к власти, ожидания ее решений и как следствие пассивности и отставания от общественных процессов в стране, их влияние было весьма ограничено в промышленных центрах России.

Ситуация осенью 1905 года была благоприятна для расширения влияния революционных партий рабочих России. Важную консолидирующую роль вокруг радикальных устремлений сыграла идея создания стачечных комитетов и советов рабочих депутатов. В период высшего подъема революции в городах и на бастовавших предприятиях губерний

ЦПР избирались стачечные комитеты-стачкомы. Эти органы забастовочной борьбы рабочих получали повсеместное признание у других профессиональных групп – служащих, учащихся и студентов, ремесленников.

Как органы борьбы с правительством они привлекали внимание революционных партий, деятелей, группировавшихся вокруг либеральных союзов. В октябре 1905 года стачкомы образуются в Москве и Ярославле. В этих городах они стремились объединить действие различных профессиональных групп и оказать идеологическое влияние, воздействие на рабочих. Во время декабрьских событий образовался и стачком в Нижнем Новгороде.

Наряду со стачечными комитетами в октябре-декабре 1905 года действовали советы рабочих депутатов в Москве, Костроме, Смоленске, Твери, а также в городе Александрове Владимирской губернии и в Мытищах Московской губернии. Кроме этого советы избирались на отдельных фабриках: Струнинской (Александровский уезд), фабриках Морозовых, в с. Орехово-Зуево, собрание рабочих Ярославской большой мануфактуры, совет рабочих депутатов Яхромской мануфактуры Дмитровского уезда, на Коломенском машиностроительном заводе Московской губернии. Имеются сведения о деятельности выборных органов на Сормовском заводе Нижегородской губернии²².

Деятельность политических партий в советах и стачкомах в октябре-декабре 1905 года приобрела не только форму сотрудничества, но и борьбы за идеологическое влияние на них, проведение своей тактики. Размеры статьи не позволяют детально рассмотреть отношение основных революционных, а также либеральных (кадетов) партий и течений к советам. Вместе с тем в отношении рабочих реально просматривалось две линии поведения и соответствующего идеологического влияния. Более умеренная – 1) либеральная и 2) радикальная, которую в конечном счете поддержали РСДРП и ПСР (особенно максималисты).

В литературе недостаточно изучен вопрос деятельности Московского стачечного комитета, в октябре-ноябре 1905 года. Организация, предшествовавшая его созданию – стачечный комитет Московского железнодорожного узла, был создан

в начале октября 1905 года. Однако 8 октября этот комитет, где руководящую роль играли большевики, был арестован полицией. В новом его составе большинство составили либералы и эсеры. Расширив его состав за счет представителей подконтрольных им союзов (инженеров, техников, торговых служащих и др.), они стремились превратить комитет в общемосковский²³.

Параллельно, не удовлетворяясь выступлениями железнодорожников, московские большевики 10 октября на партийной конференции и приняли решение: в полдень 11 октября объявить общегородскую стачку и выставить лозунги «Да здравствует всенародное восстание! Долой царское правительство! Да здравствует Учредительное собрание!». Для руководства стачкой была образована исполнительная комиссия в составе большевиков В. Шанцера, М. Владимирского и М. Васильева-Южина²⁴.

Так, к середине октября в Москве фактически действовало два центра, руководивших движением: стачечный комитет во главе с либералами и эсерами, а также стачечная комиссия, которую возглавляли большевики. Большевики действовали совместно с большевиками²⁵.

После появления манифеста 17 октября нарастают противоречия в революционном лагере. Представители либералов, а также эсеров, опубликовали «Манифест московского стачечного комитета», в котором предложили всем стачечникам встать на работу. В документе фактически высказывалось желание к объединению всех забастовавших рабочих Москвы, направление борьбы в более умеренное русло. Известно, что под влиянием стачкома находились рабочие Прохоровской мануфактуры (под руководством эсеров). Но в это же время делегатами рабочих фабрики между 18 и 23 октября были предъявлены экономические требования владельцу: 8 часов рабочего дня, сохранение выборных депутатов и др. Ультимативный тон требований – «некоторые более существенные... исполнить немедленно», а на остальные отводилось 3 месяца. «По истечении же этого срока, если они не будут вами исполнены, – говорилось в нем, – мы передаем ведение дела в стачечный комитет г. Москвы». Фактически выдвигалась угроза экспроприации фабрики²⁶.

Следовательно, идеологическое воздействие более умеренной тактики, проводимой стачкомом (прежде всего либералами), не отвечало внутреннему настрою рабочих на борьбу. Поэтому говорить о сознательном их подчинении Московскому стачкому можно лишь с известной долей условности.

Радикализации настроений способствовала и ситуация в Москве после 17 октября. Обстановка насилия, захлестнувшая улицы Москвы, привела к усилению радикальных настроений среди рабочих и учащейся молодежи. Усиливает пропаганду вооруженных форм борьбы и РСДРП. После 17 октября 1905 года было достигнуто соглашение о совместных действиях большевиков и меньшевиков Москвы. В это время появляются листовки за совместной подписью «Федеративного совета Московского комитета и Московской группы РСДРП», с радикальными призывами вооружения народа и подготовкой вооруженного восстания.

В конце октября – начале ноября руководство РСДРП начинает осознавать новые возможности советов рабочих депутатов. В начале ноября 1905 года руководство РСДРП предлагало немедленно использовать опыт петербургской социал-демократии по воздействию на эту рабочую организацию. Перед местными организациями выдвигалась задача «побуждать совет к принятию программы РСДРП и ее тактического руководства», немедленно мобилизовать социал-демократические силы в организации совета²⁷.

2 ноября 1905 года федеративный совет Москвы, объединявший большевиков и меньшевиков, организовал собрание 250 депутатов от 70 московских предприятий. На собрании выступил представитель Петербургского совета с подробным докладом о его организации и деятельности. Собрание обратилось к рабочим с призывом приступить к выбору депутатов в районные советы и вводить в них с решающим голосом представителей РСДРП.

Собрание предложило рабочим делегатам выйти из состава стачечного комитета г. Москвы и примкнуть к создаваемому Московскому совету. Стаечному комитету предлагалось также передать совету собранные денежные средства (Московская газета, 1905 г., 11 ноября). 11 ноября состоялось собрание рабочих

Лефортовского р-на (представители от 50 фабрик), избравшие исполнительный комитет совета²⁸, а 17 ноября «по образцу петербургского был образован совет депутатов Городского р-на».

Собранием 64 депутатов было единогласно принято постановление, предлагавшее Московскому стачечному комитету «не стоять на дороге образуемому чисто пролетарскому Совету депутатов, а распуститься»²⁹.

В связи с тем, что Московский совет предлагалось избрать из депутатов районных советов, были проведены выборы от фабрик Городского р-на. Вскоре, под влиянием этих событий, Московский стачечный комитет вынужден был констатировать «выход из его состава пролетарских организаций», а деньги, «поступившие в стачечный комитет без специального назначения...передать в совет рабочих депутатов» (Жизнь, 1905 г., 6 декабря). Это означало признание поражения в попытках либералов и эсеров в Московском стачке «объединить действия тех не вошедших в состав совет рабочих делегаций профессиональных организаций г. Москвы вокруг более умеренной тактики»³⁰.

Большую роль в создании и сплочении вокруг новой тактики сыграли представители Петербургского совета в ряде других городов: в Костроме, Ярославле, Смоленске, Н-Новгороде. Впрочем, не везде советы удалось создать, прежде всего по причине наличия в этих центрах других влиятельных рабочих организаций.

Сознание и поведение рабочих в конце 1905 года не только выразилось в объединении вокруг радикальной тактики революционных партий и течений (большевиков, меньшевиков, эсеров-максималистов), но и в попытках прямых захватов фабрик и заводов. В этом направлении действовали фабричные советы. 8-ми часовой рабочий день был введен на Коломенском машиностроительном заводе. В это же время рабочие не допускают до исполнения своих обязанностей администрацию Покровской м-ры в Яхrome. Как отмечалось в письме правления «главари движения выбрали свою администрацию, которая не только распоряжается как ей вздумается, но и требует от пайщиков признать ее юридически»³¹. Фактический захват рабочими Ярославской большой м-ры вынудил ее правление обратиться к председателю правительства С. Ю. Витте

с прошением о восстановлении своей власти на ф-ке³². Аналогично действовали рабочие и на крупнейшем предприятии Москвы – Прохоровской м-ре.

Таким образом, используя рабочие организации – советы, стачечные комитеты, дружины, революционным партиям удалось распространить влияние своей радикальной тактики на многие города и поселки не только центральной и всей России. В декабре 1905 года им удалось создать механизм трансформации индивидуального сознания в общественное и распространить лозунг вооруженного восстания в рабочие массы. Но в конечном счете решающим в борьбе за власть в 1905 году оказался фактор борьбы за армию, на которую революционные деятели, несмотря на предупреждение некоторых лидеров³³, должного внимания не обратили.

Рабочее движение оказало влияние на умонастроение царя и высших сановников России, участвовавших в разработке нового избирательного закона в декабре 1905 года. Главная дискуссия развернулась по вопросу об избирательных правах рабочих. А. И. Гучков и ряд других умеренных либералов выступили против «незаслуженного представительства рабочему классу», что позволить им (т.е. 14 депутатам –рабочим в Государственной думе) держать в руках «нити всего рабочего движения». Однако альтернативное предложение – дать избирательные права всем и особенно консервативной миллионной массе «стрелочников, извозчиков, сторожей, ремесленников» не получила поддержки.

Дворцовый комендант Д. Ф. Трепов прямо заявил, что всеобщая подача голосов даст «революционную думу». Результат дискуссии показал насколько сильным было воздействие рабочих на настроение высшей бюрократии: с одной стороны, высказывалось опасение о предоставлении избирательных прав рабочим, с другой, не дать их – означало вернуться к положению до 17 октября. В результате было решено учредить рабочую курию. Обращает внимание заключительное выступление Д. Ф. Трепова, поддержанное С. Ю. Витте и одобренное Николаем II: «Рабочее сословие обособленно и и совершенно отделено ныне от деревни, в особенности рабочие Санкт-Петербурга и вообще в больших фабричных центрах». После этих

слов дворцовый комендант сделал вывод, что выделение рабочих в курию и их участие «в составе губернских избирательных собраний вполне приемлемо и осуществимо»³⁴.

Следовательно, избирательный закон, по мысли царских сановников, получал вполне приемлемое содержание, а выделение рабочих в специальную курию рассматривалось в русле становления и развития сословий самодержавной России. Но, как показали последующие выборы, самосознание большинства фабрично-заводских рабочих уже не было монархическим. Более точными в прогнозах оказались участвовавшие в совещании царских сановников Д. Н. Шипов и А. И. Гучков. Они увидели в самом законе возможность усиления влияния на рабочих России со стороны революционных партий.

Таким образом, проблему стихийности и сознательности рабочего движения в 1905 году мы рассматриваем не противопоставлении, а во взаимном проникновении и взаимной обусловленности. Возмущение против кровавых событий 9 января в Петербурге выливается в рост стихийных настроений рабочих, желание найти адекватную внутреннему протесту форму реализации этих устремлений. Благодаря забастовочной борьбе 1905 года рождаются рабочие организации – советы уполномоченных, стачечные комитеты, профессиональные союзы и другие, которые становятся опорой не только их экономической борьбы, но и политической под руководством революционной и либеральной интеллигенции. Логика борьбы приводила рабочих к отстаиванию своих интересов, к выдвижению не угодных предпринимателям и власти «уполномоченных» (на основе закона 1903 года о фабричных старостах), а стойких защитников без различия пола и возраста. Поэтому к концу 1905 года рабочие фабрично – заводских предприятий и течений, деятельности советов и организаций осознают противоположность своих интересов самодержавной власти и предпринимателей.

Вместе с тем, при всем доминировании этих настроений стачечная и революционная борьба рождала противоположные чувства у слоев рабочих, которые не понимали целей борьбы, а вовлекались в нее помимо своей воли. В профессиональном отношении эти слои зависели от администрации

и предпринимателей, отрицательно относились к разрушению привычных отношений, к анархии и падению реальной заработной платы, остановили производство в результате всеобщих забастовок 1905 – начала 1906 гг. многотысячная масса стрелочников, извозчиков, ремесленников, грузчиков пополняла ряды монархических организаций.

Но, несмотря на эти нормы избирательного закона 11 декабря 1905 года отсекали эту консервативную массу от участия в думских выборах. Ослабление администрации возможности воздействовать на трудовые коллективы, широкое распространение после 1905 года профсоюзов, и отсутствие рычагов влияния государства на производственные отношения привели к распространению преобладающего влияние революционных партий на рабочих России.

Примечания

¹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность.

² Розенталь И. С. Духовный мир рабочих в изображении А. К. Гостева // Буржуазия и рабочие России во 2-й половине XIX – начале XX вв. – Иваново, 1994. – С.74.

³ Революционная Россия. – 1905. – 15 мая. – С.11.

⁴ Русский рабочий в революционном движении. Сб.1. Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. – М., 1903. – С.69.

⁵ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг. – Сб. док. – М., 1979–1991. – Т. 2(1) – С.176, 177 и др. Далее – «Переписка».

⁶ Воробьев Н. И. Стачка Иваново-Вознесенских рабочих 12 мая – 22 июля 1905 года / К экономическому положению русских рабочих в русской промышленности. – М., 1907. – С.23–24.

⁷ Там же.

⁸ Депутаты первого совета. – М., 1980. – С.105–292.

⁹ См.: Листовка Иваново-Вознесенского комитета РСДРП «Кто идет под флагом и кто идет под белым знаменем»/Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации 1900–1917. – Иваново, 1957. – С.124.

¹⁰ Заре навстречу. Костромской совет в 1905 году. – Ярославль, 1977. – С. 57.

- ¹¹ 1905 год в Костроме. – Кс., 1926. – С.147–148.
- ¹² Переписка. – Т. 3(2). – С.297.
- ¹³ Переписка. – Т. 2(2). – С.192; Т. 3(1). – С.146.
- ¹⁴ Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. – М., 1975. – С.137.
- ¹⁵ Пушкарева И. М. Указ. соч. – С.4.
- ¹⁶ Первая революция в России: взгляд через столетия. – М., 2005. – С. 293–294.
- ¹⁷ Первая революция в России: взгляд через столетия. – С. 303.
- ¹⁸ Обнинский В. П. Девяносто дней в одиночном заключении. – М., 1917. – С.51.
- ¹⁹ Милуков П. Н. Очерки из истории русской культуры. Т. 2. – М., 1994. – С. 11.
- ²⁰ ГАРФ. – Ф.21. – Оп. 43. – 1905. – Д. 737. – лл. 1–4.
- ²¹ ГАРФ. – Ф. 1741. – Оп. 1. – инв. № 8564.
- ²² Пролетариат ЦПР в революции 1905–1907 гг. Яр. 1982. – С.22–30; Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии в 1905–1907 гг. Горький, 1955. – С.249–253.
- ²³ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. – Ч.1, – С.680.
- ²⁴ Первая революция в России: взгляд через столетие. – С.294.
- ²⁵ Чебарин А. Москва в революции 1905–1907 годов. – М., 1955. – С.139
- ²⁶ Центральный исторический архив города Москвы – Ф. 131.– Оп.60. – Д.24. – л.1–3.
- ²⁷ Третий съезд РСДРП – Сб. док. и мат. – М.,1955. – С.366–367.
- ²⁸ 1905 год в Москве. – М.,1955. – С.130.
- ²⁹ Высший подъем революции. – Ч.1. Сб. док. – С.580.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же, С.802.
- ³² Высший подъем революции. Ч.2. – С.226–227.
- ³³ Плеханов Г.В. Наше положение / Соч. т.13., С.354–355.
- ³⁴ Протоколы заседаний совещаний под личным, его императорского величества председательством для рассмотрения положений Совета Министров о способах осуществления высочайших предубаждений, возвещенных в п.1. манифеста 17 октября 1905 года, 5,7 и 9 декабря. – СПб.,1905. – С.11–53.

Ю. А. Петров

АЛЕКСАНДР КОНОВАЛОВ: БУРЖУАЗИЯ В ПОИСКАХ
СОЦИАЛЬНОГО МИРА

Осенью 1912 г. широко праздновался 100-летний юбилей Товарищества мануфактур «Иван Коновалов с сыном» – одного из крупнейших хлопчатобумажных предприятий России с капиталом 7 млн.руб. На фабриках Товарищества в Кинешемском уезде Костромской губернии трудилось около 6 тыс. рабочих. В центре внимания находилась фигура хозяина дела – 37-летнего Александра Ивановича Коновалова, промышленника и банкира, мануфактур-советника, товарища председателя Московского биржевого комитета и депутата Государственной думы. Политическая биография этого предпринимателя является уникальным свидетельством поисков буржуазией мирного выхода из общенационального кризиса начала XX в. и многое дает для понимания причин неудачи этих попыток ¹.

На юбилейных торжествах рефреном приветственных речей звучала фраза – «Побольше бы России Коноваловых!» Ораторы вспоминали место из романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах», один их героев которого так описывал историю кинешемских фабрикантов: «Да вот к примеру Вичугу взять. До французского года ни одного ткача в той стороне не бывало, а теперь по трем уездам только и дела, что скатерти и салфетки ткать. А как дело зачалось? Выискался смышленный человек с хорошим достатком, нашего согласия был, по древнему благочестию, Коноваловым прозывался, завел небольшое ткацкое заведение, с легкой его руки дело и пошло, да и пошло. И разбогател народ, и живет теперь лучше здешнего... Побольше бы Коноваловых у нас было – хорошо народу бы жилось» ².

«Смышленным человеком», основавшим коноваловское дело, являлся прадед Александра Ивановича – Петр Кузьмич (1781–1846), крестьянин-старообрядец, выбившийся в число виднейших фабрикантов. Возвышению его способствовал «французский» 1812-й год, когда в огне московского пожара погибли заведения и склады товара конкурентов. До 45-летнего возраста прадед Коновалова числился крепостным крестьянином и лишь в 1827

г. за 2400 рублей выкупился на волю. При сыне его Александре Петровиче (1812–1889) заведение Коноваловых превращается в крупнейшую механическую фабрику в крае, получившую всероссийское признание: в 1882 г. фирма получила право маркировать изделия изображением государственного герба в награду «за весьма хорошие ткани, за обширность и давность производства и за постоянное стремление улучшать дело». Отличительной чертой Коноваловых была непоказная забота о своих рабочих, для которых хозяевами строились казармы, больница, церковь, школа, баня и др.

Правда, при третьем поколении коноваловское дело пережило кризис: Иван Александрович, отец А. И. Коновалова, забросил фабричное производство, увлекшись шумными пиршествами³. В 1897 г. фирма была преобразована в акционерное Товарищество, главой которого на семейном совете был назначен 22-летний представитель четвертого поколения, уже не старообрядец, а православный (в середине XIX в. семья перешла из раскола в единоверие). Александр Коновалов представлял блестящий типаж российского предпринимателя новой формации. После окончания Костромской гимназии, он поступил на физико-математический факультет Московского университета, но вынужден был прервать учебу из-за кризиса семейного дела⁴. Профессиональное образование он получил в школе прядения и ткачества в Мюльгаузене (Эльзас-Лотарингия). Рациональный, европеизированный склад мышления сочетался в нем с недюжинным творческим дарованием. По отзыву близко его знавшего П. Н. Милюкова, который сам увлекался игрой на скрипке, костромской фабрикант являлся незаурядным исполнителем⁵. Юношей он брал уроки у С. В. Рахманинова, учился затем у профессора Московской консерватории А. И. Зилоти. Слух и музыкальная техника позволяли отпрыску купеческого рода даже выступать с сольными концертами, однако играл он нечасто, поскольку музыка чересчур сильно действовала на впечатлительного юношу, и доктора запретили ему подолгу предаваться любимому занятию⁶.

В предпринимательских кругах имя Коновалова стало известно благодаря беспрецедентно широким мерам по

улучшению условий жизни фабричных рабочих. Социальные программы осуществлялись при этом отнюдь не в ущерб технической стороне дела – внимательно следивший за техническими новинками, молодой фабрикант оснастил свой комбинат в Бонячках и прядильно-ткацкую фабрику в соседнем селе Каменка наисовременнейшими английскими прядильными станками и немецкими электрическими машинами. В короткий срок удалось ему вывести семейное дело из кризисной полосы и вновь обеспечить коноваловской фирме первое место в списке хлопчатобумажных предприятий костромского края. «Приняв предприятие в состоянии некоторого упадка, – отмечалось его коллегами по Московскому биржевому комитету, – А. И. в течение небольшого времени довел его до блестящего состояния, введя все новейшие усовершенствования». ⁷

Успехи в немалой степени связаны были с реформами в области организации труда. В январе 1898 г. забастовали ткачи на фабрике, потребовав от администрации 18-часового рабочего дня в течение двух смен вместо существовавшего 21,5-часового. Хозяин, только что вступивший в должность директора-распорядителя, признал обоснованность их притязаний, одним из первых в России установив 9-часовой рабочий день на фабриках Товарищества (12 часов рабочий трудился в одну смену и еще 6 часов – на следующий день). Но мог он проявить и твердость, когда находил, что рабочие предъявляют необоснованные требования. Так, в 1903 г., когда забастовала часть прядильщиков, заявивших о необходимости повысить расценки в связи с недоброкачеством выдаваемого конторой сырья, председатель правления фирмы дал ответ, что никаких изменений в договоре он не допустит, а за качеством выдаваемой пряжи проследит лично. Хозяин не преследовал рабочих за участие в забастовках, считая их естественной формой взаимоотношений труда и капитала, но старался все же, чтобы не возникало почвы для недовольства ⁸.

Коновалов высказывал новаторские для отечественной буржуазии идеи «социального мира» в промышленности, залогом которого должна была стать патерналистская политика предпринимателей по отношению к наемным труженикам ⁹.

«Рабочий класс должен быть опорой, хребтом государства, а не враждебной ему силой» – девиз, которым Коновалов руководствовался с первых шагов своей самостоятельной деятельности¹⁰. Собственное предприятие стало своеобразным испытательным полигоном, где проходила проверку либеральная линия. За счет прибылей фирмы были проведены меры по обеспечению рабочих «здоровым, удобным жилищем»: построены бесплатные казармы для одиноких и семейных, возведены два поселка из отдельных домов, названные в честь хозяина и его сына «Сашино» и «Сережино». Поселившийся в таком доме рабочий в течение 12 лет выплачивал стоимость его фирме и становился его собственником. Для желающих строиться самостоятельно по низкой арендной цене отводилась земля из фонда Товарищества.

Фирма финансировала строительство и содержание двухклассной школы для детей фабричных (на фабриках фирмы по распоряжению Александра Ивановича был отменен труд малолетних), за счет «Ивана Коновалова с сыном» оборудованы бесплатные ясли на 160 детей, богадельня для престарелых, библиотека-читальня, бесплатная баня, устроены сберегательная касса и потребительское общество, снабжавшее рабочих продуктами по ценам низшим по сравнению с местными лавочниками. На фабриках издавна действовали больница и амбулатория с бесплатным лечением, а к 100-летию фирмы в 1912 г. отстроено новое здание со стационарным отделением на 100 кроватей и родильным приютом на 25 мест. На их содержание фирма ежегодно отчисляла до 75 тыс. руб.¹¹

Рабочие ценили заботу о них молодого хозяина, и не случайно волны забастовок 1900-х годов, как правило, обходили стороной коноваловскую фирму. Незадолго до начала мировой войны Александр Иванович, постоянно занятый в то время в Государственной Думе, посетил родные Бонячки и узнал, что фабрики его продолжали работать, когда окрестные предприятия остановились из-за прокатившейся политической стачки. Признательный хозяин распорядился поощрить своих рабочих, повысив на 10–30% расценки и объявив о строительстве Народного дома, на нужды которого выделил 200 тыс. руб.

На изъявления благодарности со стороны фабричных Коновалов заявил, что очень доволен их спокойным поведением и пообещал, «как и всегда», идти навстречу их нуждам и интересам. Костромские фабриканты возмутились односторонним повышением расценок, полагая, что этим затягивается забастовка на их предприятиях, но Коновалов на их сетования не обращал внимания, открыто заявив, что «мнение рабочих для него гораздо дороже, чем мнение какого-нибудь Кокорева или Разоренова»¹².

Рамки семейного дела становятся тесны для энергичной натуры предпринимателя, стремившегося воплотить в жизнь свои идеалы на общегосударственном уровне. С начала 1900-х годов он постоянно проживал в Москве, а техническое управление фабриками передал директорам-менеджерам. В 1905 г. костромской купец избирается старшиной Московского биржевого комитета, примыкая к группе «молодых» капиталистов во главе с П. П. Рябушинским.

Коновалова сближала с ним общая система ценностей, основу которой составляли либеральные идеи об утверждении в стране правового конституционного строя, способного смягчить накал социальной напряженности и обеспечить поступательное развитие страны по пути рыночной экономики и демократии. В Московском биржевом комитете он активно занимался подготовкой законопроекта о введении в России торгово-промышленных палат - порайонных предпринимательских организаций, призванных объединить представительство интересов буржуазии во всероссийском масштабе. Хотя из-за бюрократических проволочек и столкновения интересов различных региональных групп предпринимателей проект, как отмечалось выше, не был реализован, имя его фактического автора в деловых кругах приобретает все большую известность. В 1908 г. Коновалов избирается заместителем («товарищем») председателя Московского биржевого комитета Г. А. Крестовникова, входит и в число гласных Московской городской думы.

Вместе с П. П. Рябушинским Коновалов участвует в организации и проведении «экономических бесед», на которых в 1908 - 1912 гг. представители промышленности и науки обсуждали насущные вопросы экономического развития страны. Некоторые

из «бесед» проходили в его московском особняке на Большой Никитской улице. «Александра Ивановича в Москве любили, – вспоминал П. А. Бурыйшкін, – на приглашение его откликнулись, и тогда и начались “беседы”»¹³.

В 1912 г. его выбирают депутатом IV Государственной думы от Костромской губернии, и “думский” этап становится важнейшим в его политической карьере. Примыкая к фракции “прогрессистов”, требования которых совпадали с программой московских “молодых” предпринимателей (мирное реформирование государственного строя на конституционных началах), он становится членом нескольких думских комиссий (финансовой, по торговле и промышленности, по рабочему вопросу), в которых раскрылся как компетентный и независимый эксперт. С думской трибуны он демонстрировал растущую оппозиционность деловых кругов, открыто заявляя, что «в рамках полицейского строя экономический расцвет недостижим». Зависимые от бюрократического “усмотрения”, «ни личная инициатива, ни энергия, ни капиталы не обеспечены в своем развитии, а потому инициатива вянет в зародыше, капиталы не притекают к делам, и богатства страны остаются мертвыми»¹⁴. В думе Коновалов пытался добиться и улучшения жизни российских рабочих, выступил с проектом по охране труда женщин и малолетних, строительства жилищ для фабричных, страхования их по старости и инвалидности, некоторые из его предложений были реализованы.

Испытав разочарование в думских методах давления на правительство, он незадолго до мировой войны пошел на союз с леворадикальными партиями, в том числе и большевиками, которых пытался использовать для координированного воздействия на правящий режим вне думы. «Объединенная оппозиция, – призывал он представителей революционных партий, – должна стараться вызвать такие выступления, которые запугали бы правительство и заставили его пойти на уступки»¹⁵. Социал-демократов он призывал устроить политические забастовки рабочих, от эсеров Коновалов ждал революционных «эксцессов» в деревне и т.п. Либеральный политик обещал в ответ финансовую помощь, например, большевики рассчитывали от

него получить 20 тыс.руб. для проведения очередного съезда своей партии. Думский депутат и ранее оказывал некоторое содействие большевикам, передав несколько тысяч рублей Роману Малиновскому, оказавшемуся полицейским агентом, и через посредников – самому Ленину¹⁶. Большевики видели в Коновалове «нового Савву Морозова», но альянс их оказался непрочным – поддерживать думских либералов социал-демократы не захотели и денег, на которые рассчитывали, так и не получили¹⁷.

В годы мировой войны костромской фабрикант становится одним из лидеров думского «Прогрессивного блока», выдвинувшего требование «ответственного (перед Думой) министерства». Коновалов одновременно возглавил Центральный Военно-Промышленный комитет, созданный предпринимателями для мобилизации частной промышленности на нужды войны. При комитете им была создана «рабочая группа», неполитическая легальная организация, призванная ввести рабочее движение в легитимные рамки, не дать ему приобрести антигосударственный анархический характер. «На другой день после мира, – пророчески заявлял он на одном из совещаний либеральной интеллигенции, – у нас начнется кровопролитная внутренняя война. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв пострадавших масс... Спасение в одном – в организации себя, с одной стороны, в организации рабочих – с другой. На правительство надеяться нечего, мы окажемся лицом к лицу с рабочими – и тут совершенно бесспорна их сила и наше бессилие. Не лучше ли в таком случае путь соглашений, путь трезвых уступок как с той, так и с другой стороны»¹⁸.

Коновалов рассчитывал с помощью “армии пролетариата”, действующей в союзе с либеральными предпринимателями, заставить правительство пойти на уступки. «Власть должна идти навстречу удовлетворению основных нужд рабочих масс, – писал он в подготовленной осенью 1916 г. записке под названием «Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию», – осуществляя важнейшие требования социального законодательства и в корне изменяя отношение к рабочему классу, отрешаясь от политики недоверия и приемов административного усмотрения, ведущих к всевозможным стеснениям и произволу»¹⁹.

Однако самодержавная власть нанесла упреждающий удар, в канун Февральской революции арестовав «рабочую группу» военно-промышленного комитета по обвинению в подготовке государственного переворота. «Как раз в тот момент, – обращался Коновалов к коллегам по думе, – когда группа готовилась стать оплотом против опасных течений в рабочей массе, правительство разрушает эту ячейку... Удар по рабочей группе – это есть в сущности удар по всей русской общественности»²⁰. Разразившиеся через несколько дней февральские события в Петрограде Коновалов встретил с чувством тревоги за судьбы страны, но испытал в то же время громадный душевный подъем от наступивших «дней свободы».

Никого не удивило включение предпринимателя и политика в состав первого Временного правительства с портфелем министра торговли и промышленности. С 1915 г. его кандидатура в среде либеральной общественности рассматривалась как единственно возможная для замещения этой должности. Важнейшей своей задачей новый министр считал поддержание социальной стабильности во взбаламученной революцией стране. Коновалов заверил рабочих, что «приложит все усилия для правильной постановки и надлежащего разрешения рабочего вопроса», но предупредил, что отвергает социал-демократический лозунг немедленного введения 8-часового рабочего дня, так как эта мера «убьет оборону». Он предлагал взяться за разработку законопроекта о продолжительности рабочего дня, но ограничение рабочего времени считал возможным осуществить только после окончания войны. Для смягчения социальных конфликтов Коноваловым предлагалось развитие профессиональных союзов и примирительных учреждений, отмена уголовного преследования за стачки, организация для рабочих бирж труда и развитие страхования, ограничение («лимитация») прибылей предпринимателей и др.²¹

«Поддержание социального мира внутри страны в целях победы над врагом» – таково было кредо либерального министра, все менее находившего понимание у социалистических партий. Убежденный, что «если хозяева не будут полноправными владельцами своих предприятий, то предприятия не смогут

нормально работать и тогда неизбежен экономический тупик», Коновалов резко протестовал против ширившегося движения «рабочего контроля», но в то же время выступал против любых насильственных форм воздействия на рабочих²². На одном из заседаний Временного правительства он во всеуслышание заявил: «Я предупреждаю – первая пролитая кровь, и я уйду в отставку». Свой пост Коновалов покинул в мае 1917 г., когда все явственнее вырисовывалось полное бессилие правительства перед анархической стихией. Причиной отставки министра стало «отсутствие уверенности, – по его собственному признанию, – что Временное правительство может при данных условиях проявить полноту власти».

«Антигосударственные тенденции, маскируя свою истинную сущность под лозунгом, гипнотизирующим народные массы, – писал он в те переломные для России дни, – ведут страну гигантскими шагами к катастрофе... Бросаемые в рабочую среду лозунги, возбуждающие темные инстинкты толпы, несут за собой разрушение, анархию и разгром общественной и государственной жизни... Свергая старый режим, мы твердо верили, что в условиях свободы страну ожидает мощное развитие производительных сил, но в настоящий момент не столько приходится думать о развитии производительных сил, сколько напрягать все усилия, чтобы спасти от полного разгрома те зачатки промышленной жизни, которые были выращены в темной обстановке старого режима»²³. От политической деятельности он не отошел, летом 1917 г. вступив в кадетскую партию, с лидерами которой, П. Н. Милюковым прежде всего, давно был связан по думской деятельности. Внутри партии кадетов Коновалов поддерживал течение на немедленный сепаратный мир с Германией, сформулировав пророческую дилемму – «разумный мир или неминуемое торжество Ленина»²⁴.

В конце сентября 1917 г. он вновь входит в состав Временного правительства, приняв предложение А. Ф. Керенского занять пост министра торговли и промышленности. Накануне октябрьского переворота в Петрограде он фактически возглавил организацию сопротивления большевикам после отъезда Керенского в Гатчину, хотя не обладал для этого достаточными ресурсами.

Предприниматель и политик в одном лице, Коновалов вел последнее заседание Временного правительства в Зимнем дворце, откуда вечером 25 октября отправил телеграмму в Ставку: «Петроградский совет объявил правительство низложенным, потребовал передачи власти угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера “Аврора”. Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, решило не сдаваться и передать себя защите армии и народа. Ускорьте посылку войск»²⁵.

Из Петропавловской крепости, куда Коновалов был препровожден вместе с другими арестованными министрами правительства, ему удалось передать так называемый «государственный акт» – подписанное всеми членами кабинета послание, которым вся власть от имени Временного правительства передавалась Учредительному собранию²⁶. Коновалов намеревался участвовать в сессии Учредительного собрания, чтобы дать публичный отчет о своих действиях на посту министра, но из тюрьмы был выпущен по состоянию здоровья уже после разгона большевиками последнего российского парламента. Россию Александру Ивановичу из-за угрозы террора (в начале января 1918 г. матросами были убиты два бывших министра Временного правительства А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин) пришлось немедленно покинуть, и в его жизни наступил последний и самый длительный период – эмигрантский. Обосновавшись во Франции, Коновалов отвергал попытки вооруженной силой покончить с правлением большевиков, рассчитывая на мирное перерождение режима под влиянием «новой экономической политики» и с помощью «объединенной русской демократии, вышедшей из мартовской революции»²⁷.

С 1924 г. и до вступления гитлеровской армии в Париж в июне 1940 г. Коновалов возглавлял редакцию издававшейся П. Н. Милюковым газеты «Последние новости», самого популярного периодического органа русской эмиграции. Немало им было сделано для русских беженцев, вынужденных обжиться вдали от родины. Вместе с бывшим премьером Временного правительства князем Г. Е. Львовым и эсером Н. Д. Авксентьевым он руководил Российским земско-городским

союзом (Земгором), который оказал помощь тысячам эмигрантов, устраивая их на работу в новой стране, обучая детей на родном языке и т.д. Музыка, давнее увлечение Александра Ивановича, побудила его к участию в создании Русского музыкального общества в Париже и Русской консерватории при этом обществе²⁸.

После гитлеровской оккупации Франции Коновалов уехал в США, откуда вернулся незадолго до смерти в 1947 г. Его сын, Сергей Александрович (1899–1978), эмигрировавший с отцом, стал крупным ученым, историком, профессором Кембриджского университета, автором трудов по истории России и русско-английских отношений XVII–XVIII вв.

Политическая биография А. И. Коновалова опровергает ставший общим местом советской историографии тезис о недалёковидности и отсталости отечественной буржуазии, о том, что она была недостаточно политически развита и «неспособна поступиться узкокорыстными интересами ради более широко понятых общеклассовых интересов»²⁹. В действительности усилия таких предпринимателей, как Коновалов, направленные на сохранение внутреннего мира, свидетельствуют о наличии у российской буржуазии реальной программы эволюционного выхода из общенационального кризиса, которую ей не удалось осуществить по независящим от нее причинам и вследствие противодействия революционных партий.

Примечания

¹ О ранней биографии Коновалова подр. см.: Петров Ю.А. А.И. Коновалов // Политическая история России в партиях и лицах / Сост.: В.В. Шелохаев и др. – М.: Терра, 1994. – С. 248–270.

² Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812–1912. Краткий исторический очерк. – М., 1912. – С. 21.

³ См. Бурышкин П. А. Москва купеческая. – М., 1991. – С.185.

⁴ ЦГИАМ. – Ф. 418, Оп. 308, д.489 – О принятии в число студентов Московского университета А.И. Коновалова, л.1-22.

⁵ См.: Милюков П.Н. Воспоминания, 1859-1917. Вст. ст. и коммент. Н.Г.Думовой. Т.II. М., 1990. С.404.

⁶ См.: Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С.225.

⁷ ЦГИАМ. – Ф. 143. – Оп. 1. – Д. 298. – Л. 48–49.

⁸ ГАРФ. – Ф. ДП 4 д-во. – Д. 4. – Ч. 4. – Лит. А. – Л. 35–37.

⁹ См.: Старцев В. И. Взгляды А. И. Коновалова по рабочему вопросу // Пролетариат России его положение в эпоху капитализма. – Львов, 1972. – Вып. 2. – С. 159–163.

¹⁰ См.: Коновалов А. И. Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию, б./д. [1916 г.] // Красный архив. – Т. 57. – 1933. – С. 72–84.

¹¹ См.: Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812–1912. – С. 42–44, 60.

¹² ГА РФ. – Ф. 102 ДП ОО, 1914 г. – Д. 73. – Лит. Б. – Л. 26–27.

¹³ Бурышкин П. А. Москва купеческая. – С. 271.

¹⁴ ОПИ ГИМ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 72 – Фракция прогрессистов в IV Государственной Думе. Сессия I. 1912–1913 гг. – Вып. I. – Спб., 1913.

¹⁵ ГА РФ. – Ф. 102 ДП ОО, 1914 г. – Д. 73. Лит. Б. – Л. 1–2.

¹⁶ Там же. – Ф. ДП ОО, 1914 г. – Оп. 15. – Д. 73. – Лит. Б. – Л. 20–20 об.

¹⁷ О контактах А. И. Коновалова с социал-демократами см. также: Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. – М., 1967. – С. 103–104; Розенталь И. С. Русский либерализм накануне Первой мировой войны и тактика большевиков // История СССР. – 1971. – № 6. – С. 52–70.

¹⁸ ГА РФ. – Ф. 102 ДП ОО, 1916 г. – Д. 343 зс. – Т. III. – Л. 241–241 об.; Буржуазия накануне Февральской революции / Сост. Э. Б. Граве. – М., 1928. С. 139–140; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. – Л., 1967. – С. 195.

¹⁹ Красный архив. – Т. 57. – 1933. – С. 72–84.

²⁰ ЦГИАМ. – Ф. 143. – Оп. 1. – Д. 447. – Л. 28–34; ОПИ ГИМ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 99–115.

²¹ От министра торговли и промышленности к трудящимся // Торгово-промышленная газета. 8 (21) марта 1917; 17 (30) марта 1917.

²² Цит. по: Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. – М., 1962. – С. 69.

²³ Вестник Временного правительства. 18 (31) мая 1917.

²⁴ См.: Думова Н. Г. Кадетская партия в годы Первой мировой войны. – М., 1988. – С. 216–217.

²⁵ Цит. по: Октябрьское вооруженное восстание. 1917 год в Петрограде. – Кн. 2. – Л., 1967. – С. 348.

²⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 10. – Д. 49. – Л. 105 – Осведомительное бюро московских торгово-промышленных организаций «Центросвязь». Бюллетень. № 17. 22 декабря 1917.

²⁷ См.: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. 1917–1920. – М., 1982. С. 338.

²⁸ См.: Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. – С. 23, 25, 225.

²⁹ См., напр.: Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. – 1963. – № 3. – С. 69.

Л. И. Бородин

О ДИНАМИКЕ РЕАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЫ РАБОЧИХ В ПЕРИОД ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Изучение проблем становления и развития рынка труда на первом этапе индустриализации России (с 1880-х гг. и до 1917 г.) имеет богатую традицию. Однако целый ряд различных аспектов этого процесса не получил должного освещения. К ним можно отнести и вопрос о степени дифференциации оплаты труда рабочих, ее динамике. Другой важный вопрос касается динамики *реальной* зарплаты рабочих, оцениваемой с учетом индекса дороговизны жизни. Для каких категорий рабочих (с более высокой или более низкой квалификацией) уровень реальной зарплаты изменялся более заметно?

Развитие рынка труда в России в период дореволюционной индустриализации сопровождалось значительной дифференциацией в оплате труда рабочих. До сих пор, однако, в научный оборот не введены систематические данные о динамике

заработной платы, охватывающие различные квалификационные группы рабочих основных отраслей промышленности России второй половины XIX – начала XX в. Впрочем, начиная с 1890-х гг. различными авторами опубликовано довольно много фрагментарных, отрывочных данных об оплате труда рабочих в дореволюционной России. Как правило, эти сведения привлекались для иллюстрации авторской точки зрения о положении рабочих в той или иной местности или отрасли промышленности.

Традиционно исследователи обращаются к *усредненным* данным об оплате труда промышленных рабочих, основанным на сводных сведениях по тем или иным предприятиям, отраслям, регионам или даже по всей фабрично-заводской промышленности, оставляя в тени профессионально-квалификационную дифференциацию оплаты труда в промышленности в 1880-х – 1910-х гг.¹ Важность данного аспекта отмечают и авторы коллективного труда по вопросам экономики труда и социально-трудовых отношений, подводя итоги своего анализа процесса становления капиталистического рынка труда в России начала XX в: «Как видим, рыночные отношения стихийно сформировали цену рабочей силы и основные пропорции оплаты труда различных групп работников на основе принципов *дифференциации зарплат*, учета сферы приложения труда, его условий, а также региональных особенностей»².

Характеризуя ситуацию с изучением пореформенной оплаты труда, С. Г. Струмилин, один из наиболее авторитетных исследователей этой проблематики, отмечал, что «для освещения динамических процессов в области заработной платы... вплоть до самого конца XIX в. за отсутствием *массовых* статистических материалов приходится довольствоваться весьма разрозненными данными отдельных предприятий, публикациями справочных цен по отдельным городам и т.п. источниками иллюстративного значения»³. Несколько лучше выглядит ситуация с данными о зарплате рабочих по началу XX в. (благодаря сведениям фабричной инспекции), но и здесь систематизированных и достаточно структурированных динамических данных, позволяющих оценить дифференциацию в оплате труда, нет.

В этих условиях наиболее представительную коллекцию динамических данных об оплате труда промышленных рабочих в дореволюционной России собрал в свое время (пользуясь в основном материалами различных публикаций) С. Г. Струмилин. Опубликованные им данные характеризуются различными уровнями агрегирования. Наиболее укрупненные данные содержат динамику среднегодового заработка фабричного рабочего в России в 1885–1914 гг.; их исчисление было произведено на основе сведений фабричной инспекции о всех фабриках и заводах, применявших штрафованию рабочих⁴. Другой массив отражает годовую динамику оплаты труда железнодорожников по всей сети дорог общего значения (с 1883 г.)⁵. Снижая уровень агрегирования, Струмилин для иллюстрации роста зарплаты в промышленности с начала 1880-х гг. и до конца XIX в. приводит динамику годового заработка рабочих Коломенского машиностроительного завода⁶.

Все эти ряды данных, однако, не могут быть использованы для изучения проблемы дифференциации реальной зарплаты промышленных рабочих – это сводные сведения, они не структурированы по рабочим профессиям. Исключение составляют относительно длинные динамические ряды справочных цен на рабочие руки по семи профессиям строительных рабочих Петербурга (столяры, слесари, маляры, плотники, каменщики, штукатуры и поденщики)⁷. Собранные и опубликованные А. Рыкачевым данные охватывают период за 58(!) лет, начиная с 1853 г.⁸ Эти данные анализируются Струмилиным в основном для изучения параллелизма в движении цен на рабочие руки по шести указанным профессиям строительных рабочих; однако представляют интерес и те несколько строк, в которых он резюмирует свои наблюдения о дифференциации оплаты труда рабочих-строителей: «разрыв в оплате обученного и необученного труда за весь период обнаруживает довольно заметные смещения, сначала, до середины 60-х гг., вниз, в сторону большей уравнительности, а затем вверх, в направлении возрастающей дифференциации. Очень показательно, что возрастание уравнительности совпадает по времени с понижением среднего уровня реальной оплаты

труда, а рост дифференциации следует за повышением этого уровня»⁹. Объяснение этого наблюдения Струмилин связывает с тем, что «в периоды низкой конъюнктуры вообще и падающего уровня зарплаты труднее всего снизить уровень наихуже оплачиваемых слоев пролетариата, ибо они и без того уже стоят у порога физиологического минимума потребностей. А потому, прежде всего, и легче всего падает оплата труда более квалифицированных профессий, что и приводит к большей уравнительности в расценке различных категорий труда»¹⁰. Теоретически этот тезис представляется обоснованным, однако практические ситуации нередко противоречат ему. Так, в составленной Струмилиным таблице сгруппированных по пятилетиям данных о зарплате строительных рабочих С.-Петербурга содержатся следующие значения подневной платы неквалифицированных рабочих¹¹:

1853–1857 гг. ¹²	49,6 коп.
1858–1862 гг.	60,8 коп.
1863–1867 гг.	67,8 коп.

Очевидно, оплата труда строителей-чернорабочих существенно (на треть) возросла к середине 1860-х гг. С другой стороны, хорошо известен тот факт, что в периоды низкой конъюнктуры предприниматели стремились удержать квалифицированных рабочих, не снижать их зарплату. Более обоснованным представляется другое объяснение заметного (почти на треть) снижения оплаты труда квалифицированных и полуквалифицированных рабочих-строителей в первые годы после реформы 1861 г., которое Струмилин приводит в другом фрагменте своей работы: «Это падение, очевидно, следует объяснить широким притоком в столицу свежих рабочих рук из освобожденной деревни».¹³

Именно данные о подневной плате строительных рабочих, собранные и опубликованные в 1911 г. А. Рыкачевым, представляются нам наиболее ценным (на сегодняшний день) материалом для изучения долговременных тенденций дифференциации оплаты труда рабочих в дореволюционной

России. Обратимся к этим данным для оценки изменений в динамике отношения оплаты труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Рассмотрим две группы строительных рабочих – столяров и чернорабочих. Использование в данной работе таблиц о заработках строительных рабочих, опубликованных Струмилиным, невозможно ввиду того, что эти таблицы содержат лишь *группировки* данных, собранных Рыкачевым (группировка по пятилетиям для каждой из строительных профессий или группировка по всем профессиям для каждого года, 1853–1910 гг.). Поэтому мы используем исходные данные А. Рыкачева, взятые непосредственно из его работы¹⁴ (см. Таблицу 1), для того чтобы установить для начала характер динамики номинальной оплаты труда квалифицированных и неквалифицированных строительных рабочих в период дореволюционной индустриализации.

Рисунок 1 содержит графики динамики *поденной номинальной* оплаты труда столяров и чернорабочих. Даже «на глаз» видно, что в течение четверти века (1885–1910 гг.) разница в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда петербургских строительных рабочих увеличивалась. Отношение уровней оплаты труда этих двух категорий рабочих растет от величины 1,75 в 1885 г. до 1,99 в 1910 г. Номинальная поденная зарплата выросла за четверть века дореволюционной индустриализации на 32,8% у чернорабочих и на 51,3% у столяров.

Для оценки изменений *реальной* зарплат необходимо иметь сведения о динамике инфляции, измеряемой индексом розничных цен (с учетом стоимости «корзины» товаров фиксированного набора). Приняв стоимость этой «корзины» в базовом году за 100, можно получить значение индекса цен в каждом последующем году. Так, если стоимость «корзины» в каком-то году выросла на 50% (по сравнению с базовым годом), то индекс цен в этом году равен 150. Для определения величины реальной зарплат надо поделить значение номинальной зарплат на значение индекса цен и умножить полученное число на 100. В наших расчетах мы использовали индекса Кохна, исчисленный по данным о розничных ценах на 24 товара в С.-Петербурге¹⁵. Динамика этого индекса приводится в столбце 9 таблицы 1 (в качестве базового

года М. П. Кохн использовал 1913 г.).

Рисунок 2 содержит динамику реальной зарплаты квалифицированных и неквалифицированных строительных рабочих С.-Петербурга, рассчитанную по данным таблицы 1. Характер этой динамики показывает, что реальная зарплата строительных рабочих росла медленнее номинальной. У столяров она выросла за четверть века на 25,8%, в то время как у чернорабочих – всего лишь на 10,5%. Это наблюдение подводит нас к гипотезе о более значительном росте реальной зарплаты рабочих для более квалифицированных категорий. Для ее проверки исчислим динамику реальной зарплаты для всех семи профессиональных групп строительных рабочих (см. Таблицу 1).

Рисунок 3 отражает эту динамику.

Проведенные расчеты показывают, что для двух наиболее квалифицированных и высокооплачиваемых категорий (столяры и слесари) рост реальной зарплаты составил, соответственно, 25,8% и 36,5%. Для рабочих средней квалификации (каменщики, плотники, маляры, штукатуры) этот рост составил, соответственно, 10,8%, 11,2%, 11,9%, 19,6%. Минимальный рост реальной зарплаты характерен для чернорабочих (10,5%).

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что в период дореволюционной индустриализации реальная зарплата строительных рабочих Петербурга росла. При этом темп роста уровня жизни рабочих был тем выше, чем выше была их квалификация. Это наблюдение подтверждается и нашими расчетами реальной зарплаты рабочих ситценабивной фабрики Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина (г. Серпухов): как следует из таблицы 2, за период 1898–1910 гг. реальная зарплата граверов (рабочих высокой квалификации) выросла в среднем на 15,3%, в то время как для набойщиков (рабочих средней квалификации) этот показатель вырос всего на 0,2%¹⁶.

Отмеченные различия отражали наличие более высокого спроса на квалифицированных рабочих.

Впрочем, не следует преувеличивать масштаб этих изменений: в лучшем случае речь идет о росте реальной зарплаты строительных рабочих Петербурга на 25% в течение периода в 25 лет.

Таблица 1

*Средние годовичные поденные платы рабочим,
выведенные из ежемесячных данных ведомостей
справочных цен в С.-Петербурге с 1885 по 1910 гг.,
абсолютные цифры в копейках*

Год	Плата рабочим за один день (коп.)							Индекс Кохна 1913=100
	каменщик	маляр	плотник	слесарь	столяр	чернорабочий	штукатур	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1885	108	110	107	120	117	67	105	75,6
1886	82	79	93	114	108	64	86	71,8
1887	93	97	93	116	107	71	98	72,4
1888	112	102	112	122	120	73	119	72,2
1889	112	130	117	136	135	75	131	73,7
1890	117	131	117	137	131	79	129	71,7
1891	118	131	120	137	135	81	131	73,5
1892	122	134	121	138	137	77	133	77,9
1893	122	129	124	137	138	77	136	79,4
1894	121	125	121	137	137	77	134	74,2
1895	123	127	121	137	136	77	138	70,7
1896	133	139	121	134	138	77	133	70,1
1897	132	132	119	139	128	77	135	71,1
1898	146	151	135	154	149	77	162	78,1
1899	149	155	140	162	159	80	177	80,3
1900	122	127	119	176	141	81	147	80,0
1901	141	129	134	169	177	93	150	78,9
1902	134	142	141	174	186	87	151	79,4
1903	131	154	138	166	177	92	151	79,2
1904	131	139	137	179	180	89	147	80,2
1905	137	153	144	182	182	87	158	80,4
1906	136	147	146	182	183	95	154	84,0
1907	139	161	163	204	196	93	151	89,9
1908	132	147	158	195	186	89	146	95,0
1909	146	160	157	211	192	95	150	94,2
1910	144	148	143	197	177	89	151	90,9

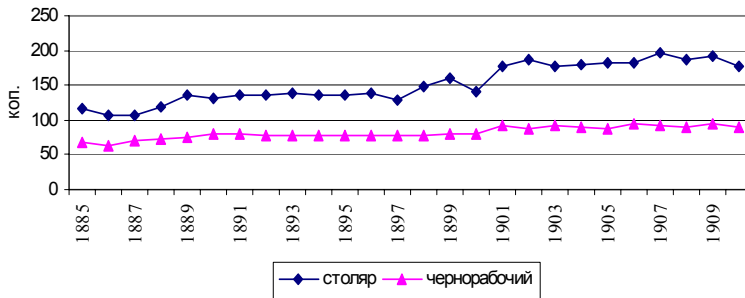
Источник: Рыкачев А. Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // Вестник финансов. – № 31. – 1911. (столбцы 2–8); Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. – М., 1960. – С.115 (столбец 9).

Таблица 2

Динамика номинальной и реальной зарплаты рабочих ситце-набивной фабрики товарищества мануфактур Н. Н. Коншина и индекса цен в Москве. (1898–1910 гг.)

Год	Номинальная зарплата (рублей в мес.)		Индекс Кохна 1913 г. – 100%	Реальная зарплата (в рублях 1913 г.)	
	Граверы	Набойщики		Граверы	Набойщики
1898	30,9	15,36	76,5	40,39	20,08
1899	32,04	15,56	75,6	42,38	20,58
1900	31,24	15,46	77,4	40,36	19,97
1901	30,81	16,98	79	39,00	21,49
1902	31,69	13,08	79,9	39,66	16,37
1903	33,19	17,86	78,9	42,07	22,64
1904	33,1	14,13	81,7	40,51	17,29
1905	34,49	17,65	86,3	39,97	20,45
1906	35,77	18,04	92,4	38,71	19,52
1907	38,99	18,07	96,3	40,49	18,76
1908	41,08	19,94	100,8	40,75	19,78
1909	42,28	22,43	98,5	42,92	22,77
1910	45,03	19,46	96,7	46,57	20,12

Источник: Бородин Л. И., Валетов Т. Я. Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина (конец XIX – начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2000. – М., 2001. – С. 364.

Рис. 1. Динамика номинальной зарплаты квалифицированных и неквалифицированных строительных рабочих Петербурга (1885–1910 гг., коп./день)

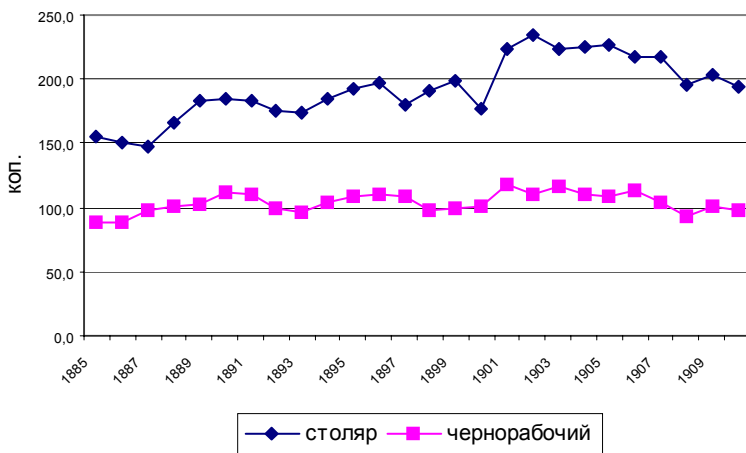

Рис. 2. Динамика реальной заработной платы квалифицированных и неквалифицированных строительных рабочих Петербурга (1885-1910 гг., коп. в день)

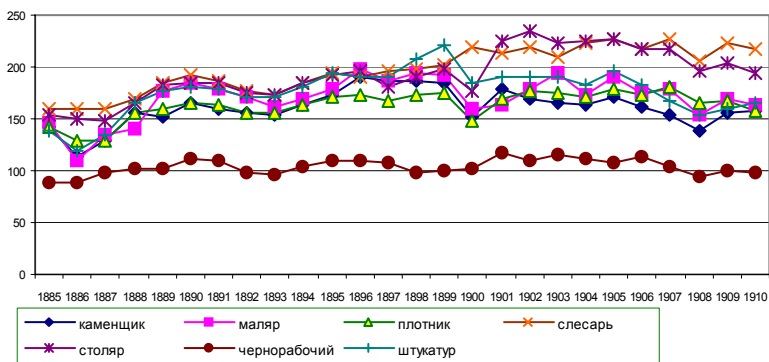

Рис. 3. Динамика реальной заработной платы рабочих-строителей Петербурга (с 1885 по 1910 гг., коп. в день)

Примечания

¹ Обзор источников по заработной плате рабочих в дореволюционной России см., например, в монографии Ю. И. Кирьянова «Жизненный уровень рабочих в России» (М., 1979. С. 90–95). Как отмечает автор, «слабая разработанность в литературе интересующего нас вопроса (о зарплате рабочих – Л.Б.) в историческом аспекте в значительной мере связана с состоянием источников». (Ю. И. Кирьянов. Указ. соч. – С. 91.)

² Экономика труда и социально-трудовые отношения / Под ред. Г. Г. Меликьяна и Р. П. Колосовой). – М., 1996. – С. 523.

³ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. – М., 1960. – С. 104.

⁴ Струмилин С. Г. Указ. соч. – С. 118–121.

⁵ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. – М., 1957. – С. 396 и сл.

⁶ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. С. 111. Данные о зарплате рабочих взяты из публикации «Техническое описание Коломенского машиностроительного завода, 1863–1903 гг.» Коломна, 1903.

⁷ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. – С. 107.

⁸ Рыкачев А. Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // Вестник финансов. – № 31. – 1911.

⁹ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. – С. 112.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. – С. 113.

¹² С.Г.Струмилин ошибочно указывает интервал 1853–1855 гг., хотя значение средней подневной платы приводится правильно – 49,6 коп. для 1853–1857 гг.

¹³ Там же. – С. 106.

¹⁴ Рыкачев А. Указ. соч.

¹⁵ См, напр.: Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. – М., 1960. – С.115

¹⁶ Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н. Н. Коншина (конец XIX – начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник. 2000. – М., 2001. – С.364. В расчетах реальной зарплаты мы использовали индекса Кохна, исчисленный по данным о розничных ценах на 15 товаров в Москве.

И. В. Голубева
КООПЕРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В начале XX века кооперативное движение в нашей стране приобрело небывалый размах. Предреволюционная Россия занимала по числу кооперативов и членов в нем первое место в мире. По оценкам экономистов, в кооперативном движении принимало участие 14 млн. человек, а с членами их семей – 84 млн., т.е. свыше половины населения страны. Страна дала миру не только богатейшую практику различных кооперативных форм, но и развитую теорию кооперации, представленную трудами М. И. Туган-Барановского, С. Л. Маслова, А. В. Чаянова и других. Однако, история и традиции кооперативного движения в России конца XIX – начала XX века до сих пор мало изучены; попытка обобщения дореволюционного опыта кооперации в масштабах Костромской губернии делается в данной статье.

Костромская земля явилась родиной российской кооперации. 22 октября 1865 г. в Костромской губернии помещики братья В. Ф. и С. Ф. Лугинины открыли первое в России ссудо-сберегательное товарищество в селе Рождественском Ветлужского уезда. В 90-е гг. XIX в. на некоторых промышленных предприятиях Костромы и Нерехты одними из первых в стране появилась рабочие потребительские кооперативы¹.

Однако, как и в целом в стране, условия для массового кооперативного движения в губернии появились после революции 1905–1907 гг., в связи осуществлением столыпинской аграрной реформы, ростом товарности крестьянских хозяйств, их втягиванием в товарно-денежные отношения. Не случайно, что одной из особенностей кооперативного движения в России на данном этапе было то, что по преимуществу оно исходило из деревни.

Огромную роль в развитии кооперации сыграло земство, которое рассматривало последнюю как важный рычаг поднятия уровня сельскохозяйственного производства как неотъемлемую составляющую агрономической работы. Костромская губернская и уездные земские кассы мелкого кредита выдавали пособия

и ссуды в основные и оборотные капиталы кооперативов. В уездные земские учреждения по предварительному с ними согласованию губернским земством направлялся инструктор-кооператор, оказывавший содействие крестьянам в открытии кооперативов, налаживании и контроле за счетоводством. В конце 1914 г. при губернской кассе мелкого кредита была создана губернская земская инструкторская коллегия², в ведении которой была организация кооперативных курсов (главным образом, счетоводческих), помощь в устройстве кооперативных совещаний, в союзном строительстве, кооперативная пропаганда и т. д.

Первоначально внимание земств привлекали сельскохозяйственные общества, рассматривавшиеся ими как своего рода опорные пункты агрономической работы в деревне, и кредитные кооперативы, к поддержке которых подводило понимание того, что сельскохозяйственные улучшения напрямую зависят от возможности крестьянства пользоваться кредитом.

При открытии *сельскохозяйственные общества (товарищества)* получали от губернского земства безвозвратное пособие в 100 руб. и ссуду на 10 лет в размере 1000 руб³. При обществах земства устраивали прокатные, зерноочистительные и случные пункты, члены обществ пользовались ими чаще всего бесплатно, а окружающее население – за минимальную плату.

Больше всего сельскохозяйственных обществ было в Костромском уезде. Уже в 1904 г. первым в губернии открылось Саметское сельскохозяйственное общество, в создании которого и в начальный период работы сыграл А. Д. Смыслов, губернский земский агроном. Общество занималось опытной работой с различными сортами картофеля, главной сельскохозяйственной культурой Шунгенской волости, где находилось село Самять, улучшением огородничества, открыло случный пункт и приступило к систематической работе по улучшению скотоводства, став центром развития метисного скота в губернии⁴. Именно Самятское общество первым открыло в губернии сыроваренный и маслодельный завод, положив начало *молочной кооперации* в крае. В 1907 г. в том жеезде уже Мисковско-Жарковское общество устроило маслодельный завод, который затем стал сыроваренным. Благодаря последнему удалось

значительно повысить цену молока: до открытия кооперативного завода, частные предприниматели платили за пуд молока 35–40 коп., в 1910 г. – 55-60 коп. за пуд. Обществом был создан племенной рассадник бычков местной породы⁵. Районом распространения молочной кооперации был бассейн р. Костромы в нижнем ее течении, в Костромском, Буйском и Галичском уездах. Именно здесь, в крестьянском хозяйстве одной из его важнейших отраслей являлось скотоводство, обеспеченное хорошего качества кормовой базой. Большинство из кооперативных заводов производили сыр; при этом самый небольшой из них перерабатывал в год – до 4000 пудов молока, средний – от 4 до 10 тыс. и крупный – свыше 10 000 пуд. Из пуда молока получали тогда 3,85 фун. сыра и 0,16 подсырного масла⁶.

Другим, не менее известным объединением в Костромской губернии было Шунгенское сельскохозяйственное общество, явившееся пионером в создании нового вида кооперации в губернии – кооперативных картофеле-терочных заводов, получивших наибольшее распространение в Костромском уезде. Валовой сбор картофеля здесь был очень велик, сбыт его был не обеспечен, что и способствовало развитию его переработки. Вопрос о постройке первого кооперативного завода возник в 1908 г., после судебного процесса крестьян-поставщиков картофеля с частными владельцами терочных заводов в Шунгенской волости. Об этом рассказывал в своем исследовании «Новая кооперация» известный исследователь кооперации Н. П. Макаров, являвшийся в тот период еще студентом, сотрудником губ. стат бюро. Главной причиной крестьянской инициативы, отмечал автор в своем исследовании по результатам обследования крестьянских хозяйств в 1908 г., был «произвол со стороны владельцев заводов, регулярно недоплачивавших крестьянам (около 40 коп. за четверть картофеля)». Уже в ходе строительства Шунгенского завода, последние, опасаясь будущей конкуренции, попытались сорвать его открытие, предложив технику Флерову «за вознаграждение» остановить процесс технической сборки, но потерпели неудачу⁷. Работа Шунгенского завода принесла такую ощутимую пользу крестьянам, что уже в 1910 г. было открыто еще три новых картофеле-терочных завода: в с. Самяти, с. Яковлевском,

с. Коряково». В картофельную кооперацию волости оказались вовлечены около 60% крестьянских дворов. Урожай картофеля в течение многих лет в Шунге оставались одними из самых высоких не только в Костромской губернии, но и по всей стране⁸. Экономическая выгодность кооперативных картофеле-крахмальных заводов была очевидна. По подсчетам Н. П. Макарова, в 1909 г. Шунгенский кооператив оплачивал крестьянам одну четверть картофеля по цене 1 руб.70 коп., давая 10 коп. дополнительно; кроме того, на один 10-рублевый пай приходилось 40 копеек прибыли, при средних в обществе 5–6 паях, дивиденды, получаемые крестьянами, давали им дополнительно 2 руб. 30 коп. в год. Благодаря кооперации, «весь приход хозяйства увеличился на 2,2% , причем увеличение денежной части составило 3,5% ;...по сравнению с положением, бывшим при существовании частных заводов, крестьянское хозяйство, благодаря кооперации, с потребительски-производственной точки зрения приобрело в своем бюджете рыночных ценностей на 7,2%, в денежном плане на 12,3%...»⁹. Кооперация влияла не только на уровень собственно крестьянского производства, но и в целом на уклад, образ жизни на селе. Так, например, Шунгенский союз кооперативов отчислял деньги на улучшение дорог, устройство телефонной связи с Костромой, на библиотечное обслуживание сельчан, развлекательные мероприятия, оказывал помощь при несчастных случаях, пожарах, падеже скота и т.д.

К началу 1912 г. 5 паевых картофеле-терочных завода в Шунгенской волости сумели уверенно наладить производство и встать на ноги. Летом 1912 г. они создали первое в губернии кооперативное объединение «Шунгенский союз кооперативов», паевый капитал которого составил 20 тыс рублей . Он был единственным в губернии союзом сельскохозяйственной кооперации, одним из ее признанных лидеров в целом по России¹⁰.

Кредитные кооперативы в Костромской губернии, как и в целом по стране, массовым явлением в конце XIX – нач. XX века., не стали. Их очевидный рост начался после Первой русской революции. Например, в Костромском уезде их число увеличилось с 1907 по 1914 (включительно) с 3 до 24, в Нерехтском – с 4 до 16¹¹.

Простота организационных форм и дешевизна аппарата (состоял из 2-х лиц: члена правления и счетовода), отсутствие паевых взносов (в соответствии с законом о мелком кредите 1895 г. в отличие от ссудосберегающих товариществ, кредитные кооперативы действовали на «беспаявом капитале», получая деньги для создания основного капитала из Государственного банка), низкий сравнительно с ростовщическим капиталом в деревне взимаемый процент по ссудам (не свыше 12% годовых) – все это способствовало росту популярности данного вида кооперативов. Основным в их деятельности были ссудные и вкладные операции. В течение 1913 г. всеми кредитными и ссудосберегающими товариществами Костромской губернии было выдано ссуд на сумму 3 751 000 р., на одно товарищество приходилось 22 760 р., а средняя ссуда была равна 62 руб. 20 коп. Число заемщиков по губернии составляло 53 730 человек (20% от общего числа крестьянских дворов по губернии, в том числе, в Костромском уезде – 54,4%, Нерехтском – 27,6%). Ссуды выдавались краткосрочные – средняя их продолжительность была 7–8 месяцев. Ссудами пользовались середняки и зажиточные, в руках которых, а так же как и духовенства, целиком находились кредитные товарищества. Беднота не являлась объектом работы кредитных товариществ. Деньги, главным образом, направлялись и на покупку сельскохозяйственных удобрений, лошадей, семян, корма для скота, хозяйственные постройки. Ссудные операции на 57% велись за счет вкладной операции, в Костромском и Нерехтском этот на 45%. На 1 января 1914 г. во всех кредитных товариществах Костромской губернии состояло вкладов на сумму 1 338 000 р. и в ссудо-сберегательных товариществах – 71 000 р.: в среднем на одно товарищество приходилось 8 700 руб., по Костромскому и Нерехтскому уездам она была выше в два раза средней губернской суммы и составляла 15 700 руб.¹².

Первое *общество потребителей* в деревне было организовано в Горкинской волости Нерехтского уезда в 1908 г. До 1914 г. развитие потребительской кооперации в губернии шло медленными темпами. До 1910 г. в трех уездах Костромской губернии было организовано всего 5 потребительских обществ, в 1910 г. – 1, в 1911 г. – 4, 1912 г. – 2, в 1913 г. – 2, в 1914 г. – 6.¹³

Важным событием в кооперативной жизни губернии стало создание 2 февраля 1913 г., на основании утвержденного 5 ноября 1912 г. Устава, *Центрального сельскохозяйственного общества* (далее *ЦС/ХО*), председателем правления которого стал А. И. Зимин. Первоначальное число кооперативов-учредителей – 14. Уже в феврале-марте 1913 г. общество пополнилось новыми членами и составило 48 кооперативов, из них: кредитных товариществ – 18, сельскохозяйственных обществ – 15, обществ потребителей – 6, картофеле-терочных товариществ – 6 и молочных артелей – 3. Старейший в губернии Шунгенский союз кооперативов послужил своего рода основанием для ЦС/ХО, предоставив последнему при открытии кредит в 10 000 руб¹⁴. В дальнейшем в ЦС/ХО входили объединения краевого, более мелкого значения (см. ниже). В 1916 г. при обществе формируется инструкторский отдел, который вел консультационное обслуживание первичной сети. Регулярно проводились кооперативно-счетоводные курсы, издавался журнал «Костромской кооператор», осуществлялась книжная торговля литературой кооперативного характера и т.д.¹⁵. Первоначально общество ставило перед собой исключительно агрокультурные цели, хотя практически сразу же стало осуществлять торговые операции по закупке и сбыту продуктов сельскохозяйственного производства¹⁶.

Огромное влияние на состав общества и характер его работы оказала Первая мировая война. Нарастал дефицит в торговле продовольственными и промышленными товарами, росли цены. Чем острее ощущали массы свою зависимость от частного торговца, тем сильнее становилась потребность противопоставить спекулятивному произволу торговлю через потребительские общества. Не случайно уже к 1.01.1915 г. состав членов ЦС/ХО по отдельным отраслям кооперации изменился: потребительских обществ стало 36,8%, кредитных – 18%, сельскохозяйственных товариществ – 19%, прочих – 26%. На 1.1.1918 г. ЦС/ХО объединяло 367 членов, из них 288 (78,5%) являлись потребительскими обществами¹⁷. Налицо стремительный взлет потребительской кооперации в крае, который абсолютно точно отражал и общероссийскую тенденцию. В работе ЦС/ХО

первостепенное значение приобрела торговля потребительскими товарами.

В северо-западном районе губернии к 1.10.1915 г. насчитывалось 29 потребительских обществ. В декабре 1915 г. 14 из них наряду с 3-мя сельскохозяйственными обществами, 2-мя молочными артелями и 1-м ссудо-сберегательным товариществом учредили «Торгово-Промышленное товарищество кооперативов Северо-Западного района Костромской губернии». Его центр первоначально располагался в г. Буге, а с конца 1916 г. в г. Галиче. Буйская группа кооперативов выделилась в 1916 г. в отдельное районное объединение «Буйское товарищество кооперативов» И то, и другое объединение являлись с того же 1916 года членами ЦС/ХО¹⁸.

Третьим объединением главным образом потребительских обществ, возникшим в Костромской губернии 30 декабря 1915 г., было «Торгово-промышленное товарищество кооперативов Мантурово – Унженского района». В 1916 г. в него входило 24 кооператива (6 890 членов), к концу года 1917 г. – 30 потребительских обществ с 11 690 членами.

Общее представление о хозяйственной деятельности крупнейшего объединения потребительской кооперации в крае – ЦС/ХО – дает следующая таблица:

*Основные хозяйственные показатели ЦС/ХО за 1913–1917 г.*¹⁹

годы	число членов кооп-в	обороты общества (в руб)	чистая прибыль (в руб)	капиталы общества
1913	17	61716	555	2645
1914	26	195353	2113	3973
1915	52	631715	4758	12204
1916	315	3831860	30712	149048
1917	593	13987055	99426	5520487

Даже с учетом инфляции динамика оборотов и капиталов общества очевидна. В начале 1918 г. ЦС/ХО провел специальное обследование своей первичной сети (250 обществ с 66 262 членами) в Костромском, Буйском, Нерехтском уездах по результатам работы в 1917 г. Оно показало, что средний процент

кооперированности по району составил 60%. Наиболее слабым он был в Буйском уезде и наиболее высоким – в Нерехтском ²⁰.

В северо-западном районе и Мантурово-Унженском степень охвата крестьянских хозяйств кооперацией была примерно такая же, как и в Буйском уезде – 36%. Больше всего были кооперированы уезды с более развитой промышленностью и товарностью крестьянских хозяйств.

Высокий процент участия крестьянских масс в районе действия ЦС/ХО и, как следствие, значительная доля паевых капиталов членов кооперации в оборотных средствах (1/5–1/3), определяла и соотношение собственных средств к заемным, которое в первичной кооперативах Общества составляло 1:1,73, что свидетельствовало о более или менее устойчивом финансовом состоянии низовой сети. Не случайно, что цены кооперативов в Костромском, Буйском и Нерехтском районах были значительно ниже уровня средне-рыночных цен и отличались большим постоянством, нежели последние. Средний размер прибыли обществ (по 115 из них) составлял 5,8% к обороту, что было весьма значительным результатом ²¹ Отсюда и существенный разрыв в масштабах торговой деятельности в сравнении с другими объединениями потребкооперации в крае. Низовые кооперативы ЦС/ХО имели в 1917 г. оборот в 14 814 250 руб., тогда как по сети Мантуровского союза он составлял 2 250 000 руб., Северо-Западного – 7 610 000 руб. ²².

Даже в условиях хозяйственной разрухи 1917 г. потребкооперация губернии представляла собой достаточно жизнеспособный организм, обладая широко разветвленной сетью, опытными кадрами. Привлеченная к заготовке и снабжению населения продовольствием как Временным Правительством, так и впоследствии большевиками в 1917–1920 гг., она сыграла в этом огромную роль, не допустив массового голода в стране.

Так же как и в других регионах страны, в Костромской губернии в годы Первой мировой войны весьма заметным был рост *кредитной кооперации*. Если на 1 января 1914 г. насчитывалось в целом по губернии 151 кооператив, то в 1917 г. 267. Особенно заметным был рост кредитной кооперации в Костромском и Нерехтском уездах, где доля кооперированных

крестьянских хозяйств достигла 70% от общего числа дворов²³. В октябре 1916 г. 35 кредитных кооперативов губернии объединились в Костромской союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, ставший членом ЦС/ХО²⁴.

Союз стал осуществлять краткосрочное кредитование своих членов – кредитных товариществ. Уменьшилась опека органов государственной инспекции мелкого кредита, которые выдавали ссуды в основные капиталы, шире вводятся посреднические операции. Если до войны последние не имели никакой роли, то, как следует из материалов собрания Союза 11–12 марта 1917 г., ясно, что на первом месте в работе Союза в этот период была организация сбыта льна, дававшая добавочную прибыль членам кредитных товариществ. Если в 1916 г. операции с льном вели 11 кооперативов, то во 2-й половине 1917 г. 33²⁵.

Годы войны и революция 1917 г. сказались и на судьбе сельскохозяйственной кооперации в губернии. Практически все сельскохозяйственные товарищества в этот сложный период по своей деятельности больше походили на потребительские общества, занимаясь торговой посреднической деятельностью, обеспечивая элементарное «выживание» своих членов. Производственная сельскохозяйственная кооперация наоборот получила значительный импульс в своем развитии. В период Первой мировой войны происходит невиданный взлет *молочной* и *картофельной* сельскохозяйственной кооперации в крае. Рекордными по росту кооперативных объединений в сфере переработки молочной продукции был 1916 и 1917 гг., когда было открыто 38 новых заводов, что фактически «выбило» из этой сферы частных предпринимателей. Если в 1913 г. насчитывалось 9 кооперативных и 68 частных заводов по переработке молока, то в 1917 г. ситуация стала обратной: 66 кооперативных и 12 частных заводов²⁶. Организационное руководство молочными артелями осуществлял молочно-сырный отдел Центрального сельскохозяйственного общества, возникший в 1916 г. Оборот сырных операций за 1916–1917 г. увеличился в 7, 3 раза²⁷.

Рост общего объема производства был характерен и для другого вида сельскохозяйственной кооперации – картофе-

терочных заводов. По данным Костромского губернского земства, в 1917 г. все кооперативные картофеле-перерабатывающие заводы были сосредоточены в Костромском уезде и только 1 – овощесушильный в поселке Лух Юрьевецкого уезда. Из 20 заводов – кооперативных было 9, овощесушильных — 6 (в Костромском уезде и один в Юрьевцеком) ²⁷. Если в 1913 г. средняя переработка одного завода составляла 36 671 пуд картофеля, то в 1917 – 89 557²⁸. Во многом этот рост обуславливался возросшей загрузкой заводов в связи с нуждами военного времени. Кооперация вносила свой и весьма весомый вклад в дело помощи фронту, поставляя армии картофель, крахмал, сушеные овощи во все возрастающих количествах. Кооперативные товарищества по переработке картофеля не имели союзного объединения. Крахмал сбывался на частные паточные заводы, что ставило их в зависимость от последних. В середине 1917 г. на ряде совещаний, в том числе и с представителями товариществ соседнего Даниловского уезда Ярославской губернии была достигнута договоренность об образовании в Костроме Костромско-Ярославского союза сельскохозяйственных товариществ по переработке картофеля – «Союзкартофель», объединившего всю картофельную кооперацию Костромского и Даниловского уездов, функционировавшего с конца 1917 до 1921 год ²⁹.

Российская дореволюционная кооперация, занимала важное место в экономическом развитии губернии. При всей дифференциации в степени участия в кооперативном движении различных социально-имущественных групп и пользовании ими кооперативными благами и услугами, все участвовавшие в нем в той или иной мере получали определенную материальную выгоду. Однако только к этому свести роль кооперативных объединений в жизни провинции нельзя.

Одним из принципов кооперации как массовой общественно-хозяйственной организации являлась *самодеятельность ее членов*. Хозяйственные успехи кооперации во многом определялись «качеством» работы заложенного в ней демократического механизма, который обеспечивал коллективное принятие важнейших решений (собрание членов), создание последним исполнительных органов (правление, ревизионная

комиссия, совет), ему подотчетных. Активность и кооперативная «сознательность» членов объединений напрямую определяли темпы и количество внесенных паев в собственные капиталы общества. Дело улучшения качества обслуживания членов кооперации и населения, прибегавшего к ее услугам, было в значительной части «делом рук» его собственных членов.

Тяготы Первой мировой войны, патриотический подъем в стране явились значительным толчком росту кооперативной самостоятельности. Показательно в этом плане проведение в г. Костроме 23,24 августа 1915 г. губернского кооперативного съезда, создание губернского кооперативного комитета как координирующего органа кооперативных объединений³⁰.

Однако на уровне первичной сети проблема активного участия членов в управлении делами своих обществ стояла довольно остро, была наиболее «слабым» звеном местной кооперативной жизни. Не случайно, постепенно приходило убеждение в значимости кооперативного просвещения среди кооперативных масс и населения в целом. В постановке и развитии культурно-просветительной работы кооперации направляющую роль играло земство, фактически взявшее на себя в 900-е гг. XX в. инициативу в развитии народного образования как школьного, так и внешкольного. С 1915 г. при губернском земстве действовала культурно-просветительная комиссия (совещание), куда в том числе входили и представители кооперации. 19 июня 1915 г. при Центральном сельскохозяйственном обществе была сформирована культурно-просветительная комиссия (А. А. Желудков, М. Л. Карсницкая, Н. Н. Чернышев и др³¹).

В особенности земство старалось «подключить» кооперацию к делу создания так называемых Народных домов, фактически заложивших организационные формы развития народного творчества в России. Губернское земство финансировало их строительство кооперативами из губернской кассы мелкого кредита. По данным заведующего кассой мелкого кредита М. Г. Ширмана, за 6 месяцев 1915 г. «кассой на постройку Народных домов выдано 4 ссуды на 7800 руб., разрешено 6 ссуд на 15 000 руб., поступило 13 ходатайств о ссудах на 33 000 руб. Таким образом, из каждых 20 кооперативов губернии 1 просит о ссуде на постройку Народного дома».³²

3–13 декабря 1916 г. V Совещание инструкторов по кооперации рассмотрело и утвердило развернутый план культурно-просветительной деятельности, включавший широкий комплекс мероприятий по развитию кооперативной пропаганды и общеобразовательной работы в деревне. Предусматривалось, что первоочередная задача – устройство и скорейшее превращение кооперативных Народных домов в действительные центры общественного и кооперативного воспитания³³.

Оценивая работу кооперации в данном направлении в 1916 г., инструктор по кооперации Костромского уездного земства отмечал в своем отчете: «Весьма отрядным является отношение кооперации к культурным нуждам населения. На общих собраниях всегда удается сделать отчисления на культурно-просветительные цели: на выписку газет, устройство библиотек, командирование членов на кооперативно-счетоводческие курсы, народные дома и в фонд по устройству Народного университета. Все ассигнования получают осуществление... Народные дома пока являются чайными, но некоторые (Омелинский и Кузнецовский) становятся центрами культурными: в них устраиваются чтения, спектакли и имеются приличные библиотеки...». Таковы были первые шаги в направлении решения назревшей задачи повышения общекультурного уровня деревни.

Кооперативное строительство в Костромской губернии в значительной степени отражало общероссийскую тенденцию подлинного «всплеска» кооперативного движения в стране в 1907–1917 гг. Широкий размах кооперативного движения в первую очередь объяснялся уникальным сочетанием в кооперации индивидуального и общественного начал, элементов традиционализма (соборность, артельность, коллективизм) и модернизации (ориентация на рынок, индивидуальное членство). Опыт деятельности кооперации в этот период показал, что ее «ниша» в условиях развития рыночных отношений определяется наличием в ней значительного адаптационного потенциала, способного значительно смягчить социальные издержки рынка. Несомненно, что рано или поздно он будет востребован в процессе возрождении села.

Примечания

¹ Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 8–9.

² Доклад губернской земской управы о состоянии хозяйства губернского земства. – Кострома, 1918. – С. 161, 164.

³ Ковальковский А. Обзор земской агрономической деятельности в Костромском уезде с 1901 по 1910 г. – Кострома, 1910. – С. 6.

⁴ Доклад губернской земской управы о состоянии хозяйства губернского земства. – Кострома, 1918. – С. 143; Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 88.

⁵ Ковальковский А. Обзор земской агрономической деятельности... – С. 4–5.

⁶ Воробьев Н. Кооперация в Костромской губернии. – Кострома, 1924. – С. 6

⁷ Макаров Н. Новая кооперация в сельском хозяйстве и картофеле-крахмальное производство – Кострома, 1911. – С.36.

⁸Ковальковский А. Обзор земской агрономической деятельности в Костромском уезде с 1901 по 1910 г. – Кострома, 1910. – С. 6.; Лубков А. «Костромская Дания» // Былое.1997. – №2 – С. 3.

⁹ Макаров Н. Новая кооперация в сельском хозяйстве и картофеле-крахмальное производство – Кострома, 1911. – С. 1, 81–83.

¹⁰ Лубков А. Указ.соч.

¹¹ Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 64.

¹² Там же. С. 64–66.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Лубков А. Указ. соч.

¹⁵ Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 11.

¹⁶ Воробьев Н. Указ.соч. С. 2; Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 10.

¹⁷. Воробьев Указ.соч.С. 3; Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 10–11.

¹⁸ Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 12.

¹⁹ Воробьев Н. Указ.соч. С. 2.

²⁰ Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 13, 14, 15.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 64.

²⁴ Костромской Кредитный союз кооперативов. Отчет за 1917 г. – Кострома, 1917 г. – С. 4.

²⁵ Там же. С. 3, 4, 10.

²⁶ Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 88, 89.

²⁷ Там же. С. 91; Отчет ЦС/ХО за 1917 г. (5 операционный год) – Кострома, 1918 г. – С. 8.

²⁸ Кооперация Костромской губернии к 10-летию Октября. – Кострома, 1927. – С. 110.

²⁹ Там же С.110–111.

³⁰ Обзор деятельности ЦС/ХО за 1915 г. План деятельности на 1916 г. Смета 1916 г. – Кострома, 1916. – С. 7.

³¹ V Совецание инструкторов по кооперации Костромской губернии, состоявшееся 13–24 декабря 1916 г. – Кострома, 1917.; Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1914 г. По отделу народного образования // Постановления Костромского губернского земского собрания 51 очередной сессии 1915 г. – Кострома, 1916. – С.15.

³² Совецание о выдаче ссуд из экономического капитала // Известия Костромского губернского земства. – 1915. – №7. – С. 35–36.

³³ V Совецание инструкторов по кооперации Костромской губернии, состоявшееся 13–24 декабря 1916 г. – Кострома, 1917. – С. 22, 29–43.

О. В. Бердова
ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Открытие специализированных учебных заведений при фабриках и заводах в Костромской губернии было явлением довольно редким и не оставалось без общественного внимания. Первым в губернии (1855) было открыто училище при механическом заводе полковника Дмитрия Павловича Шипова, о чем с гордостью сообщали «Костромские губернские ведомости». В училище обучали мальчиков-подростков (не моложе 13-ти лет) в течение 4-х лет «модельному, чугунно-литейному, слесарному, кузнечному, токарному, гвоздильному и котельному мастерствам»¹. Выпускники училища (подмастерья) были обязаны проработать на заводе Шипова не менее года. Жалование новичков составляло не менее 7 руб. в месяц. По истечении установленного срока успешному стажеру присваивалось звание мастера с правом остаться на заводе с заработком от 7 до 15 (и более) руб. серебром в месяц.

К началу 80-х гг. стало очевидно, что развитие экономики России невозможно без коренного улучшения подготовки специалистов. В 1892 г. с целью оптимизации профессионально-технического образования был составлен «Общий нормальный план промышленного образования в России», на страницах которого определялись принципы организации системы специального образования, выделялись основные формы подготовки квалифицированных рабочих, мастеров и техников. На основании этих изменений профессионально-технические учебные заведения были включены в общую систему учреждений народного образования².

«Основные положения о промышленных училищах» (1888) устанавливали следующие типы промышленных учебных заведений в России: 1. средние технические училища, целью которых была подготовка ближайших помощников инженеров; 2. низшие технические училища, которые наряду с обучением приемам конкретного производства, готовили руководителей среднего звена; 3. ремесленные училища ориентировались на обучение

определенным производственным навыкам. По специальностям профессионально-технические учебные заведения делились на: технические (механические, химические, строительные), художественно-промышленные, сельскохозяйственные и лесные.

Наиболее распространенными в 80-х гг. XIX в. стали ремесленные училища, которые готовили квалифицированных рабочих по одной, а реже двум смежным специальностям. Чаще всего в ремесленных училищах обучали слесарному и столярному делу. Большая часть ремесленных училищ находилась в руках частных лиц. Ремесленные школы открывали не только в губернских городах, но и в уездах. Так, ремесленная школа в посаде Большие Соли Костромской губернии была открыта 22 сентября 1879 г. согласно воле умершего коммерции советника, известного костромского купца К. А. Попова. Через 10 лет на средства племянника мецената, попечителя школы К. С. Попова, было улучшено материальное состояние школы: возведено новое каменное здание кузни и литейной, была установлена паровая машина. В школе мальчики (с 10-12 лет) обучались слесарному, кузнечному, литейному мастерству, резьбе по дереву, токарно-столярному ремеслу; отдельно набиралась группа для обучения иконописанию, где курс был рассчитан на 5 лет. По окончании курса успешные выпускники (по усмотрению училищного совета) имели возможность остаться при школе на один год «для большего усовершенствования навыко в в работе» с небольшой заработной платой³.

Профессионально-техническое образование в губернии было представлено Костромским землемерным училищем, низшими ремесленными школами (в 1908 г. – 4, а в 1914 г. – 5), Уткинской низшей сельскохозяйственной школой в с. Каликине Нерехтского уезда, торговой школой в Костроме и учебной мастерской золото-серебряного дела в с. Красном. В низших ремесленных школах в 1908 г. обучались: в Буйской – слесарному и столярному ремеслу; в Григорьевцевской школе Солигаличского уезда – столярно-токарному и колесно-тележному делу; в Юрьевецкой – слесарно-кузнечному и столярно-токарному; в Большесольской Костромского уезда – слесарно-кузнечному, модельно-токарному и иконописному мастерству. Всего в 1908 г. обучалось в ремесленных низших

школах 222 ученика. Выпускники этих школ работали по полученным специальностям на заводах, фабриках, в мастерских; часть продолжили обучение в высших учебных заведениях.

В Уткинской сельскохозяйственной школе с. Каликино Нерехтского уезда в 1896 г. обучалось 46 учеников, из которых 11 поступили на места приказчиков, надсмотрщиков и старост в частных имениях губернии. В классах этой школы преподавались предметы как общеобразовательные, так и специальные, связанные с сельским хозяйством, из ремесел – кузнечное и плотнично-столярное. При школе имела собственная ферма и мастерские, снабженные усовершенствованными земледельческими орудиями и машинами. Все хозяйство велось исключительно учениками: обработка полей, сенокос, уборка хлеба, молотьба, уход за скотом, хмелем и др., было расчищено место для покоса. В июле и августе 1899 г. при Уткинской низшей сельскохозяйственной школе Нерехтского уезда департаментом земледелия по предложению предводителя костромского дворянства А. И. Шипова проводились курсы по огородничеству, пчеловодству и хмелеводству.

Ярким событием в жизни Костромы стало открытие воскресным днем 14 января 1901 г. торговой школы в доме купца Г. А. Набатова на Нижней Набережной улице. Новое заведение было призвано «создавать в торговле и промышленности новую прослойку образованных служащих, помощников владельцев контор, ферм, фабрик и заводов, знакомых с законодательством, способами учета имущества, деловой перепиской и даже знакомыми с развитием мирового хозяйства»⁴. В материальной поддержке школы большую роль играли: поч. благодетель и владелец торговых заведений Н. А. Толстопятов; известные поч. граждане Костромы: В. С. Соколов, А. А. Живущев, А. Ф. Федоров, М. Г. Вахромеев⁵. В 1901 г. при школе были открыты вечерние курсы для взрослых, включавшие в себя занятия по бухгалтерии, коммерческой и простой арифметике, русскому и немецкому языкам.

Незабываемый след в истории образования в губернии был оставлен волей ее уроженца – Федора Васильевича Чижова, завещавшего большую часть своего капитала на устройство в губернии сети профессионально-технических заведений. Будучи человеком образованным и практичным, Федор Васильевич счел

необходимым внести свой весомый вклад в дело улучшения качества подготовки российских специалистов в области промышленного и сельскохозяйственного производств.

Право поступления в Чижовские училища имели выходцы из всех сословий; в низшие училища принимались лица, окончившие полный курс церковноприходских школ. Плата за образование в училищах была различной: в начальном училище – 3 руб., в среднем училище – 30 руб., пансион обходился 47 руб. в год. Бедные ученики освобождались от платы, получали пособия из специальных училищных средств⁶.

Для организации и управления Чижовскими училищами в 1890 г. была создана Общая дирекция промышленных училищ им. Ф. В. Чижова. В Костроме были организованы два промышленно-технических училища им. Ф. В. Чижова: Костромское низшее химико-техническое училище (с 14 сентября 1894 г.) и Костромское среднее механико-техническое училище (21 августа 1897 г.).

Все Чижовские училища имели первоклассное оборудование и превосходный состав педагогов. Так, например, заведующим мастерскими Костромского среднего механико-технического училища был Е. И. Орлов, впоследствии ставший крупным химиком-технологом и академиком. Выпускников училища охотно принимали на казенные и частные предприятия. Об уровне их подготовки свидетельствовал хотя бы тот факт, что Г. С. Петров, окончивший в 1904 г. костромское Чижовское училище и нигде больше не обучавшийся, впоследствии стал известным ученым-химиком, создателем пластмасс, профессором, заслуженным деятелем науки, лауреатом Государственных премий.

В 1898/1899 уч. г. всех служащих в костромских чижовских училищах было 19 чел., из них 1 кандидат духовной академии, 6 кандидатов университетов, 7 инженеров разных специальностей; имеются сведения и за другие годы. Из педагогического персонала училищ наибольшим уважением, по материалам прессы, пользовался Н.И. Чурилов, прослуживший в училище 25 лет, искренний, теплый человек, гуманный педагог в 1904 г. за заслуги он был награжден орденом Анны 2-й степени.

В 1898/1899 уч. г. учеников в среднем и низшем училищах было соответственно 70 и 134 чел. До профессионального

обучения 80 % из них окончили реальные училища, 11 % – другие технические училища, 9 % – классическую гимназию и другие учебные заведения. Возраст поступавших соответствовал 17 – 30-ти годам. Из поступивших 11 % были уроженцы Костромской губернии 88,6 % – выходцы из других губерний Российской империи. По своему социальному положению 46% были выходцы их семей дворян и чиновников, 41% – представляли городское сословие, 4 – сельское, 1% – духовенство и 8% приходились на иные социальные группы.

Из 70-ти выпускников среднего технического училища в 1898/1899 г. 74 % поступили на службу на фабрики и заводы, 12 % отбывали в конце 1899 г. воинскую повинность, 6 % учились в средних технических учебных заведениях, 4 % умерли; судьба остальных 4-х процентов учеников неизвестна.

Выпускники среднего технического училища имени Ф. В. Чижова поступали в Петербургский электротехнический институт и электротехнический институт в Карлеруэ⁷.

Память о Ф. В. Чижове бережно сохранялась среди учеников и преподавателей училищ. Было создано Общество бывших учеников Костромского низшего химико-технического училища имени Ф. В. Чижова, которое следило за судьбой закончивших училище, при необходимости оказывало поддержку. Только через это Общество в 1912 г. были устроены на работу 54 чел. Среди мест работы значились: Рига, Плес, Москва, Петербург, Омск, Ярославль, Юрьев-Польский и др. города России.

В развитие идеи Ф. В. Чижова о необходимости прогресса российской «глубинки» и модернизации сельского хозяйства были открыты училища и в уездных городах Костромской губернии: Кологриве, Макарьеве и Чухломском уезде.

Макарьевское ремесленное училище имени Ф. В. Чижова было открыто 15 сентября 1892 г. и состояло из 3-х классов с годичным курсом обучения в каждом. Целью училища было: подготовка мастеров слесарно-кузнечному, столярно-модельному и литейному делу. Учителей преподавало в училище 6, а учащихся было примерно 80 человек. Училище имело собственное здание. Средствами содержания училища были те же, что и в предыдущих училищах. При училище имелось общежитие. Плата за

содержание в пансионе было 120 руб. в год и плюс за обучение 3 руб. в год.

При училище имелась двухэтажная ремесленная мастерская по механической обработке металлов и дерева, имеющая с лицевой стороны 12 окон. Большинство учеников были уроженцами Костромской губернии, дети крестьян, окончившие курс в сельском училище⁸.

Два других Чижовских училища – Кологривское и Чухломское, имели иную специализацию и призваны были укреплять сельскохозяйственное производство в губернии и России.

Кологривское низшее сельскохозяйственное техническое училище имени Ф. В. Чижова было открыто 1 октября 1892 г. и располагалось на правом берегу р.Унжи, в имении Екимцево, которое находилось в трех верстах от Кологрива. Училище готовило младших техников по сельскому хозяйству и смежными отраслями. С 1894 г. училище имело три специальных класса и один подготовительный. Последний состоял из двух отделений младшего и старшего. В первый класс училища принимались без экзамена лица в возрасте 15–17 лет, которые окончили курс в городском, уездном или сельском училищах. Для иных лиц содержание вступительного экзамена ограничивалось курсом двухклассного сельского училища.

Училище располагало каменным двухэтажным корпусом (площадью 563,76 кв.саж.), где имелись классы, рекреационный зал, канцелярия, комната для заседания совета и кабинет директора, спальни для учеников и физкультурный кабинет, столовая, кухня и хозяйственные помещения. В здании были противопожарный водопровод и водяное отопление с приточной и вытяжной вентиляцией. Кроме этого, материальную часть училища составляли: комплекс специализированных мастерских (столярная и слесарная), кузница с паровым двигателем и голландскими печами, химические лаборатории; отопляемые кожевенный, льноперерабатывающий, маслобойный и сыроварный заводы. Персонал училища проживал в восьми одноэтажных корпусах. Учеников и служащих училища обслуживала собственная больница с семью кроватями и комнатой для фельдшера. Дополнительно имелось деревянное здание

с двумя квартирами для семейных рабочих и одной казармой для холостых. Для обслуживания училища имелись: скотный двор (на 40 голов), конюшня, сарай для орудий и машин, двухэтажный хлебный амбар, подвал для хранения овощей, молотильный сарай, кладовая с тремя дверьми для склада материалов, продуктов и изделий училища, парник на огороде, избы для пасечника и лесника, баня (площадью 47,9 кв.сажени), подвал для керосина, водопровод, который обслуживал училищное здание. Около каждой квартиры имелись построенные ледники, а при некоторых квартирах имелись коровники. Весь этот учебно-хозяйственный комплекс занимал площадь в 1949,33 кв. сажени.⁹

Коллектив педагогов и служащих училища в 1900 г. составлял 18 человек. Из 64 учащихся 41 человек пользовался стипендиями (именными или земскими). 46 учеников из 64 человек были выходцами из крестьянских семей.

В состав образовательных программ училища вошли: Закон Божий, естественная история, геометрия и землемерие, физика и метеорология, химия, земледелие, скотоводство, пчеловодство, лесоводство, устройство с/х машин и орудий, строительное искусство, технология с/х продуктов, с/х скотоводство, с/х законоведение, рисование и черчение¹⁰.

С целью подготовки низших служащих по сельскому хозяйству, приказчиков, помощников управляющих, управляющих небольшими имениями... знакомых с ремеслами: столярным, слесарным, кузнечным, токарным было открыто 25 сентября 1896 г. Чухломское сельскохозяйственное ремесленное училище имени Ф. В. Чижова. В училище было 3 основных класса с годичным курсом в каждом. Учителей в училище – 5, учащихся около 40. Училище помещалось в собственной усадьбе, расположенной в 3,5 верстах от Чухломы. Содержалось на средства Ф. В. Чижова. При училище имелось общежитие с платою за полное содержание 120 руб. в год, включая и плату за обучение 3 руб. в год.

Значительный вклад Федора Васильевича Чижова в организацию профессионально-технических образовательных учреждений в губернии был высоко оценен общественностью. В заседании 31 окт. городская дума постановила ознаменовать исполняющееся в 1917 г. 40-летие со дня смерти известного

благотворителя и учредителя многих профессиональных учебных заведений Костромской губернии Ф. В. Чижова постановкой ему в Костроме памятника, ассигновав для этой цели 2000 руб. Кроме того, было решено обратиться к губернскому и уездному земствам с предложением присоединить к означенной сумме и свои пожертвования, а также открыть на памятник повсеместную подписку. Памятник предполагалось поставить около городского общественного самоуправления¹¹.

Обсуждая вопросы народного образования в губернии, гласные костромского земства неоднократно приходили к мысли о необходимости улучшения и развития сети профессиональных учебных заведений в губернии. В ходе разработки плана нормальной школьной сети для губернии в 1888 г. была предложена оригинальная модель сельскохозяйственной школы с приусадебным хозяйством и фермой, как наиболее приближенная к крестьянскому быту. Как типовой вариант сельской школы эта идея была признана слишком обременительной в экономическом отношении и не получила поддержки большинства гласных.

При всех очевидных заслугах костромского земства в области развития начального и среднего образования в губернии, сфера профессионально-технической подготовки населения оказалась наименее успешной, что было признано по итогам 50-летней деятельности и самими земцами¹². Расширение ремесленно-технического образования в губернии с развитой промышленной деятельностью и производством признавалось земством делом не только желательным, но и совершенно необходимым. Но волею обстоятельств меры, предпринятые земцами в этом направлении, оказались отрывочными, непоследовательными и фактически мало успешными. Реальной же помощью стали лишь учрежденные земством стипендии.

Открытые на частные средства технические учебные заведения обслуживали только небольшую часть торговли, промышленного и сельскохозяйственного производств в губернии, они так и не переросли в регулярную и управляемую специализированную сеть образовательных учреждений и составляли лишь разрозненную группу школ и училищ с индивидуальными образовательными программами.

Примечания

¹ Школа при Шиповском заводе // Костромские губернские ведомости. – 1855. – № 21. – С. 156.

² В 1878 году общее руководство профессионально-технической школой было поручено министерству финансов, которое санкционировало открытие новых учебных заведений, составляло учебные планы, утверждало программы. В 1881 году большинство их было передано министерству народного просвещения, где через два года было создано специальное отделение по техническому и профессиональному образованию.

³ См. подробнее: О ремесленной школе // Губернский дом. – 1997. – № 2. – С. 19–20.

⁴ Костромская торговая школа // Костромской листок. – 1901. – №4. – С. 3.

⁵ См. подробнее: В коммерческом учебном заведении // Губернский дом. – 1999. – №4. – С.3.

⁶ ГАКО. – Ф. 445. – Оп.1. – Д. 147.

⁷ Костромские губернские ведомости. – 1901. – №69. – С.3.

⁸ Костромские губернские ведомости. – 1894. – №49. – С.3

⁹ Кологривское низшее сельскохозяйственное техническое училище имени Ф. В. Чижова. Отчет за 1898/99 уч. г. – С.1–5.

¹⁰ Кологривское низшее сельскохозяйственное техническое училище имени Ф. В. Чижова. Отчет за 1898/99 уч. г. – С. 17–18.

¹¹ Костромская жизнь. – 1913. – №238. – С.3.

¹² Ежегодник Костромского губернского земства за 1910 г. Кострома, 1911. – С. 218.

С. Ю. Иерусалимская

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1905–1907 ГГ. (НА УГЛИЧСКИХ МАТЕРИАЛАХ)

Во время революции 1905–1907 гг. правительство и Священный синод вынуждены были выслушать от либеральных представителей земства и Государственной думы резкую критику ЦПШ. Некоторые земства уже в 1906 г. заявили, что ЦПШ следует

© Иерусалимская С. Ю., 2005

подчинить земской администрации из-за низкого, в сравнении с земскими школами, уровня преподавания. Некоторые священнослужители также высказывали ряд сомнений в целесообразности сохранения ЦПШ в их прежнем виде. Так, в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу синода о церковной реформе» содержатся критические высказывания в адрес ЦПШ и их учебных программ¹.

В связи с изменением общественно-политической обстановки в стране, во время высшего подъема первой российской революции (октябрь–декабрь 1905 г.), вскоре после подписания Николаем II Манифеста 17 октября 1905 г., общественностью вновь был поднят вопрос о введении всеобщего начального образования. Эту проблему обсуждали и на заседаниях Ярославского губернского земского собрания. Так, ряд гласных в докладе земскому собранию потребовали всеобщего бесплатного начального образования².

Вместе с тем, революционные события 1905–1907 гг. незначительным образом отразились на количественных показателях развития начального народного образования в Угличском уезде. Учебные заведения края продолжали функционировать в прежнем режиме, проводились занятия, ученики сдавали экзамены³. Общая численность начальных учебных заведений равнялось 106 и, по сравнению, с концом XIX в. изменений не претерпела. Об училищах, функционировавших в Угличском уезде в 1906г., см. в таблице 1.

Таблица 1⁴.

Начальные учебные заведения Угличского уезда в 1906 г.

	В Угличе	В уезде	Всего
Городские приходские начальные	3	–	3
Министерские сельские двухклассные	–	1	1
Земские сельские начальные	–	34	34
Церковно-приходские второклассные	–	1	1
Церковно-приходские одноклассные	5	47	52
Школы грамоты	3	11	14
Итого	12	94	106

На рубеже XIX–XX вв. в 106 начальных учебных заведениях Угличского края обучалось 5,546 детей обоего пола. Распределение учащихся по типам школ см. в таблице 2.

Таблица 2 ⁵.

Распределение учащихся по типам начальных учебных заведений в г. Угличе и уезде в конце XIX – начале XX вв.

	Число учащихся	В % отношении
Светские училища	2,781	50
ЦПШ	2,470	44,6
Школы грамоты	295	5,4

Как видно из таблицы 2, в школах светского и духовного ведомств обучалось примерно равное количество учеников (2,781 и 2,765 чел., т. е. первые превосходили вторых всего на 16 чел.).

Эти процессы являлись прямым отражением общероссийских тенденций начала XX века. По данным МНП, за 1905 г. из 92,501 народного училища 42,696 (46,5 %) были церковно-приходскими, т.е. разница между ЦПШ и учебными заведениями МНП (в число которых входили земские и городские школы) была незначительна – всего 3,5 % ⁶.

Данные текущей статистики также показывают среднюю численность детей, обучавшихся в одном начальном учебном заведении Угличского уезда в 1906 г. Подробнее об этом см. таблицу 3.

Таблица 3 ⁷.

Число учащихся, приходившихся на одно начальное училище в Угличском уезде в 1906 г. (без города).

	Число училищ	Общее число учеников	На 1 школу учеников
Земские школы	34	2,208	65
ЦПШ	48	2,470	52
Школы грамоты	14	295	21
Итого	96	4,973	52

Таким образом, из таблицы 3 видно, что среднее количество учеников, обучавшихся в одном земском училище, превышает среднее количество учащихся в ЦПШ на 7 чел., а в школах грамоты на 44. Это говорит о том, что ЦПШ были более слабыми и менее популярными в народе, чем школы, находившиеся в ведении МНП, в число которых входили земские учебные заведения. Последнее обстоятельство подтверждают и общероссийские данные о количестве учащихся: на 1905 г. в 48.288 (52 %) начальных школах ведомства МНП было 3.66.628 учащихся (63 %), а в 42.696 (46,5 %) ЦПШ насчитывалось 1.983.817 учеников, т.е. только 35,5 %⁸.

Земские учебные заведения, по сравнению со школами духовного ведомства, отличались своей многолюдностью. В целом, по Угличскому уезду наблюдается сильная нехватка начальных училищ. Подобные процессы наблюдались и в других уездах Ярославской губернии⁹.

Проанализировав состояние начального народного образования в Угличском крае, остановимся на функционировании учебных заведений повышенного начального и среднего типа. К данному типу школ относились городское, духовное училища и женская прогимназия города Углича. Предреволюционная ситуация и революционные события 1905–1907 гг. не сказались на учебном процессе Угличского городского трехклассного училища: количество школьников и преподавательский состав оставались стабильными, а финансирование, по сравнению с дореволюционным временем, даже увеличилось до 4,139 р. в год¹⁰. Общественные потрясения 1905–1907 гг. также существенно не отразились на учебном процессе Угличского духовного училища, штате преподавателей, материальной базе училища¹¹.

Начиная, практически, со дня открытия прогимназии, т. е. с 1900 г. жители Углича неоднократно ставили перед городскими властями вопрос о преобразовании последней в гимназию. Учитывая, что по «Положению о женских гимназиях и прогимназиях» от 24 мая 1870 г. эти учебные заведения открывались только в губернских городах, а в прочих могли быть созданы лишь по инициативе местных жителей и не на средства казны¹², угличанами в 1905 г. был организован сбор денежных средств в пользу открытия в городе

женской гимназии. Активное участие в этом деле проявил богатейший предприниматель, почетный гражданин Углича, купец первой гильдии М. А. Жаренов, внесший в фонд создания гимназии 5,000 рублей. Не остался в стороне и председатель попечительского совета Н. Н. Тучков, пожертвовавший 1,000 рублей. Городской голова Кашинов внес 300 рублей. Жители Углича и уезда также проявили внимание и отзывчивость к делу развития женского среднего образования в крае, жертвуя, кто сколько мог, от 1 р. до 50 рублей. Всего было собрано 8.000 рублей.

Старания населения не пропали даром, их инициативу поддержали городская дума и угличское земство, собравшие внушительные средства на открытие полной женской гимназии в Угличе. Таким образом, дело было переведено в практическую плоскость. С 1 сентября 1907 г. Угличская женская прогимназия была преобразована в гимназию, согласно разрешению МНП Российской империи¹³ и по распоряжению попечителя Московского учебного округа¹⁴. Процесс реорганизации затянулся почти на год и в материалах попечительского совета термин «гимназия» впервые упоминается с 30 июля 1908 года¹⁵.

Таким образом, революционные события 1905–1907 гг. существенным образом не затронули начальную, повышенную начальную и среднюю школу Угличского уезда. В забастовочном движении учителя и ученики учебных заведений края участия не принимали, процесс обучения осуществлялся в полном объеме, денежные ассигнования на школьное дело, несмотря на сложность политической и экономической ситуации в стране, несколько увеличились. Период 1905–1907 гг. стал решающим в становлении среднего образования в Угличской земле, т.к. именно в это время женская прогимназия была преобразована в полную гимназию. Вместе с тем, революционные потрясения, деятельность I и II Государственных дум привели к тому, что вопрос о всеобщем начальном обучении был поставлен в практическую плоскость.

Примечания

¹ См.: Смолич И.К. История русской церкви, 1700–1917. – М., 1997. – Ч. 2. – С. 112.

² См.: ГАЯО. – Ф. 485. – Оп. 1. – Д. 828. – Л. 232.

³ См.: УФ ГАЯО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 70, 71, и др.

⁴ Таблицу 18 см.: Ярославская губерния. Угличский уезд. Ярославль, 1908. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 122.

⁵ Таблица 20 составлена по материалам: Ярославская губерния. Угличский уезд. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 124.

⁶ См.: Ососков А. В. Начальное образование в дореволюционной России. – М., 1983. – С. 24.

⁷ Таблица 21 составлена по материалам: Ярославская губерния. Угличский уезд. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 24. Данные по школам грамоты, кроме сельских, включают в себя еще и три городские училища.

⁸ См.: Ососков А. В. Начальное образование в дореволюционной России. – С. 24.

⁹ См.: Ярославская губерния. Мышкинский уезд. Ярославль, 1902. – Т. 1. – Вып. 2; Ярославская губерния. Рыбинский уезд. Ярославль, 1907. – Т. 1. – Вып. 1; Ярославская губерния. Мологский уезд. Ярославль, 1909. – Т. 3. – Вып. 2; и др.

¹⁰ См.: ГАЯО. – Ф. 549. – Оп. 3. – Д. 46. – Л. 2–3; УФ ГАЯО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 3; Д. 4; и др. Инспектором училища в это время был И. Карцев (ГАЯО. – Ф. 549. – Оп. 1. – Д. 1622. – Л. 12–20).

¹¹ См.: УФ ГАЯО. – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 16; – Д. 17; и др.

¹² См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1871. – Т. 4.

¹³ См.: УФ ГАЯО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 13.

¹⁴ См.: УФ ГАЯО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 19.

¹⁵ См.: УФ ГАЯО. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 2.

М. Ю. Чернавский

РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И СТРАНЫ ЗАПАДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

Следует отметить ряд факторов, приведших к серьезным испытаниям для России и европейских государств в конце XIX начале XX вв. К таким факторам относятся: рост социалистических настроений, подъем националистических

настроений на фоне усиления приготовлений к мировой войне и процессы демократизации. Западные государства смогли использовать данные факторы в свою пользу, что позволило им устоять в вихре перемен. Россия не смогла совладать с этими новыми явлениями в политико-социальной жизни, что привело Российское самодержавие вначале к трансформации в конституционную монархию (1905), а затем и к свержению монархической формы правления (февраль 1917).

Правящие элиты западных государств продемонстрировали грамотную реакцию на рост социалистических настроений, на появление организованного рабочего движения и на возникновение левых партий. Правительствам Европы удалось приручить растущее недовольство народных масс, конвертировать растущее рабочее движение в существующую политическую систему и поставить под контроль образование и деятельность левых массовых партий. Так, в Великобритании либералы подчинили своим интересам лейбористов. Во Франции республиканцы, используя социалистическую и революционную риторику, привлекли на свою сторону левых, обеспечив тем самым политическую стабильность Третьей республики. В Германии правительство О. фон Бисмарка, по сути дела, возглавило рабочее движение под лозунгами «государственного социализма». В России подобные попытки (как вариант – в виде знаменитой «зубатовщины») либо не увенчались успехом, либо так и остались на уровне абстрактных теоретических изысканий (возможность «монархического социализма» К. Леонтьева, идеи «социальной монархии» Л. Тихомирова). Кроме того, правительства западных государств удачно сочетали политику «кнута и пряника» в отношении растущего рабочего движения. С одной стороны, наблюдалось : установление 8 часового рабочего дня для рабочих-газовщиков Лондона (1889), «рабочее законодательство» Бисмарка о страховании некоторых категорий рабочих (1884), принятие английским правительством закона о конфликтах в промышленности (1906), легализация французским правительством профсоюзов (1884), амнистия участникам Парижской коммуны (1880). С другой стороны : подавление Парижской коммуны (1871), закон Таффе против

рабочих организаций (1884), расстрел рабочей демонстрации в Ферми (1891), издание германским рейхстагом Исключительного закона против социалистов (1878).

Либеральные правительства западных государств удачно разыграли националистическую карту, заимствовав теоретические положения идеологии национализма и убедив избирателей в том, что либерализм совместим с патриотизмом и национализмом. Главным побудительным мотивом для популяризации патриотических идей явилась Первая мировая война, начало которой привело к невиданному патриотическому подъему практически во всех европейских странах, чем не преминули воспользоваться национальные правительства западных государств. В России правительство Николая II практически не воспользовалось ростом патриотических настроений для свертывания демократически-антигосударственных политических прав и свобод (естественным шагом после начала мировой войны выглядел бы роспуск Государственной думы и призыв к национальной мобилизации перед лицом внешней угрозы). Впоследствии, к 1913 году, нерешительность русского самодержца привела к складыванию внутри парламента так называемого «Прогрессивного блока» либеральных сил, ставших впоследствии основой для формирования Временного правительства. Подобное образование оппозиционного теневого правительственного органа внутри парламента выглядит практически нереальным в западных «демократиях» в период ведения войны.

Повальная европейская демократизация приходится на период после 1870 года, вслед за которым к началу XX века происходило планомерное усиление авторитарных тенденций по линии демонтажа демократических прав и свобод. Европейские государства к началу XX века отработали методику по сворачиванию демократических институтов. Возникла так называемая «прирученная демократия», или «маскарадное» избирательное право. Достигалось это следующими путями: урезание конституционных прав парламента (Пруссия); контролирование со стороны верхней, привелигированной палаты парламента, формируемой по праву наследования, работы нижней палаты, избираемой демократическим путем (Великобритания);

сохранение процедуры открытого голосования (Пруссия, Венгрия, Дания), что позволяло контролировать процесс народного волеизъявления ; создание инициированных правительством партийных блоков, действовавших по принципу «чего изволите», которые меняли предвыборную расстановку сил и приводили к власти проправительственные силы (подобная практика была особенно распространена в США). Естественным завершением данных авторитарных процессов стала для стран Запада столь легкая и логичная трансформация данных режимов к той или иной форме диктатуры на фоне готовящейся новой мировой войны («принцип фюрерства» А. Гитлера, диктатура «нового курса» Т. Рузвельта, чрезвычайные полномочия коалиционного правительства У. Черчилля).

В России демократические тенденции, связанные, прежде всего, с появлением представительного органа власти и многопартийностью, дали о себе знать лишь после 1905 года. Россия, таким образом, «демократизировалась с опозданием» и к началу века, в период жесткого внешнеполитического противостояния европейских государств, не нашла в себе силы свернуть только что начавшиеся демократические реформы и вступить на путь ужесточения авторитаризма. Несовпадение фаз развития демократизации России и Западной Европы явилось главной причиной того, что Российская империя вступила в XX век в состоянии политической нестабильности, что в сочетании с начавшейся мировой войной привело к краху государства.

Таким образом, основные причины краха Российской империи в свете выделенных нами факторов следует искать в нереализованных возможностях «приручения» оппозиционных партий, в неэффективном использовании идей национализма и в неспособности правительства органично сочетать жесткую авторитаризм с сохранением бутафорско-демократических элементов в политике, что с таким успехом продемонстрировали западные государства, которые, фактически похоронив принципы классического либерализма и идею демократии, выдержали испытание на прочность.

Г. Н. Четверухин

ИВАН СТАНИСЛАВОВИЧ БЛИОХ – РОССИЙСКИЙ
ПРОМЫШЛЕННИК О ПРОБЛЕМАХ ВОЙНЫ И МИРА
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Блиох Иван Станиславович (1836–1901) – владелец банкирской конторы в Варшаве, учредитель Коммерческого банка в Варшаве и Варшавского страхового от огня Общества, крупный акционер и председатель правления нескольких железнодорожных Обществ, директор правления Общества Страховицких горных заводов и Товарищества Житынского рафинадного завода, автор многочисленных трудов по экономике железнодорожного транспорта, сельского хозяйства, финансам, член Ученого Комитета Министерства Финансов, коммерции советник, действительный статский советник – такие, в целом, сведения об этом человеке можно получить из справочной литературы¹.

Здесь мы не найдем ни слова о взглядах И. С. Блиоха на проблему войны и мира, на проблему разоружения. Данная тема также не являлась предметом специального изучения в отечественной историографии. Краткую характеристику Блиоха как миротворца дал только историк международного права, юрист В. Э. Грабарь².

Признаваемая современниками, связь между аудиенцией, данной И. С. Блиоху Николаем II и решением императора созвать конференцию по разоружению, послужила поводом к сдержанному отношению советских историков к миротворческому наследию Блиоха³.

Современные российские исследователи обращаются к работам Блиоха, прежде всего, в связи с изучением истории первой мирной конференции в Гааге 1899 года⁴, в меньшей степени, предыстории Первой мировой войны⁵, для характеристики истоков развития пацифистского движения в России начала XX века⁶.

Иначе дело обстоит у зарубежных исследователей. В начале 70-х годов XX века в США были переизданы сочинения 360-ти видных деятелей миротворческого движения, в том числе и 6-ти

томная «Будущая война в ее техническом, политическом и экономическом отношениях» И. С. Блюха⁷.

Его личность стала предметом изучения английского историка П. ван ден Дангена, польского историка промышленности и железных дорог Р. Колодзейчика, американского исследователя М. Блюха⁸.

В контексте проходящей сегодня конференции изучение миротворческого наследия И. С. Блюха столь же актуально, как и обращение к вопросу о благотворительной деятельности его современников – Ф. В. Чижова, П. М. Третьякова, С. В. Мамонтова и других российских предпринимателей конца XIX – начала XX века, снижавших себе славу не только на торгово-промышленном поприще.

Без научного знания о деятельности Блюха в области содействия миру между народами не может быть создана целостная картина развития российского предпринимательства конца XIX – начала XX века во всех ее многочисленных аспектах.

Таким образом, в задачу настоящего исследования входит: выяснить суть взглядов И. С. Блюха на проблему войны и мира, в целом, на процесс разоружения и предотвращения войн, в частности, проследить развитие его антивоенного мировоззрения и практических шагов в этой области его интересов.

Событием, определившим интерес Блюха к проблеме войны и мира, стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Как председатель Юго-западной компании железных дорог, он мог наблюдать негативное воздействие войны на экономику России⁹.

Свои наблюдения Блюх подтвердил на массе статистического материала в 4-х томной работе «Финансы России XIX столетия» (СПб., 1882). Его вывод относительно влияния войны на благосостояние страны гласил: «... не в одном только преуспевании военного дела находится залог победы в международной физической борьбе... решение такой борьбы зависит всецело... от степени развития умственных и экономических сил страны, от политической зрелости общественных слоев»¹⁰.

Но здесь интерес к проблеме влияния войны на жизнь общества носил косвенный характер, ее рассмотрение не было первоочередной целью автора.

Только в начале 90-х годов, Блюх, опираясь на свое высокое положение в правительственных кругах¹¹, приступил серьезному исследованию указанной проблемы.

Первые выводы были представлены в 1893 году на страницах журнала «Русский Вестник», здесь же автор объяснил и причины, толкнувшие его к изучению воздействия войн на благосостояние народов.

Блюх отмечал массовое распространение среди своих современников толков о неизбежности войны в более или менее отдаленном будущем. В этой особенности своего времени он видел положительный смысл, так как грядущий конфликт «...представляет угрозу слишком серьезную, чтобы общество могло относиться к ней легко или, что еще хуже, забывать о ней»¹².

Такое напряженное состояние умов заставило Блюха задуматься о причинах, лежащих в основе слухов о войне. Кроются ли эти причины в простом заблуждении, «...в болезненном состоянии нервной системы современного человека» или же в реальных событиях европейской жизни¹³.

Сам Блюх более склонялся к мнению об искусственном нагнетании этих слухов путем «...особого рода «обработка» общественного мнения посредством брошюр в Германии и Австро-Венгрии после заключения Тройственного союза»¹⁴.

В противовес такому шовинистическому направлению в общественном мнении он предлагал свое исследование, которое дало бы «...полное понятие о войне, в ее нынешних условиях и... обзор главнейших политических и общественных отношений, которые могут повлиять на ведение войны, дополняя это указанием на возможные последствия войны»¹⁵.

Двигали автором и вполне насущные проблемы снабжения всем необходимым, прежде всего, продовольствием в случае войны Варшавы и Царства Польского. По данному вопросу была создана специальная купеческая комиссия, но с ее решением о создании хлебных складов Блюх был не согласен ввиду недостаточности этих мер¹⁶.

Начиная с изучения экономических последствий франко-прусской войны 1870-1871 гг. автор постепенно, в течение 7-ми лет (с 1891 года), увеличивал используемый в сочинении

материал. В итоге свет увидел 6-ти томный фолиант «Будущая война в ее техническом, политическом и экономическом отношениях» (СПб., 1898).

В первом томе автор останавливается на технической стороне будущей войны. Он считает, что уже имеющиеся средства поражения живой силы противника дают возможность полного взаимного истребления, которая в будущем будет все возрастать¹⁷.

Причины этого кроются в том, что подготовка к войне идет во многих странах одновременно и равномерно, что приводит не к превосходству одного государства над другим, но к усилению «истребительности самой войны»¹⁸.

При этом автор справедливо задается вопросом: «Выдержат ли нервы, находящиеся под знаменами, миллионов краткосрочных солдат страшное действие огня»¹⁹. В качестве иллюстрации обратного Блюх приводит случаи из истории гражданской войны в США 1861–1865 гг., когда «...находили на полях сражений тысячи ружей, заряженных вдвойне и тройне и иногда наполненных патронами до самого дула»²⁰.

Будущая война – позиционная война. Согласно автору, противников будет разделять «...пояс в 1000 метров ширины... обозначенный пораженными человеческими телами, над которыми будут летать тысячи пуль и снарядов – пояс, через который ни одно живое существо не будет в состоянии перешагнуть...»²¹.

Во втором томе рассматриваются трудности управления войсками в грядущем конфликте. По мнению автора, возросшая численность армий неизбежно приведет к расстройству управления ей, что особенно опасно, как в случае поражения, так и победы (при затяжной войне)²².

При этом возможны дезертирства, симуляции болезней и ранений для уклонения от участия в бою, рост числа нервных заболеваний²³.

Характер «азартной игры» примет в будущей войне битва на море, «...в которой ставками явятся суда миллионной стоимости и тысячи жизней»²⁴.

Далее автор переходит к анализу экономических последствий войны, в ходе которой государство ждет «...стеснение удовлетворение насущных потребностей масс, перерыв или застой

в действии производительных сил народа и признак голода...опасность революционных движений»²⁵.

Последнее особенно касается государств Центральной Европы, где армии после войны могут не дать себя разоружить. Это может повлечь за собой революционные потрясения «...более бедственные, чем... торжество парижской коммуны»²⁶.

В целом, будущая война должно стать борьбой за само существование государств. Состояние послевоенной Европы рисуется в сочинении мрачными красками: «Земля истощена, полк людской куда-то исчез. Пожарища... огненной стихией распространились на все, что представляло плод долговременных усилий в применении труда, знания и искусства... не останется никаких орудий труда...лишь кладбища»²⁷.

Немаловажен тот факт, что Блюх в описании будущей войны не считал ее приговором грядущих поколений. Современная ему эпоха казалась как нельзя лучше подходящей для создания международного суда и начала процесса разоружения.

Сам проект суда отсутствует, так как это «представляет уже вопрос подробностей». Главное, чтобы появились «...благородные инициаторы этого великого дела», под которыми автор разумел императоров России и Германии²⁸.

Что касается проблемы разоружения, то здесь Блюх предлагал снизить уровень вооружений в Европе «...хотя бы до нормы составов сухопутных и морских сил...перед австро-прусской войной 1864 года». Это должно произойти с «...общего согласия всей Европы и учреждения постоянного международного суда»²⁹.

В России реакция на исследование была сдержанной. Военный теоретик, генерал П. А. Гейсман назвал Блюха «предубежденным человеком», который «...подбирает все, что, так или иначе говорит против войны, умалчивая в то же время о данных противоположного характера»³⁰.

Публицист и бессменный обозреватель журнала «Вестник Европы» Л. З. Слонимский считал работу Блюха утопией за стремление изменить коренным образом человеческую психологию, создать общий тип национального характера, а также за «...сохранение устарелых полицейских взглядов и приемов – при будущем торжестве права и справедливости!»³¹.

Военный теоретик, публицист, генерал М. И. Драгомиров в открытом письме Блюху отмечал, что идея полного устранения войны противоречит основному закону природы – закону борьбы. Он указывал, что «...те затишья... которые людям сентиментальным и коммерческим кажутся шагом к тому, что войны, наконец, не будет, суть не более затишья перед грозой...»³².

Ответом Блюха на высказанные скептические мнения стала широкомасштабная деятельность по распространению в общественном мнении своих убеждений. В 1898 году выходит однотомный вариант его основного сочинения – «Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, политическом и политическом отношениях»» (СПб., 1898). Сочинение переводится на польский, немецкий, английский и французский язык³³.

Идеи, высказанные в «Будущей войне...» относительно характера и последствий грядущего конфликта мы можем обнаружить во многих последующих произведениях³⁴.

Более того, современники отмечали влияние идей Блюха и его миротворческих усилий на созыв Гаагской мирной конференции³⁵.

В ходе самой конференции Блюх как частное лицо активно отстаивал свои взгляды на проблему войны и мира, выступая с докладами и встречаясь с депутатами³⁶.

Уильям Стэд, сторонник идей пацифизма и английский журналист, освещавший ход конференции, писал, что Блюх в Гааге «...во всех отношениях самая замечательная фигура...нет никого среди представителей иностранных держав, из тех, кто присутствовал в столице Нидерландов, кто был бы более интересным и более заслуживающим внимания»³⁷.

Уже после окончания конференции Блюх прочел в разных городах Европы ряд лекций на тему войны и мира, привлекая на свою сторону прессу, создал международный благотворительный фонд³⁸.

Целью последнего было не только финансирование пропагандистских в пользу идеи мира акций самого Блюха и учрежденного им музея войны и мира, но поддержка пацифистских движений, в частности в Германской империи³⁹.

С осени 1900 года идет подготовка к открытию музея войны и мира, который должен был появиться в Люцерне. В этом деле Блюху помогали несколько офицеров швейцарской армии⁴⁰.

Планировалось открыть подобные музеи в других городах Европы. Они должны были бы стать особыми центрами воспитания всех желающих в духе идей мира. Для этой цели при них создавались библиотеки и залы для конференций. В этом отношении Блюх шел за идеями юриста и публициста В. М. Гессена, считавшего, что «...пропаганда идеи мира в семье и , в особенности, в школе имеет огромное, вполне реальное и практическое значение...те начала, которые сегодня господствуют в семье и школе, завтра восторжествуют в жизни»⁴¹, но эти планы остались нереализованными. В конце 1901 года Блюх умер на самом пике своей миротворческой деятельности. Власти Люцерна довели начатое им дело создания музея войны и мира, который открылся в июне 1902 года⁴².

Продолжал свою работу и международный благотворительный фонд, из средств которого в 1903–1904 годах проводили агитационную кампанию немецкие пацифисты⁴³. Труды Блюха и, прежде всего, «Будущая война» послужили основой для подобных исследований представителей европейского пацифизма⁴⁴.

На родине идеи и достижения Блюха остались почти неизвестны. Данные Блюха о развитии милитаризма в странах Европы использовал П. Н. Милюков, член Санкт-Петербургского отделения Общества мира в Москве в работе «Вооруженный мир и ограничение вооружений».

Ф. А. Щербина, член Киевского Общества друзей мира, посвятил статью в «Памятной книжке Киевского Общества друзей мира» за 1910 год. Первая мировая война и вовсе предала идеи российского миротворца забвению. Возможно, что причины такого отношения к наследию Блюха кроются в том, что политическое устройство Российской империи не давало никакого шанса для сколько-нибудь практической деятельности на ниве пацифизма. Это обстоятельство и вынудило его обращать свои взгляды в сторону Европы, где идеи мира находили благоприятную почву для своего развития в теории и на практике.

Примечания

¹ См.: Блюх Иван Станиславович // Новый энциклопедический словарь. Издание Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В 29 т. – СПб., 1911-1916. – Т.6. – Стб.889-890.; Блюх Иван Станиславович // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова и П.Н. Миллюкова: В 22 т. – СПб., 1900-1905, 1909. – Т.3. – С.317.; Блюх Иван Станиславович // Энциклопедический словарь товарищества Гранат и Ко. В 54 т. – 7-е соверш. перераб. изд. – М., 1910–1916, 1929–1948. – Т.6. – С.48–49.; Блюх Иван Станиславович // Советская историческая энциклопедия: В 16 т. – М., 1961-1976. – Т.2. – С.487.

² См.: Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России 1647–1917. – М., 1957. – С.431.

³ См.: К истории первой Гаагской конференции 1899 года // Красный архив. – 1932 – №1–2 (50–51). – С.64.

⁴ См.: Хайцман В. М. Гаагская конференция мира 1899 года и идеи пацифизма // Долгий путь российского пацифизма: Сб. ст. / Отв. ред. Т. А. Павлова. – М., 1997. – С.226–227.; Николаев Н. Ю. Идеи пацифизма и Гаагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, Философия. – 2000. – №5. – С.53.

⁵ См.: Кошелев А. Без конца печаль. Предостережения и мрачные прогнозы Первой мировой войны // Родина. – 2001. – №8. – С.71.

⁶ См.: Илюхина Р. М., Сдвижков Д. А. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX века (становление и деятельность российских обществ мира) // Долгий путь российского пацифизма... - С.181–182.

⁷ Данген П. ван ден И. Блюх и Я. Новиков – российские миротворцы на рубеже столетий // Долгий путь российского пацифизма... – С.202. На Западе Блюх был известен как Жан де Блох (Jean de Bloch)

⁸ См.: Dungen P. v.d. A bibliography of the Pacifist Writings of J. Bloch. – London, 1977; Dungen P. v.d. The Making of Peace: Jean de Bloch and the First Hague Peace Conference. – Los Angeles, 1983; Kolodziejczyk R. J. Bloch 1836-1902. – Warschau, 1983; Bloch M.

Bloch // Josephson H. Hg. Biographical Dictionary of Modern Peace Leaders. – Westport, 1984. – 84f.

⁹ Данген П. ван ден Указ. соч. – С.204.

¹⁰ Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. В 4 т. – СПб., 1882. – Т.2. – С.24.

¹¹ С. Ю. Витте писал о Блюхе и других «железнодорожных королях»: «Эти лица имели самое крупное общественное влияние, они имели влияние даже на высший класс имущественных лиц» – Цитата по: Предпринимательство и предприниматели России: от истоков до начала XX века. – М., 1997. – С.269.

¹² См.: Блюх И. С. Будущая война, ее экономические причины и последствия // Русский Вестник. – 1893. – №2. – С.181–182.

¹³ См.: Там же. – С.182.

¹⁴ См.: Там же. – С.188.

¹⁵ Там же. – С.189.

¹⁶ См.: Там же. – С.183.

¹⁷ См.: Блюх И. С. Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, политическом и политическом отношениях. – СПб., 1898. – С.2, 5, 9.

¹⁸ См.: Там же. – С.11.

¹⁹ Там же. – С.10.

²⁰ Там же. – С.25.

²¹ Там же. – С.34.

²² См.: Там же. – С.45, 73.

²³ См.: Там же. – С.207, 212. Уже в годы русско-японской войны российские власти признали факты массовой потери рассудка в ходе боевых действий – См. подробнее: Фридлендер К. Несколько аспектов SHELLSHOCK2 А в России 1914–1916 // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума в С.-Петербурге 1–5 июля 1998 г. / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. – СПб., 1999. – С.316–317.

²⁴ См.: Там же. – С.147.

²⁵ Блюх И.С. Указ. соч. – С.177.

²⁶ Там же. – С.269.

²⁷ Там же. – С.363.

²⁸ Там же. – С.394–401.

²⁹ Там же. – С.390.

³⁰ Гейсман П. А. Война. Ее значение в жизни народа и государства. – СПб., 1896. – С.9–10.

³¹ См.: Слонимский Л. З. Вооруженный мир и проекты разоружения // Вестник Европы. – 1898. – №10. – С.790.

³² См.: Драгомиров М. И. Открытое письмо г. Блюху // Драгомиров М.И. Одиннадцать лет: Сб. оригинальных и переводных статей (1895–1905): В 2 кн. – СПб., 1909. – Кн.1. – С.131–132.

³³ Блюх Иван Станиславович // Русский биографический словарь: В 20 т. – М., 1999–2001. – Т.3 «Благосветов – Бялыницкий» – С.13.

³⁴ См. например: Гулевич А. Война и народное хозяйство. – СПб., 1898. – С.5, 9–10, 15, 24 и далее ; Алексеев А. М. Россия в вопросе о разоружении. – Смоленск, 1899. – С.7–8, 12, 15–18, 20, 28.; Шлиффен А. фон Современная война // Шлиффен А. фон Канны / Пер. с нем. А. Свечиной и Л. Фейгиной. – М., 1936. – С.355–372.

³⁵ См.: Милуков П. Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. – М., 2003. – С.72–73.; Он же. Воспоминания. – М., 2001. – С.383.; Представительница австрийского пацифизма конца XIX – начала XX века, баронесса Берта фон Зуттнер вспоминала о встрече с Блюхом: «Упомяну только о встрече... с известным Иоганном фон Блюхом, знаменитым автором книги “О войне”. Он мне рассказывал подробно о впечатлении, которое произвела его книга на русского Царя, об объяснениях чертежей и статистических таблиц, которые он имел счастье давать в личной аудиенции, данной ему» – Мемуары баронессы Б. фон Зуттнер (1843–1908) // Новое слово. – 1909. – №4. – С.58–59.

³⁶ См.: Сдвижков Д. А. Против «железа и крови». Пацифизм в Германской империи. – М., 1999. – С.44.

³⁷ Цит. по: Данген П. ван ден Указ. соч. – С.206.

³⁸ См.: Доклад И. Н. Ефремова об истории пацифистского движения и создании пацифистской организации в России и других странах (черновик) – ГАРФ. – Ф. 927. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 21, 21 об.

³⁹ См.: Сдвижков Д. А. Указ. соч. – С.68.

⁴⁰ Данген П. ван ден Указ. соч. – С.208

⁴¹ Гессен В. М. О вечном мире. – СПб., 1899. – С.19.

⁴² Грабарь В. Э. Указ. соч. – С.431.

⁴³ Сдвижков Д. А. Указ. соч. – С.68.

⁴⁴ См.: Там же. – С.50, 82, 101.

Р. Ю. Мальцев

ОТРАЖЕНИЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ
ДУМУ 1907 ГОДА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ
«ПОВОЛЖСКИЙ ВЕСТНИК»

Революция 1905–1907 гг. предопределила ход дальнейшего развития Российской Империи. Положения Манифеста 17 октября позволили осуществить давнюю мечту многих социальных слоев – создать представительный орган – Думу.

Шумная предвыборная кампания первой Думы с изданием многочисленных брошюр, памятных книг с портретами депутатов фактически прошла даром: Дума была разогнана. События, связанные с роспуском Думы, бурно обсуждались не только в столичной, но и в провинциальной прессе. Костромские газеты не были исключением. «Поволжский вестник» (далее ПВ) во главе с «редактором-издателем» И. В. Брюхановым фактически являлся печатным органом костромских деловых кругов. Имея достаточный вес в экономической жизни губернии, предприниматели стремились и к власти политической. На страницах ПВ достаточно четко можно проследить политические предпочтения этой части общества.

Реакция на роспуск первой Думы на страницах ПВ была достаточно осторожной. Царский манифест был принят безоговорочно, сам представительный орган назывался «думой гнева и мести, и в результате не мог не явиться роспуск, который пережит Россией с некоторым самообладанием»¹.

Предвыборные кампании второй и третьей Думы отличаются от выборов в первую. Революция шла на спад, волнения в обществе также убывали. Для редакции ПВ выборы во вторую Думу были не менее значительны, хотя роспуск первой внушал некоторые опасения за судьбу второй. «В отдельности можем

страстно пожелать, чтобы будущую Государственную думу не постигла та же участь, какая приключилась с первой, и сами выборы в нее укажут именно лучших людей или соль земли русской, любящих свою родину беззаветно и самоотверженно»².

Нужно отметить, что ПВ в ходе обеих кампаний 1907 г. критиковал кадетскую партию, и нападки на последнюю были достаточно остры. «Кадеты врут... Это азбучная истина. Врут «на обе стороны». Врут «направо и налево», – мирнообнавленным и товарищам. Врут на три стороны. Врут на все четыре, соображаясь с четырьмя главными сторонами света. Врут, вероятно, по направлению всех второстепенных стран света, дабы составить безукоризненную «розу ветров»³. В ход шли и сатирические памфлеты, интервью с обывателями, заметки с улиц. В каждой такой заметке кадеты непременно выставлялись людьми лживыми, продажными в политическом плане.

Такое отношение к кадетской партии обусловлено позицией редакции: «Мы должны сказать своим представителям: идите и работайте, не покладая рук, над воплощением в жизнь Манифеста 17-го октября, работайте над флагом программы твердого установления правильного конституционного строя в России, а не с программой захвата власти и объявления Учредительного Собрания»⁴. Превозношение Манифеста 17 октября было характерной чертой почти каждого выпуска вестника. Естественно, объявления партии «17 октября» на страницах газеты самые многочисленные и востребованные.

Предвыборная агитация велась весьма грамотно и уверенно. Воззвания под заголовками «Граждане!» и «От Костромского отдела “Союза 17 октября”» отличались размерами, положением в газете (на первой полосе) и периодичностью выхода, особенно в январе 1907 г.

В своих предвыборных объявлениях октябристы излагали представления о будущем страны: «Костромские граждане! Помните нужно, что во второй Думе должны быть лица, чуждые крайностей и твердо стоящие за основы, возвышенные Царским Манифестом 17 октября, имя которого бесценно носит «Союз» с начала его возникновения. Пусть выбранные в Думу народные представители стоят за конституционную монархию,

за неделимость России, за улучшение земледелия и землепользования, за широкое право контроля над расходованием народных денег, за всеобщее начальное обучение и образование, за улучшение военного и морского дела, за упорядочение отношений между рабочими и работодателями, вообще за мирное обновление великой России»⁵.

Другой, близкой к октябристам, партией, активно использующей страницы ПВ в предвыборной гонке, была партия «мирного обновления». В борьбе за электорат она использовала приемы весьма популярные в то время: «Главное зло, от которого страдает Россия, в особенности бедный народ, это, во-первых, самовластие тех чиновников, которые управляют не по закону, а по собственной воле, а во-вторых, смута, исходящая от тех людей, которые силой, а не законом хотят преобразовать Россию и заливают ее кровью. Прежде, когда не было Государственной думы, чиновники не отвечали перед народом за свое управление и, когда хотели, не доводили до Царя нужд народных, и оттого не было... в России ни правды, ни порядка»⁶.

Победа кадетов на выборах в Костромской губернии была встречена редакцией весьма достойно, были высказаны пожелания продуктивной работы на благо России.

Роспуск второй Думы не был чем-то неожиданным. Уже во время предвыборной кампании регулярно выходили статьи с говорящим названием «Будет ли распущена вторая Дума». В разгоне была обвинена кадетская партия. Началась кампания по выборам в третью Думу.

В отличие от начала года, агитация шла вяло. Во время третьей предвыборной кампании дела партий затмила проблема холеры и борьбы с ней, во всяком случае, ей посвящено больше статей, чем выборам. Поднимается вопрос об «абсентеизме русских избирателей. Измученный, утомленный и разочарованный народ уже серьезно задумался над своим положением, он изверился в своих благодетелей, он инстинктивно почувствовал какую-то лживость положения и начал уклоняться от всякой политики, справедливо опасаясь, что все это может отразиться весьма печально на нем только одним»⁷.

Несмотря на спад предвыборной гонки, ПВ продолжал публиковать воззвания в поддержку положений Манифеста 17 октября, хотя их количество ощутимо уменьшается.

Отличие третьей кампании – представление «людей дела, а не фразы, людей реальной политики, а не фантастических теорий, людей не революционного, а эволюционного развития России»⁸. Среди таких людей редакция выделяет лица, «которые постоянно стояли за преобразования по воле Царя и в духе мира, а не террора, экспроприации и репрессии, как то: г.г. Соколов В. С., г-н Ботников, В. А. Шевалдышев, А. П. Скворцов, С. Т. Орлов, Н. М. Власов и другие»⁹.

Результаты третьих выборов были более благоприятны для октябристов.

На проводах членов Государственной думы В. С. Соколова (мирнообновленец) и Г. Н. Плотникова (октябрист), видный костромской промышленник В. А. Шевалдышев сравнил создавшееся политическое положение с отрезвлением как бы после продолжительного опьянения: «...теперь мы можем, наконец, разобраться, где черная сотня, а где не она. Все будет хорошо и светло, если между нами и нашими избранниками будет полное единение при условии разумной работы»¹⁰.

1907 г. был последним годом первой русской революции. Накал страстей, связанный с роспуском первой Думы, выборами во вторую, снова роспуском, в конце года сменился почти безразличием к политической жизни. В «Поволжском вестнике» эти тенденции можно проследить на примере предвыборной борьбы: большое количество статей в январе–феврале, резкая критика политических оппонентов – кадетов и затишье в августе–сентябре.

Предвыборные статьи, освещение дел в Думе в ПВ как газете предпринимателей позволяют нам оценить политические приоритеты этой общественной группы, понять, что для них «старый наш строй уже не может вывести Россию на светлый прогрессивный путь и как бы не силится реакция повернуть колесо истории назад, принципы, вложенные в Манифест 17 октября – законодательная Дума и дарование населению политических прав войдут в жизнь»¹¹.

Примечания

¹ Поволжский Вестник (далее ПВ). – 1907. – 5 января.

² ПВ. – 1907. – 4 января.

³ ПВ. – 1907. – 16 января.

⁴ ПВ. – 1907. – 23 января.

⁵ ПВ. – 1907. – 18 января.

⁶ ПВ. – 1907. – 11 января.

⁷ ПВ. – 1907. – 29 сентября.

⁸ П.В. – 1907. – 18 августа.

⁹ ПВ. – 1907. – 2 сентября.

¹⁰ ПВ. – 1907. – 27 октября.

¹¹ ПВ. – 1907. – 18 августа.

К. Е. Балдин, С. В. Мокеев

БОРЬБА ТЕКСТИЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА ЗА ВНЕШНИЕ РЫНКИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Одной из важных проблем отечественного бизнеса в дореволюционный период являлся сбыт готовой продукции. Реализация ее в текстильной промышленности Иваново-Вознесенского промышленного района имела свои особенности. В отличие от хлопчатобумажных фабрик Петербурга или Москвы, предприятия текстильного края ориентировались на небогатого и невзыскательного покупателя, прежде всего на многомиллионную массу крестьян. Именно поэтому местные ситцы не отличались особенно высоким качеством, соответственно, они были недорогими. Российская деревня служила основным рынком для ивановских тканей, однако, он был подвержен серьезным колебаниям. Каждый очередной неурожай понижал покупательную способность крестьян, и поэтому даже слухи о неблагоприятных погодных условиях отрицательно отражались на конъюнктуре ситцевого рынка.

Относительная узость внутреннего рынка и его нестабильность заставляли отечественных предпринимателей

искать возможности сбыта за рубежом. Для России основным регионом торговой экспансии стал Средний Восток и, прежде всего, такой близкий сосед, как Персия. Эта была феодальная страна, промышленность которой находилась по большей части на ремесленном уровне. Поэтому местные текстильные изделия не могли конкурировать с российскими «машинными» ситцами.

Интенсивное проникновение отечественных тканей в Иран развернулось с начала 90-х гг. XIX в. В 1891 г. из России было вывезено на персидский рынок мануфактурных товаров на 1 874 тыс. р., в 1892 г. – 3 105 тыс., 1893 г. – 3 960 тыс. В 1894 г. весь экспорт российской текстильной продукции составил 6 867 тыс. р., из них 48,7 % приходилось на Персию. В начале XX в. Иран продолжал занимать первое место в русском экспорте текстиля. Сначала наши ткани заполнили рынки иранского Азербайджана (северная часть страны), затем стали интенсивно проникать в его центральную часть, постепенно вытесняя отсюда английские ткани¹.

Ивановские ткани начали проникать и в южную часть Ирана, расположенную на побережье Персидского залива. Об этом свидетельствует интересный документ, сохранившийся в архивном фонде Куваевской мануфактуры (Иваново-Вознесенск). Эта фабрика, а также некоторые другие отечественные текстильные предприятия получили заказы на ситцы от купцов из Кермани (южная Персия). Керманийский консул сообщал в сентябре 1905 г., что получившим эти заказы предприятиям необходимо срочно доставить ткани в Одессу, чтобы их успели погрузить на пароход, отходящий в порт Бендер-Аббас, расположенный в Персидском заливе². Сведений о продолжении такой торговли в дальнейшем нет. Вероятно, Куваевской мануфактуре пришлось прекратить коммерческие усилия на этом направлении. Как известно, в 1907 г. между Россией и Англией было заключено соглашение о том, что северная Персия останется сферой интересов российского капитала, а южная (по побережью Персидского залива) – английского.

Круг предприятий, которые торговали в Персии, был довольно широким. По консульским сведениям, поступавшим из иранского Азербайджана в 1911 г., здесь лучше других продавались недорогие набивные ситцы фабрик И. Гарелина, Н. Гарелина,

Фокина, Витовых, Кокушкина и Маракушева (Иваново-Вознесенск), шуйской фабрики И. П. Кокушкина³. В Иране продавало свои ткани, хотя и небольшими партиями, Товарищество мануфактур Ясюнинских (Кохма)⁴.

Торговля в Персии имела свои особенности. Если в России спрос на ткани сразу поднимался в результате хорошего урожая зерновых, то в южном зарубежье такую роль играл хлопок, который выращивали местные крестьяне. В 1903 г. «Владимирская газета» сообщала, что в связи с хорошими видами на сбор хлопчатника заметно оживился мануфактурный рынок в Закавказье и Персии⁵.

Предпринимателям приходилось приспосабливаться к потребностям местного населения, следовать установившимся здесь традициям. На ситцах, поставлявшихся в Иран, использовался орнамент в виде «персидского огурца» (его еще называли «восточный огурец» или «боб»). В записке «О торговле с Персией в прибрежных Каспийских провинциях» отмечалось: «Наши фабрики стали больше принаравливаться к вкусам Персии. Благодаря этому обстоятельству вывезенные ситцы и товары успешно сбывались на персидских рынках. Но все же наши изделия не доведены до той степени совершенства, до которой доведены иностранные, хотя те и уступают нашим по прочности»⁶.

В торговле с Ираном предприниматели Иваново-Вознесенского промышленного района пользовались услугами посредников. Одним из них было правление Среднеазиатской железной дороги, которое получало товары из текстильного края (в частности, от фабрики Н. Дербенева) через Астрахань. Затем ткани отправлялись по Каспийскому морю до Красноводска, где начиналась Среднеазиатская линия железной дороги. По ней грузы доставляли в Асхабад, откуда они попадали в Персию и Афганистан⁷. Кстати, это единственное упоминание в источниках о проникновении ивановских ситцев в Афганистан. Вероятно, здесь ткани из текстильного края испытывали серьезную конкуренцию со стороны английских товаров.

Зарубежный рынок на Среднем Востоке (Персия и отчасти Афганистан) был ограниченным, уровень жизни основной массы населения этих стран был крайне низким. Именно поэтому

русские текстильные предприниматели стремились расширить географию своих поставок за рубеж. Отечественная историография после 1917 г. имеет давнюю традицию уменьшения активности российских промышленников на широком внешнем рынке⁸. Обычно в литературе принято было считать, что отечественные производители до революции не проникали на европейский и заокеанской рынки из-за жесткой конкуренции (если, конечно, отвлекаться от огромного хлебного и сырьевого экспорта России в эти годы). Однако это не соответствует действительности. Уже в конце 80-х гг. XIX в. ситцевики Иваново-Вознесенского района пытались расширить ареал своих экспортных усилий. В 1889–1896 гг. фирма Н. Дербенева предпринимала серьезные попытки вывозить ситцы в Южную Америку, Африку и даже Австралию. Однако эти попытки были прекращены по «независящим от фирмы обстоятельствам», т. е. наверняка из-за серьезной конкуренции европейских и американских тканей⁹. Есть сведения, что Куваевская мануфактура через Русское экспортное товарищество отпущало в 1910–1911 гг. свои ситцы в Боливию¹⁰.

Целесообразно подробно остановиться на попытках ивановцев если не завоевать рынок в Латинской Америке, то, по крайней мере, проникнуть на него. Все началось с того, что в 1892 г. некий П. А. Шмидт, предприниматель из Гамбурга, обратился в Общество для содействия русской торговле и промышленности с предложением организовать сбыт на заокеанских рынках русских товаров через гамбургских комиссионеров. Единственным текстильным фабрикантом России, откликнувшимся на это предложение, стал крупный текстильный фабрикант из Иваново-Вознесенска (в дальнейшем он лично ездил в Гамбург). В источнике он назван «г-ном Дербеневым», по нашему предположению, это был П. Н. Дербенев, который стоял во главе совета директоров фирмы «Н. Дербенева С-я»¹¹.

С июля 1892 г. по декабрь 1893 г. это предприятие получило несколько заказов от фирм Бока, Томсена, Меденвальда, Шмидта и др. Это были сравнительно небольшие партии ситца, всего 1 728 штук (штука – рулон материи длиной 60–70 аршин) – стоимостью в 17 229 марок. Ткани предназначались для продажи в Бразилии,

Уругвае и Мексике¹². Однако нет сведений о том, имело ли продолжение это сотрудничество Дербеневых с немецкими посредниками.

Наиболее смелые предприниматели пытались отвоевать нишу не только на заокеанском, но и на европейском рынке, где им практически не на что было рассчитывать. Фабрика А. Гандурина в конце XIX в. вела переписку о продаже своих тканей во Франции, а Куваевская мануфактура продавала накануне Первой мировой войны свой товар в Германию¹³. Но по вполне понятным причинам эти попытки продолжения не имели. Несколько более удачными были усилия, предпринимаемые отечественными промышленниками на Балканах. Есть сведения о том, что руководители Куваевской мануфактуры организовали через Русское экспортное товарищество сбыт тканей в Яссах (Румыния), Варне (Болгария), Константинополе (Турция)¹⁴. Характерно, что местные фирмы, не отваживаясь действовать в одиночку, прибегали к услугам такого мощного коммерческого объединения, как вышеупомянутое экспортное товарищество.

На рубеже XIX и XX вв. в связи с активизацией русской внешней политики на Дальнем Востоке этот регион также стал привлекать внимание текстильных предпринимателей. В 1901 г. фабрика Дербеневых открыла свои отделения в Порт-Артуре, Дальнем и Харбине. В дальнейшем, как сообщала местная газета, эта фирма предполагала снабжать своими дешевыми ситцами не только Манчжурию, но и другие районы Китая и даже Японию¹⁵. Однако этим прогнозам не суждено было сбыться, поражение России в войне с Японией привело к вытеснению русского капитала из Манчжурии. Неизвестно, что произошло с отделениями фирмы Дербеневых на Дальнем Востоке после перехода Порт-Артура и Дальнего к Японии. Скорее всего, иваново-вознесенские ситцевики потерпели здесь немалые убытки.

Попытки если не обосноваться в том же регионе, то получить информацию о его возможностях, предпринимали и другие фирмы. Товарищество Куваевской мануфактуры в 1910–1911 гг. внесло 500 р. на организацию экспедиции в Монголию для изыскания новых рынков сбыта¹⁶.

Важной стороной коммерческой деятельности текстильных фабрикантов была реклама выпускаемой продукции. Сто с лишним лет назад возможности рекламной деятельности были неизмеримо уже, чем сейчас. Единственными известными нам изданиями, в которых содержалась реклама большинства крупных текстильных фирм региона, были справочники-перечни фабрично-заводских предприятий России. В этих условиях наиболее действенным способом заявить о своем товаре являлись промышленные выставки, которые более или менее регулярно устраивались как в нашей стране, так и за рубежом.

Фабрики ивановского края очень рано начали участвовать в экспозициях – всероссийских и международных. На Лондонской выставке 1851 г. шуйская фабрика Ф. Г. Попова выставила «миткаль хорошего качества» и заслужила похвальный отзыв. В 1861 г. на выставку в Петербурге фабрика П. А. Зубкова представила ткани с орнаментом «мильфлор». Здесь они были признаны по красоте узоров, прочности красок и чистоте работы даже выше московских образцов, получив заслуженную награду. Зубковы удостоились медалей и на выставках 1865 и 1870 гг.¹⁷ Неизвестно, как попали зубковские ситцы и на Всемирную выставку в Париже, где в российском павильоне были представлены в основном дары природы, продукция сельского хозяйства и ювелирные изделия. Здесь они тоже получили награду¹⁸.

Иногда экспонентами престижных выставок оказывались не солидные крупные фирмы, а сравнительно небольшие предприятия. Так, на Венскую выставку 1873 г. попала продукция не только от Каретниковых, Гарелиных, Лепешкина, но и с небольших фабрик А. Д. Захарова (Тейково) и Е. Безеновой (Кохма). Причем последняя представляла собой не фабрику и даже не мануфактуру, а ремесленную мастерскую: производство льняных тканей здесь было ручным¹⁹.

Кроме того, фирмы Иваново-Вознесенского промышленного района участвовали в выставках в Филадельфии в 1876 г., в Москве в 1882 г., в Луисвилле в 1885 г., в Париже в 1889 и 1900 гг., в Нижнем Новгороде в 1896 г. и др. Не раз здесь текстильные фабрики получали похвальные отзывы и медали разного достоинства²⁰.

Подробные сведения имеются об участии фирм текстильного края во Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго (США), проводившейся в 1893 г. в честь 400-летия открытия Америки Христофором Колумбом. Девять фабрик Иваново-Вознесенского промышленного района получили приглашения участвовать в ней и отправили за океан свои экспонаты. В частности, Товарищество мануфактур Н. Дербенева представило довольно редкие вытравные и грунтовые ткани. А. Н. Бочаров, посланный в Америку сопровождать экспонаты, писал о впечатлениях американцев от ивановских ситцев: «Публики возле нашей витрины толпится всегда пропасть, даже Бог знает зачем лезут и внутрь, но нет специалистов, понимающих дело и фабрикацию. Бабы американские охают и ахают над нашими ситцами, да толку от этого мало, ничего они не смыслят»²¹. Однако ткани из текстильного края, несмотря на опасения Бочарова, все же привлекли внимание экспертов выставки. Позже он с оптимизмом информировал иваново-вознесенских фабрикантов: «Все экспонаты, до коих более или менее касается мое здесь представительство, получают медали. Вообще же об отделе русском могу сказать, что он в процентном отношении соберет несравненно больше наград, чем какой-либо из иностранных отделов, в том числе и американский. Русские мануфактуристы и фортепьянные мастера отличаются лучше всех»²².

Золотых и серебряных медалей местные фирмы на столь престижной выставке не собрали, но бронзовых медалей были удостоены ткани фабрик Кокушкина и Маракушева, И. Гарелина, Куваевская фануфактура, Н. Дербенева, А. Гандурина²³. О том, как выглядело свидетельство о присуждении награды, дает представление следующий документ: «Соединенные Штаты Америки постановлением своего конгресса уполномочили Всемирную колумбийскую комиссию при Международной выставке, состоявшейся в городе Чикаго в 1893 году, присудить медаль особого достоинства Антону Гандурину с братьями, выставившему набивной ситец. Награда за набивную бумажную ткань яркой окраски, преимущественно для вывоза в Азию. Ситец хорошего качества, набивка чистая, краски вполне крепкие. Рисунки и узоры большей частью персидские, специально для стран Дальнего Востока»²⁴.

Был еще один вид наград, который очень ценился предпринимателями. Это было право изображать государственный герб на своих изделиях. Черный двуглавый орел свидетельствовал о том, что само государство гарантирует качество того или иного изделия. В частности, на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде такого права удостоились Куваевская мануфактура и фабрика Н. Ф. Зубкова²⁵.

При перечислении этих наград возникает вопрос, каким образом ивановские ситцы, не отличавшиеся высоким качеством, получали в России и за рубежом престижные награды. Дело в том, что они участвовали в конкурсе тканей, рассчитанных на невзыскательного покупателя. Так, в 1870 г. ситцы фабрики Ясунинских получили серебряную медаль за «хорошее качество при невысокой цене». Последнее обстоятельство (оптимальная цена) тоже учитывалось при присуждении наград²⁶.

При знакомстве с международными выставочными успехами фирм текстильного края привлекает внимание следующее обстоятельство: почти все они относятся ко второй половине XIX в., в начале XX в. экспозиционная активность фабрик Иваново-Вознесенского промышленного района в Европе и за океаном резко уменьшилась. Они лишь изредка участвовали в российских выставках. В частности, можно упомянуть участие Товарищества мануфактур И. Скворцова (Середа) в юбилейной выставке, посвященной 300-летию царствования династии Романовых и проходившей в Костроме. Эта фабрика построила специальный отдельный павильон на территории выставочного комплекса²⁷. Деятельное участие фабрикантов в международных выставках второй половины XIX в. вероятно можно объяснить тем, что они стремились продвинуть свои ткани на международный рынок, познакомив зарубежного покупателя с экспозиционными образцами. Однако, как уже отмечалось выше, сделать этого так и не удалось. Между тем, участие в любой выставке было дорогостоящим и крайне хлопотным делом, и расходы на это не оправдывались. Именно поэтому фабриканты перестали участвовать в этих внешне престижных, но безрезультатных для них мероприятиях.

Вместе с тем нельзя сказать, что экспозиционная деятельность местных предпринимателей была абсолютно безрезультатной. Международные выставки давали возможность сравнить качество отечественных и зарубежных товаров, познакомиться с передовыми западными технологиями текстильного производства, завести полезные знакомства. Правда, фабриканты чаще всего не использовали возможности лично сделать это и сами на выставки не ездили, посылая туда своих представителей. Что касается российских выставок, то участие в них, как нам представляется, достигало своей цели. На них потенциальные покупатели, а также оптовые торговцы тканей знакомились с ивановскими тканями, что способствовало продвижению этих товаров на внутреннем рынке.

Примечания

¹ История предпринимательства в России. Кн.2: Вторая половина XIX – начало XX века. – М., 2000. – С. 200.

² Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). – Ф. 108. – Оп. 1. – Д. 708.

³ Старый владимирец. – 1912. – 28 июля.

⁴ Товарищество мануфактур В., Е. и А. Ясюнинских в с. Кохме Владимирской губ. Шуйского у. – М., 1896. – С. 5,6.

⁵ Владимирская газета. – 1903. – 16 марта.

⁶ ГАИО. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 167. – Л. 2.

⁷ Там же. – Ф. 154. – Оп. 1. – Д. 819. – Л. 9.

⁸ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. – С. 142–146.

⁹ ГАИО. – Ф. 154. – Оп. 1. – Д. 962. – Л. 88; ГАИО. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 263. – Л. 82.

¹⁰ Экземплярский П. М. История города Иванова. Т.1. – Иваново, 1958. – С. 276.

¹¹ Рафалович Л. А. Сбыт товаров российского производства на заморских рынках через Гамбург: Докладная записка на имя г. Министра Финансов. – СПб., 1894. – С. 6.

¹² Там же. – С. 7, Прил. 1.

¹³ ГАИО. – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 4; Экземплярский П. М. Указ. соч. – С. 276.

- ¹⁴ Экземплярский П. М. Указ. соч. – С. 276.
- ¹⁵ Наши фабрики. – Иваново, 1958. – С. 50; Владимирская газета. – 1903. – 18 января.
- ¹⁶ Экземплярский П. М. Указ. соч. – С. 275.
- ¹⁷ Ивановские ситцы: Альбом. – Л., 1983. – С. 23.
- ¹⁸ ГАИО. – Ф. 191. – Оп. 1. – Д. 382. – Л. 2.
- ¹⁹ Указатель русского отдела Венской всемирной выставки 1873 г. – СПб., 1873. – С. 98.
- ²⁰ ГАИО. – Ф. 108. – Оп. 1. – Д. 1410; Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 1–7; Товарищество мануфактур В. Е. и А. Ясюнинских в с. Кохме Владимирской губ. Шуйского у. – С. 4.
- ²¹ ГАИО. – Ф. 154. – Оп. 1. – Д. 962. – Л. 88.
- ²² Там же.
- ²³ Товарищество мануфактур И. Гарелина с С-м. – М., б.г. – С. 12; Бабичев В. А. Прочные нити. Ивановская ткацко-отделочная фабрика имени Н. А. Жиделева: Исторический очерк. – Ярославль, 1988. – С. 10; ГАИО. – Ф. 108. – Оп. 1. – Д. 1410. – Л. 18.
- ²⁴ ГАИО. – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 615. – Л. 1.
- ²⁵ Список экспонентов, удостоенных похвальных наград на Нижегородской промышленной выставке 1896 г. – СПб., 1897. – С. 80.
- ²⁶ Товарищество мануфактур В. Е. и А. Ясюнинских в с. Кохме Владимирской губ. Шуйского у. – С. 4.
- ²⁷ ГАИО. – Ф. 145. – Оп. 1. – Д. 825. – Л. 92.

Л. Д. Морозова

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ
САМОУПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ
МАСТНОЙ ВЛАСТИ

В настоящее время, в условиях повышенного интереса к проблемам демократизации и практического воплощения самоуправления, возникла необходимость в поиске перспектив российской государственности, сочетания власти вертикального управления и внутренней самоорганизации населения.

© Морозова Л. Д., 2005

Человеческая жизнь в ее единстве и многообразии проявляется, главным образом, по месту жительства населения. Люди, живущие на одной территории, в пределах определенных границ, представляют правовую форму объединения людей, способную преобразовывать местное хозяйство, повышать качество услуг, развивать местное производство в соответствии со своими интересами.

Самоуправление как научная категория связано с понятием *организация*. Оно предполагает решение вопросов, связанных как с организацией управления на определенной территории вне зависимости от партийных, религиозных, имущественных и других характеристик любого из членов данного сообщества, так и с внутренней организацией. Самоуправление должно служить средством профессионального управления, нести потенциал демократизма и согласия, для того чтобы каждое муниципальное сообщество могло наилучшим образом удовлетворять и обеспечивать интересы своих членов.

В последнее время термин «самоуправление» используется часто и многими, но при этом в него закладывается разный смысл. *Народное самоуправление, общественное самоуправление, производственное самоуправление* – все эти понятия имеют свое значение и не тождественны друг другу.

Следует заметить, что каждый автор дает свое понимание этого института, но, в общем, результаты и выводы одни. Получается, что на один каркас наращиваются разные исторические факты, источники, теоретическое и методологическое обоснование изучаемого вопроса.

Н. Лазаревский под местным самоуправлением понимал «децентрализованное государственное управление, где самостоятельность местных органов обеспечена системой такого рода юридических гарантий, которые, создавая действительность децентрализации, вместе с тем обеспечивают и текущую связь органов местного государственного управления с данной местностью и ее населением»¹.

Изучая эту проблему, М. И. Свешников определял «самоуправление как, новую форму администрации, заключающуюся в свободном участии народа в заведовании

делами, вверенными местным административным органам, то есть свободное участие народа в местной администрации»².

А. Д. Градовский определял самоуправление как результат разнообразных интересов, которые не могут быть удовлетворены деятельностью центрального правительства³.

П. Велихов в советское время дал «марксистское» определение местного самоуправления: «Это государственное управление каким-либо кругом дел на местах, образуемое посредством избрания уполномоченных на то лиц от господствующего класса местного населения»⁴. По нашему мнению, такое определение наиболее точно соответствует истине, если убрать сноску на «господствующий класс». Кроме того, ученым отмечено, что сам термин «самоуправление», как и большинство терминов в социальных науках, не имеет вполне точного и единого научного значения. В разных странах и разными авторами он понимается различно.

Наиболее полное и широкое толкование термину «самоуправление» давалось еще в XVII столетии в Англии (selfgovernment), откуда он и был заимствован в 50-х годах прошлого века Германией и в 60-х годах – Россией. Во Франции соответствующего термина вообще не существует, и он заменен там понятием «децентрализация» или «муниципальная власть» (pouvoir municipal)⁵

В последнее время этот вопрос рассматривается в различных публикациях, в которых затрагиваются основные концепции государственной политики развития местного самоуправления в Российской Федерации, закрепляющие приоритетное направление, задачи и принципы политики государства в сфере развития местного самоуправления, в механизмах ее реализации⁶.

Понятие местного самоуправления приняло новое содержание с момента коренного реформирования, поэтому анализ данного понятия имеет смысл начать с соответствующих международных актов и других нормативных документов.

Европейская Хартия о местном самоуправлении определяет местное самоуправление как право и реальную способность местных сообществ контролировать и управлять значительной частью общественных дел, действуя в рамках закона под свою ответственность на благо населения⁷.

В соответствии со ст. 1. п. 2 Конституции Российской Федерации, «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определил местное самоуправление как «признаваемую и гарантируемую, самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций».

Пискотин М. И. и Фадеев В. И. видят в местном самоуправлении систему организаций и деятельность граждан, обеспечивающих самостоятельное, под свою ответственность, решение населением вопросов местного значения, управления собственностью, исходя из интересов всех жителей данной территории⁸. Пискотин М. И. изложил сущность самоуправления как самоуправление граждан, населения сел, городов, поселков: ими управляет не кто-то сверху, а они сами управляют своими местными делами⁹. Шугрина Е. С. отмечает, что понятие самоуправление не имеет вполне точного и единого научного значения¹⁰.

Основополагающая точка зрения на природу местного самоуправления дана С. А. Авакьяном. Он определил главные факторы местного самоуправления: наличие или отсутствие государственно-властных начал в местном самоуправлении¹¹.

В связи с этим выделяются две противоположные по своей сути позиции:

1. *Общественная*, основанная на противопоставлении государства и общества, провозглашении принципа полной автономии и независимости (по отношению к государству и его органам) местных сообществ, и, соответственно, органов местного самоуправления в осуществлении ими своих задач.

2. *Государственная*, при которой самоуправление рассматривается лишь как одна из форм организации государственного управления на местном уровне его реализации.

В настоящее время практика показала, что природа местного самоуправления не может быть однозначно определена, и вопрос о природе местного самоуправления является дискуссионным.

Функции местного самоуправления имеют не только общественный, но и публичный характер. Местное самоуправление одновременно содержит в себе элементы как государственного, так и общественного образования, что нашло свое отражение в современной трактовке этого понятия.

Исключение из этого понятия местного самоуправления государственно-властных начал невозможно, так как зависимость действий граждан от проблем общегосударственного значения, вхождение местного самоуправления в единую систему управления обществом и государством, полномочия местного самоуправления, основанные на законах и подзаконных актах – это объективная реальность российской государственности с момента его возникновения.

Отсутствие единого определения местного самоуправления позволяет все же очертить круг вопросов, которые объединены этим понятием:

- свободная деятельность населения, в личных целях, но и на благо всего общества;
- объединение людей по их интересам для совместной деятельности;
- достаточная финансовая база, формируемая преимущественно из собственных источников, доходов и частично из государственных дотаций;
- участие граждан в формировании и организации деятельности органов местного самоуправления,
- вхождение местного самоуправления в единую систему управления обществом и государством.

Понятие местного самоуправления можно раскрыть и в следующих аспектах:

Местное самоуправление – это право граждан местного сообщества на самостоятельное заведование местными делами. В соответствии с частью 2 ст. 32 Конституции РФ граждане РФ имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления. В части 1 ст. 130 Конституции РФ закреплено,

что местное самоуправление в РФ обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью.

Местное самоуправление – форма народовластия, разновидности публичной власти на местном уровне. В частях 1–2 ст. 3 Конституции РФ закреплено, что носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ; он осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Как отмечает В. И. Чиркин, местное самоуправление, как и государственная власть, представляет собой публичную власть, «но эта публичная власть территориального коллектива совокупности людей, совместно проживающих в пределах определенной территориальной единицы»¹².

Выборные органы на местах рассматриваются как выражение воли определенного территориального коллектива. В этом – одна из существенных особенностей понятия местного самоуправления. Территориальные коллективы могут быть двух видов: 1) «естественные», то есть села, деревни, города, где люди исторически группировались для совместной жизни (такой территориальный коллектив в научной литературе именуется общиной)¹³; 2) «искусственные», образованные актами государства, проводившего районирование своей территории (губернии, области, районы и т. д.). В современной России края и области являются не муниципальными образованиями, а государственными образованиями – субъектами Федерации. К числу искусственных территориальных единиц относятся и районы. В частности, в Костромской области Кострома выступает как самостоятельное муниципальное образование, а остальные 29 районов, включая города, поселки и другие населенные пункты являются территориальными единицами.

По мнению В. И. Чиркина, тот факт, что края и области в России не относятся к муниципальным образованиям, приводит к «смешению» разных подходов, которые характерны для Европейской Хартии о местном самоуправлении. И нам необходимо найти общий подход со странами Совета Европы в этом вопросе.

Местное самоуправление – одна из разновидностей социального управления, которое существует наряду с государственным.

Местное самоуправление – одна из основ конституционного строя, основополагающий принцип организации власти, который наряду с принципом разделения властей (деление властей по горизонтали) определяет иерархию управления (деление властей по вертикали). В ст. 12 Конституции РФ говорится, что в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление; в пределах своих полномочий оно самостоятельно; органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Местное самоуправление – одна из форм реализации прав и свобод человека. Заслуживает внимания точка зрения Н. С. Бондаря, считающего, что возможность для граждан управлять местными делами, осуществлять местную власть является важнейшим проявлением свободы личности¹⁴.

К этой позиции примыкает и Н. А. Богданова: право местного самоуправления в конституционном праве составляет элемент института конституционного статуса человека и гражданина. Оно либо раскрывает содержание права гражданина на управление делами государства и общества (участвовать в общественной жизни), либо сформировано как самостоятельное право – право на самоуправление (местное, территориальное)¹⁵.

Реализация функций местного самоуправления осуществляется в системе многообразных общественных отношений, субъектами которых являются муниципальные структуры, органы государственной власти, общественные объединения, производственные единицы, отдельные граждане.

В научной литературе по конституционному праву дана общая характеристика местному самоуправлению и проанализированы основы его конституционного статуса. В частности, М. В. Баглай выделяет следующие конституционные положения, вытекающие из ст. 12 и гл. 8 Конституции РФ:

- местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно;
- органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти;

- местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью;
- местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления через выборные и другие органы;
- структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно;
- изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий¹⁶.

Авторы монографии «Сравнительное конституционное право» воспроизводят высказанное еще в 1970-е годы Г. В. Барабашевым и встречающееся в современной западной литературе мнение, что муниципальные органы являются как бы четвертой властью, связанной законом и судебным контролем, но не подчиненной правительству и его органам на местах. Однако во всем мире развитие местного самоуправления происходит противоречиво. С одной стороны, усиливается роль местных органов в проводимой общегосударственной политике, в предоставлении услуг населению, с другой стороны, усиливается интеграция местных органов в государственный механизм, они утрачивают свою самостоятельность. Для современной России данная тенденция является доминирующей. В этой же работе отмечается еще одна особенность местного самоуправления: местные органы не обладают так называемой компетенцией «компетенции», т. е. не вправе самостоятельно определять круг своих полномочий¹⁷.

Весьма интересный анализ органов местного самоуправления дал А. Е. Козлов. В частности, он определил функции местного самоуправления:

1. Осуществление нормотворческой и контрольной деятельности, обеспечение реализации федерального и местного законодательства на территории.

2. Владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, местными финансами, формирование, утверждение и исполнение местного бюджета, установление местных налогов и сборов.

3. Обеспечение комплексного социально-экономического развития территории.

4. Обеспечение содержания и развития социальной и инженерно-коммунальной инфраструктуры территории, оказание полного комплекса услуг населению.

5. Охрана общественного порядка, обеспечение законности¹⁸.

Местное самоуправление в России основывается на демократических началах. Здесь сочетаются формы представительной и непосредственной демократии. На основании принимаемого муниципальным образованием устава избирается представительный орган, глава муниципального образования и иные выборные должностные лица.

Федеральный Закон «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» определяет правовой статус должностных лиц и других государственных служащих на уровне местного самоуправления. Обеспечиваются и такие формы прямого волеизъявления граждан, как местный референдум, муниципальные выборы, собрания (сходы) граждан, народная правотворческая инициатива, обращение граждан в органы местного самоуправления. В рамках муниципальных образований действует и территориальное общественное управление.

Таким образом, местное самоуправление как социально-правовая категория имеет следующие признаки:

– местное самоуправление – это совокупность общественных отношений, складывающихся в связи с осуществлением деятельности местных жителей, направленных на решение вопросов местного значения и требующих правового регулирования;

– это отношения, связанные с удовлетворением жизненно важных потребностей населения посредством управления муниципальной власти;

– особенность народовластия муниципального уровня в том, что местная власть принимает общеобязательные решения, непосредственно направленные на жизнеобеспечение местного сообщества;

– местное сообщество самостоятельно создает органы местного самоуправления, институт местной власти,

определяющий признак местного сообщества – местная власть, которая самостоятельно осуществляет собственные полномочия;

– это отношения, связанные с владением, использованием и распоряжением муниципальной собственностью;

– местное сообщество – субъект правоотношений, которые носят комплексный характер, так как связаны с реализацией задач и функций местного самоуправления во всех сферах местной жизни¹⁹.

В самом понятии «самоуправление» можно выделить два основных аспекта: фактический и правовой.

Фактический аспект – это сама деятельность граждан, муниципальных учреждений по осуществлению самоуправления. Эта деятельность выражается в системе фактических общественных отношений, связанных с самостоятельным решением населением вопросов местного значения, управлением муниципальной собственностью, распоряжением местным бюджетом и т. д.

В юридическом аспекте местное самоуправление, во-первых, выступает как правовой институт, т. е. система правовых норм, входящих в конституционное и муниципальное право; и, во-вторых, самоуправленческие права граждан, направленные на осуществление местной власти; в-третьих, как система правоотношений, возникающих в процессе реализации вышеуказанных правовых норм.

Представляется, что главным критерием эффективной деятельности местного самоуправления является качество и уровень жизни населения, проживающего в конкретном населенном пункте, а основным признаком местного самоуправления как социально-правовой категории является независимость местной власти, участие самих жителей в осуществлении управленческих и контролирующих функций, самостоятельности в управлении собственными делами.

В качестве объекта закономерностей построения и совершенствования местного самоуправления целесообразно рассмотреть имеющиеся теории о местном самоуправлении, которые рассматриваются как зарубежными, так и российскими авторами.

Среди зарубежных ученых большой вклад в развитие теории местного самоуправления внесли Токвиль, Гнейст, Штейн, Лабанд. Российской науке известны такие имена, как Васильчиков А. И., Безобразов В. П., Коркунов К. М., Чичерин Б., Свешников М. И., Градовский А. Д., Лазаревский Н. И и др., которые обобщили имеющиеся теории о местном самоуправлении.

Самоуправление не должно быть самоцелью, отделение его от государства может привести к серьезным политическим противоречиям в обществе, сопровождающимися раздвоением власти и гибелью государства. Исторический опыт свидетельствует, что если государственная жизнь здорова, то и самоуправление действует эффективно. В нестабильном государстве самоуправление не действует или плохо действует.

По нашему мнению, ныне действующая правовая основа местного самоуправления в России в основном подтверждает, что самоуправление сочетает в себе элементы как общественного, так и государственного начал.

По существу, и система местного самоуправления, и система государственного управления являются формами суверенной власти народа. Организационное обособление органов местного самоуправления от системы государственной власти целесообразно рассматривать не как утрату ими властной природы, а как формальное разграничение «по вертикали» властных полномочий. Изначально муниципальная система задействована в сфере государственно-властных отношений. Их создание и наличие властных полномочий закреплено федеральным и региональным законодательством.

При решении проблемы определения компетенции уровней публичной власти по вопросам местного самоуправления необходима определенная дифференциация, а именно:

– на уровне Российской Федерации подлежат установлению федеральные гарантии местного самоуправления, общефедеральные принципы организации местного самоуправления, а также могут устанавливаться федеральным законом ограничения прав граждан на осуществление местного самоуправления соразмерные целям, указанным в ст. 55 Конституции России;

– на уровне субъектов Российской Федерации подлежат установлению региональные государственные гарантии местного самоуправления, общерегиональные принципы организации местного самоуправления, а также может быть установлен законом перечень вопросов, которые не могут быть отнесены к ведению муниципальных образований соответствующего субъекта Федерации;

– на муниципальном уровне подлежат принятию муниципальные нормативные правовые акты о порядке решения конкретных вопросов местного значения с соблюдением условий, установленных федеральными и региональными правовыми актами в пределах компетенции органов соответствующего уровня государственной власти.

Новая редакция Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 24 сентября 2003 г. в части установления территориальной основы местного самоуправления базируется на понятии «поселение». В соответствии с Конституцией РФ «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на иных территориях». Если буквально следовать норме этой статьи, а под поселениями понимать населенные пункты, то каждый населенный пункт должен получить статус муниципального образования, что представляется нецелесообразным и не соответствующим отечественным и зарубежным традициям и практике.

Поэтому в новой редакции Закона городским поселением признается «город или поселок с прилегающей территорией, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления», в составе городского поселения также могут находиться сельские населенные пункты, не являющиеся сельскими поселениями; сельским поселением – «один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного

самоуправления». Кроме того, через понятие «поселение» определяются еще несколько видов муниципальных образований: муниципальный район, городской округ, внутригородская территория города федерального значения.

Следует отметить, что содержание понятия «поселение» в новой редакции Закона отличается от содержания понятия «муниципальное образование» в его предыдущей редакции. На первый план определяется место компактного проживания людей (фактически единство территории и населения) и традиционное совместное решение ими вопросов местного значения, в чем и состоит смысл местного самоуправления.

Новый федеральный закон устанавливает виды муниципальных образований, в число которых входят:

- городское поселение;
- сельское поселение;
- муниципальный район (несколько поселений или поселений, объединенных общей территорией, в границах которой местное самоуправление осуществляется в целях решения вопросов местного значения межпоселенческого характера населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ);
- городской округ (городское поселение, которое не входит в состав муниципального района и органы местного самоуправления которого осуществляют полномочия по решению вопросов местного значения поселения и вопросов местного значения муниципального района, а также могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ);
- внутригородская территория города федерального значения (часть территории города федерального значения, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления).

Существенные различия между редакцией закона от 28 августа 1995 г. и новой редакцией имеются в части решения вопросов установления территорий муниципальных образований; образования, преобразования и упразднения муниципальных образований; установления и изменения их границ.

При формировании территорий поселений обязательным является включение в их состав земель населенных пунктов, прилегающих к ним земель общего пользования, территорий традиционного природопользования жителей поселения, рекреационных земель и земель для развития поселения независимо от формы собственности и целевого назначения земель. Введены ограничения относительно населенных пунктов, которые могут находиться в границах городских и сельских поселений. Кроме того, закон содержит требование учитывать при установлении границ поселения, включающего территории двух и более населенных пунктов, пешеходную доступность в течение рабочего дня до административного центра поселения и обратно для жителей всех населенных пунктов, входящих в состав поселения. Это связано с необходимостью обеспечения всех жителей поселения непосредственного обращения в органы местного самоуправления при неразвитости транспортной инфраструктуры в небольших территориальных образованиях.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает особые условия формирования территорий поселений и муниципальных районов на территориях с низкой и высокой плотностью населения. Правительством РФ к 1 января 2004 г. утвержден перечень субъектов Российской Федерации, отдельных районов субъектов Российской Федерации (в существующих границах), относящихся к территориям с низкой плотностью населения, а также перечень субъектов Российской Федерации, отдельных районов субъектов Российской Федерации (в существующих границах), относящихся к территориям с высокой плотностью населения.

Общий подход в отношении муниципальных образований, существующих на момент вступления в силу главы «Заключительные и переходные положения» Федерального закона

«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», состоит в том, что они сохраняются в прежних границах, а изменение их границ и преобразование допускаются исключительно в порядке и по основаниям, установленном указанным федеральным законом. В частности, изменение границ и преобразование муниципальных образований (в том числе наделение городских населенных пунктов, расположенных в границах района, являющегося муниципальным образованием на день вступления в силу закона статусом городских округов) производятся по инициативе населения, органов местного самоуправления, органов государственной власти субъекта РФ, федеральных органов государственной власти при реализации процедур учета мнения населения (голосование, сходы граждан, решения представительных органов муниципальных образований).

В связи с этим механизмом взаимодействия местного самоуправления как института власти и населения конкретной территории выступает территориальное общественное самоуправление, т. е. это тот пограничный институт между общественным и властным, который в любом государстве необходим и без которого ни одна власть существовать не может.

Территориальное общественное самоуправление позволяет участвовать всем заинтересованным гражданам в решении отдельных вопросов местного значения.

В сферу деятельности территориального общественного самоуправления, как общественной формы местного самоуправления, могут входить не только проблемы территории, но и оказание посильных социальных услуг, отстаивание общих интересов группы граждан, решение вопросов местного значения.

Самоуправление, как в форме наделенного определенной властью местного самоуправления, так и в форме территориального общественного самоуправления, позволяет каждому члену сообщества непосредственно самовыражаться через референдумы, сходы (собрания), конференции и т. д. Жители территории могут осуществлять местное самоуправление также и через избираемые ими органы местного самоуправления или органы территориального общественного самоуправления.

«Самоорганизация и самодеятельность граждан с помощью институтов прямой и представительной демократии дают эффект реального приобщения людей к реформам».

Примечания

¹ Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. – М., 1928. – С. 235.

² Основные теории местного самоуправления: происхождение и развитие. – М., 1996. – С. 13.

³ Там же.

⁴ Велихов Л.А. Указ. соч. – С. 253.

⁵ Там же. – С. 234.

⁶ Авакьян С. А. Местное самоуправление в Российской Федерации // Вестник МГУ. – 1996; Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право России. – М., 1994; Краснов М. А. Местное самоуправление: государственное или общественное? // Советское государство и право. – 1990. – №10, Кряжков В.А. Местное самоуправление: правовое регулирование и структура // Советское государство и право. – 1992. – №1 и др.

⁷ См.: Европейская Хартия местного самоуправления.

⁸ Пискотин М. И. Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, перспективы. – М.: МГУ. – С. 43.

⁹ Там же.

¹⁰ Шугрина Е. С. Муниципальное право. – М., 1999. – С. 13.

¹¹ Авакьян С. А. Указ. соч.

¹² Чиркин В. И. Конституционное право: Россия, зарубежный опыт. – М., 1998. – С. 421.

¹³ Бондарь Н. С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1998. – С. 54.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Богданова Н.А. Вопросы местного самоуправления в конституционном праве // Местное самоуправление в России: состояние? Проблемы и перспективы. – М., 1994. – С. 137.

¹⁶ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Из-во «Норма», 2000. – С. 725-726.

¹⁷ Сравнительное Конституционное право. – М., 1996. – С. 673–674.

¹⁸ Конституционное право / Под ред. А. Е. Козлова. – М.: Изд-во, «Бек», 1997. – С. 394–395.

¹⁹ Кутафин О. Е. Муниципальное право Российской Федерации / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. – М., 1997. – С. 6.

А. Д. Шипилов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Первые исторические описания костромских бумаготкацких и льнопрядильных мануфактур появились в начале XX в. Поводом к их изданию послужил 300-летний юбилей царствования Дома Романовых и, конкретно, приуроченная к этому юбилею сельскохозяйственная, кустарная и промышленная губернская земская выставка 1913 г. в Костроме. Всего было издано 5 описаний: «Товарищества бумаго-ткацкой мануфактуры бр. Г. и А. Горбуновых», «Товарищества мануфактур И. Коновалова с Сыном», «Товарищества мануфактур Г. Разорёнова и И. Кокорева», «Товарищества мануфактур, основанных И. И. Скворцовым» и Анонимного Общества Костромской льнопрядильной и бумажной мануфактуры «Гратри, Жерар и Михиной». Все описания были изданы в Москве на отличной мелованной бумаге, имели богатый переплет, четкий типографский шрифт, множество фотографий; во всех – отсутствовало указание на автора издания.

В историографическом отношении данные описания далеко не равнозначны. Одни из них имели целью дать посетителям губернской выставки общие краткие сведения по истории и современному состоянию конкретной мануфактуры, другие – претендовали на историческое исследование с использованием архивных и опубликованных источников, с элементами их критики. К категории первых относятся описания мануфактур Г. Разорёнова и И. Кокорева и Общества «Гратри, Жерар и Михиной». Их отличительная особенность – небольшой объем, около 30 страниц.

© Шипилов А. Д., 2005

Историческое описание мануфактуры Г. Разоренова и И. Кокорева начинается с общего анализа хлопчатобумажного производства в мире, России и непосредственно в Костромской губернии в конце XIX – начале XX вв. Отмечается, что Костромская губерния занимала 3-е место в России по числу прядильных веретен после Московской и Владимирской губерний. Приводились конкретные статистические данные по 12 ведущим Костромским бумагопрядильным фабрикам¹. Затем в отдельной главе давалась краткая история возникновения и развития фабрики с 1822 г. Сведения, в основном, касались владельцев фабрик, размера капиталов в разные годы, строительства новых помещений и технического переоборудования. Далее отдельными главами давалось описание современного состояния фабрик Товарищества: здания, инженерное оборудование, производительность, продукция, снабжение и сбыт, движение капиталов, рабочая сила, быт рабочих, народное образование и здравоохранение на фабриках, торговля и т. д. Завершили описание пофамильные списки членов правления и фабричной администрации².

Примерно по такой же схеме построено описание фабричного производства Анонимного Общества «Гратри, Жерар и Михиной»³. Здесь помимо указанных сведений в описание была включена ретроспективная статистика: потребление хлопка-сырца (российского и американского) с 1902 по 1912 гг., размеры годового производства (обороты) с 1899 по 1912 гг., количество продукции по ее видам за те же годы⁴.

Более основательны в научном отношении исторические описания Товариществ мануфактур И. Коновалова с сыном, бр. Горбуновых и мануфактур, основанных И. И. Скворцовым. Исторический материал занимает в этих описаниях более половины общего объема. Особенно интересно в историографическом отношении описание Товарищества мануфактур И. Коновалова с сыном. Описание начинается с предисловия, в котором объясняются его цели. «Задачей настоящего труда, – говорилось в предисловии, – является освещение и характеристика деятельности основателя фирмы П. К. Коновалова и его непосредственного преемника А. П. Коновалова, положивших предприятию то прочное и здоровое основание, которое дало ему

возможность просуществовать целый век и развиться до настоящих размеров. Чтя память их, мы стремились вместе с тем дать посильное изложение истории развития дела, характеристику причин, обусловивших его эволюцию, а также очерк его современного состояния, как со стороны технически-промышленной, так и со стороны общественно-культурной»⁵. В предисловии подчеркивалась важность источниковой базы данного исследования, в качестве которой выступали документы фабричного архива Товарищества: «Как ни мал тот фактический материал, которым располагали мы по первоначальной истории нашего предприятия, он обладает одним достоинством – полной достоверностью: каждая цифра, каждый факт, сообщаемые здесь, документально обоснованы. При ограниченности материала, который вообще имеется по истории русской мануфактурной промышленности, возможно, что правдиво рассказанная история нашего предприятия, на которой отразились главнейшие факторы развития хлопчатобумажного производства в России, принесет свою долю пользы тем, кто посвящает свои силы научной разработке вопросов экономического развития родины»⁶.

Описание структурно состояло из трех глав, две первые из которых были посвящены истории Товарищества. Помимо биографических сведений о родоначальнике мануфактуры П. К. Коновалове, относящихся к концу XVIII – началу XIX в., здесь имелся интересный аналитический исторический материал о развитии мануфактурного производства в России и Костромской губернии в XVIII – XIX вв.: краткий анализ петровских преобразований в области экономики, развитие полотняного производства, экспорт холста, состояние экономики губернии, причины развития в стране и губернии хлопчатобумажного производства, влияние на его развитие Отечественной войны 1812 г., рынки сбыта, цены, снабжения сырьем и т. д. Одновременно давалась история развития фирмы Коноваловых⁷. Заключительная третья глава посвящалась современному положению предприятия и охватывала период с 1894 по 1912 гг. В ней подробно описывалось техническое состояние ткацких, прядильных и красильно-отделочных фабрик, входящих в Товарищество, кирпичных и лесопильных заводов, организация медицинской

помощи, условия быта рабочих и служащих, благотворительные учреждения и др. Данный исторический очерк был целиком основан на документах семейного и фабричного архивов Коноваловых. Очерк удачно дополняли 42 качественные фотографии семейства Коноваловых, членов правления Товарищества, производственных зданий, оборудования, больниц и т. д.

Историографической особенностью другого описания, также основанного на документальных источниках, – «Товарищества бумаго-ткацкой мануфактуры бр. Г. и А. Горбуновых» – являлось обилие ретроспективного статистического материала, а также различных таблиц и картограмм. В них фиксировались за период с конца XIX в. и до 1912 г. такие данные, как размер основного капитала, денежные обороты, зарплата рабочих, количество и виды продукции, расходы на здравоохранение и образование, рост прядильного производства и выработки продукции (с 1850 г.) и т.д.⁸

Самый большой по объему очерк был посвящен истории развития мануфактур, основанных И. И. Скворцовым и расположенных в селах Серeda и Писцово Нерехтского уезда. Очерк состоял из 14 глав, в которых анализировались в историческом отношении такие вопросы, как основание фабрик и их развитие, промышленное производство, рабочие фабрик, духовно-нравственные учреждения, медицинская помощь, народное образование, благотворительность и т. д. Особое значение представляет собой первая глава очерка, в которой предпринята попытка дать общий анализ развития русской фабрично-заводской промышленности с XVI в. до начала XX в.⁹

Судя по содержанию исторических описаний – обилие статистического материала, диаграмм, таблиц, подробная, вплоть до мелочей характеристика технического оборудования, их авторами выступали инженерно-технические или конторские служащие. Тем не менее, некоторые из них продемонстрировали склонность к историческому анализу, умение работать с историческими источниками. Подобные описания дополняли русскую провинциальную историографию, придавая ей своеобразный колорит.

Примечания

¹ Товарищество Мануфактур Герасима Разоренова и Ивана Кокорева в Кинешемском уезде Костромской губернии. Издано по случаю Костромской губернской в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых сельскохозяйственной, кустарной и промышленной выставки 1913 г. в г. Костроме. – М., б.г. – С. 5–8.

² Там же. – С. 9–25.

³ Исторический очерк возникновения и развития Анонимного Общества Костромской льнопрядильной и бумажной мануфактуры «Грагри, Жерар и Михиной». – М., 1913.

⁴ Там же. – С. 14–19.

⁵ Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с Сыном. 1812–1912. Краткий исторический очерк. – М., б.г. – С. 5.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 7–39.

⁸ Товарищество бумаго-ткацкой мануфактуры бр. Г. и А. Горбуновых. Краткий исторический очерк. 1826–1913. – М., 1913.

⁹ Товарищество мануфактур, основанных И. И. Скворцовым. Описание Средских и Писцовских фабрик. – М., 1913.

Е. А. Чугунов

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИЖОВ КАК ИДЕОЛОГ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Для историков, занимающихся проблемами генезиса российского капитализма, значительный интерес представляют социально-экономические взгляды и деятельность Федора Васильевича Чинова (1811–1877), крупного предпринимателя и финансиста, талантливого ученого и публициста. Для его многообразной и весьма разносторонней деятельности была характерна «доминирующая экономическая направленность интересов: в течение всей жизни он был поглощен перспективами приложения достижений научной и технической мысли к нуждам торгово-промышленного развития России»¹.

© Чугунов Е. А., 2005

Еще будучи молодым человеком, недавно удостоенным степени магистра философии, он в 1838 г. обратился к проблемам развития техники и осуществил издание первого русского исследования по данной теме под названием «Паровые машины: история, описание и приложение их, со множеством чертежей». Данное исследование, как отмечают биографы Ф. В. Чижова, во многом было основано на трудах в области истории техники английских ученых Пертингтона и Стефенса, однако при этом признавалось специалистами «дельным и весьма полезным»².

Став впоследствии «одним из наиболее разносторонних и предпринимательски настроенных славянофилов»³, Ф. В. Чижов в период украинской ссылки⁴ активно и успешно занялся шелководством, широко пропагандировал среди местного населения достоинства и прибыльность этого промысла.

В 50-е годы XIX в. Ф. В. Чижов, как и многие другие славянофилы, разделил надежды прогрессивной русской интеллигенции на либерализацию общественной жизни и государственной системы, связанные со смертью императора Николая I и поражением России в Крымской войне. С возвращением в Москву он определился как выразитель настроений московского купечества и значительный период своей жизни посвятил торгово-промышленному развитию России. Как убежденный славянофил, Федор Васильевич искренне верил в особый строй «русской души» и необходимость «черновой, поденной работы во славу русского экономического процветания»⁵.

Надо сказать, что в смысле такой «черновой, поденной работы» Чижов не только добился в течение своей жизни замечательных успехов, но и подал как современникам, так и потомкам пример, достойный подражания и всяческого уважения. «Ф.В. [Федор Васильевич. – *Е. Ч.*] оставил после себя миллионы, нажитые им благодаря неутомимой и талантливой деятельности в железнодорожной и промышленной сфере... Не всегда нажить миллионы – есть заслуга; хорошо распорядиться миллионами, отдать их на доброе дело или просветительное учреждение составляет заслугу, но приобрести их честным путем через предприятия, безусловно полезные для общего блага

и пожертвовать эти деньги на просвещение родины доставляет деятелю особую честь и таковым был... Чижев, который завещал свои миллионы на устройство в Костромской губернии целой сети просветительных учреждений: костромских классов повивальных бабок и пяти Костромских промышленных училищ»⁶.

Во второй половине 50-х годов XIX в. в журналах «Русская беседа», «Сельское благоустройство» и газете «Молва» были определены основные положения социально-экономической доктрины славянофилов, которую разделял и Ф. В. Чижев. Славянофилы полагали необходимым осуществление покровительства российской промышленности через реализацию протекционистских таможенных пошлин, строительство развитой железнодорожной сети, всемерное расширение технического образования населения страны. Важен тот факт, что постепенно вокруг славянофилов стали группироваться представители тех кругов, социально-экономические интересы которых в основном совпадали с буржуазной по целям и содержанию программой преобразований в стране. Это были прежде всего предприниматели в сфере промышленности и торговли, заинтересованные в развитии отечественной индустрии и снижении влияния в экономике страны иностранного капитала. Известно, что они активно подписывались на периодические издания славянофильской направленности, а также публиковали на их страницах собственные материалы, оказывали в случае необходимости финансовую помощь.

Особые отношения московского купечества со славянофилами во многом были обусловлены идеологическим посылом последних, заключавшимся в том, что, с их точки зрения, промышленный и торговый потенциал страны есть чисто земская сила, стоящая наиболее близко к народу, гораздо ближе так называемых «образованных классов». В тот период времени в обществе господствовало понимание, что именно Москва (древняя национальная столица) является носителем и хранительницей истинно русского народного духа. Соответственно именно в ней было и средоточие всей земской жизни, определенным олицетворением которой как раз и являлось именитое московское купечество – наиболее мощный отряд

амбициозного предпринимательского корпуса Центрально-промышленного района Российской империи, весьма обоснованно претендовавшего на корпоративное лидерство в общероссийском масштабе. Вольность (свобода) земской жизни, как один из идеалов славянофильства, при этом стал довольно широко и активно распространяться на новую сферу – свободу частного предпринимательства как в торговле, так и в промышленности.

В контексте данной ситуации несомненный интерес представляет личный вклад Ф. В. Чижова в славянофильскую разработку проблем и перспектив торгово-промышленного развития России. Этот вклад следует связывать прежде всего с его запиской (анонимного характера) на имя императора Александра II, повествующей о необходимой, с точки зрения автора, реорганизации всей системы управления промышленностью и торговлей империи. В случае практической реализации идей, высказанных в названной записке, стало бы возможным самоуправление частной промышленностью, что не имело в то время места не только в России, но и Западной Европе. Видимо, именно вследствие этого рассмотрение записки в Комитете финансов завершилось ее категорическим отклонением.

Такого рода неудавшаяся попытка убедить государя на основе аргументации, приведенной в записке, подвигла Федора Васильевича обратиться к общественному мнению в «обстановке всеобщего стремления к гласности и свободе печати»⁷ с совершенно определенной целью – оказать соответствующее давление на российское правительство. В связи с этим им и было принято предложение состоятельных костромских предпринимателей братьев Д. П. и А. П. Шиповых стать редактором (и одновременно издателем) специального периодического журнала «Вестник промышленности». В задачи названного печатного органа входили выяснение и общественная защита нужд и требований торгово-промышленных предпринимателей.

Вот что по этому поводу писал сам редактор журнала: «Желая быть вполне живым органом промышленности и торговли нашей жизни “Вестник промышленности” не может не считать своей

обязанностью передавать обо всем этом общественные желания и требования. Но голос журналиста, глубоко сочувствующего требованиям жизни, может быть только тогда слышен и только тогда в нем найдет жизнь ответы на свои желания и требования, когда в нем все больше и больше будут принимать деятельное участие люди торговли и фабриканты, как главные деятели промышленного мира... Теперь время выдвинуло промышленность и промышленников в передовые ряды деятельности и деятелей; оно поставило в зависимость от них всякое движение вперед...»⁸

Ф. В. Чижовым была проделана действительно большая организационная подготовительная работа по созданию журнала. Первый его номер вышел в свет в 1858 г. Структура журнала включала в себя следующие рубрики: «Обозрение промышленности и торговли», «Современная промышленность», «Науки», «Биографии», «Критика и библиография», «Смесь и справочная часть».

Известно, что «талантливые и разнообразно содержательные статьи Федора Васильевича читались не одними промышленниками»⁹, но и широкими кругами общественности, неравнодушной к перспективам экономического развития страны.

Материалы, опубликованные в «Вестнике промышленности» и приложении к нему – газете «Акционер», свидетельствуют о том, что социально-экономическая программа Ф. В. Чижова носила четко ориентированный буржуазный характер, включая в себя следующие позиции: ликвидацию крепостного права как главного фактора, сдерживающего рост производительности труда; отмену сословной системы, препятствующей формированию предпринимательского корпуса в масштабе страны; признание за предпринимательским корпусом права непосредственного участия как в хозяйственном, так и в политическом управлении; установление прогрессивного подоходного налога; учреждение купеческих съездов для выяснения консолидированной позиции предпринимателей по всему спектру проблем, касающихся торгово-промышленной деятельности; осуществление со стороны государства покровительственных мер в отношении российской

промышленности путем реализации протекционистской политики; активизацию строительства сети железных дорог; создание частных акционерных кредитных учреждений; ускоренное развитие металлургии и машиностроения; обеспечение интенсивной разведки и использования богатых природных ресурсов страны; включение национальных окраин империи в состав внутреннего рынка России; создание необходимого количества средних специальных и высших торгово-промышленных и политехнических учебных заведений в целях подготовки специалистов для различных отраслей хозяйства страны.

Такого рода прогрессивная программа, представленная на страницах журнала, вызвала широкий и активный отклик читателей, желание взаимодействия с его редакцией. «Вестник промышленности» оказывал самое благотворное... очищающее и просветляющее влияние на торговопромышленников, которые, по словам И. Аксакова, любили, уважали – но и боялись Чижова. Они вполне ценили его просвещенное, независимое, честное слово. В редакцию журнала являлись коммерсанты, фабриканты, заводчики и др. деятели за советом, с запросами, жалобами на свои нужды и нередко составлялись беседы, которые ценились драгоценнее всяких книг и лекций¹⁰.

Нестабильность финансового положения и весьма сложные отношения журнала с органами цензуры привели в 1862 г. к его закрытию. Однако Ф. В. Чижев вскоре сумел открыть еженедельную газету «Акционер», являвшуюся приложением к газете «День». С 1864 г. в «Дне» был введен экономический отдел, редактирование которого осуществлял Федор Васильевич. В течение двух лет в этом отделе было опубликовано значительное количество материалов и статей по проблемам промышленности и торговли, финансовой деятельности в русле социально-экономических воззрений славянофилов и прогрессивно настроенных кругов, отстаивавших интересы развития национального предпринимательства. В центре внимания экономического отдела «Дня» оказался, в частности, один из важнейших для предпринимателей вопрос о срочной необходимости пересмотра правительством разорительного

тарифа 1857 г. при участии представителей купечества, промышленников и сельских хозяев. Этот же вопрос остро был поставлен Ф. В. Чижовым в газете «Москва», сменившей в 1867 г. «День» и ставшей на некоторое время ведущим печатным органом протекционистов. Публикации в «Москве» имели значительный общественный резонанс и способствовали принятию уже в 1868 г. нового тарифа, ставшего по своему характеру более покровительственным.

С закрытием «Москвы» осенью 1868 г. Федор Васильевич устранился от активной журналистской деятельности, не найдя в конце 1860–1870-х годов единомышленников ни в петербургских, ни в московских периодических изданиях.

Выдвинутая Ф. В. Чижовым программа торгово-промышленного развития России явилась «разработкой и конкретизацией... славянофильской социально-экономической теории, отстаивавшей необходимость развития производительных сил страны, стесненных путями крепостничества, зависящих от произвола чиновничьей бюрократии, страдающих от хищнического расхитительства иностранцев, наживавшихся на неразвитости экономических представлений русского купечества»¹. Его теоретические воззрения в сфере торгово-промышленного развития России ярко и объемно отражали наиболее насущные потребности складывавшегося корпуса предпринимателей, которые, в свою очередь, видели во взглядах Ф. В. Чижова близкую и понятную им идеологию.

Примечания

¹ Симонова И. А. Социально-экономическая доктрина славянофильства во взглядах и деятельности Ф. В. Чижова. Автореф. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – С. 2.

² Либерман А. А. Краткий биографический очерк Федора Васильевича Чижова. – М., 1905. – С. 10.

³ Там же.

⁴ Ф. В. Чижов был сослан на Украину в 1847 г. после возвращения из поездки в южнославянские земли (входившие в состав Австрийской империи), где он намеревался завербовать корреспондентов для журнала «Русский вестник», издаваемого

при его участии. Поводом к ссылке явилась уверенность жандармов в причастности Федора Васильевича к деятельности тайного «Славянского общества святых Кирилла и Мефодия». В ссылке он находился под секретным наблюдением, без права проживания в Санкт-Петербурге и Москве. В то же время ему было разрешено «продолжать литературные занятия, но с тем, чтобы он свои произведения вместо обыкновенной цензуры представлял на предварительное рассмотрение шефа жандармов». (Русский архив. – № 7. – С. 336).

⁵ Симонова И. А. Указ. соч. – С. 15.

⁶ Либерман А. А. Указ. соч. – С. V.

⁷ Симонова И. А. Указ. соч. – С. 16.

⁸ Либерман А. А. Указ. соч. – С. 31.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – С. 34.

¹¹ Симонова И. А. Указ. соч. – С. 26.

РАЗДЕЛ II

Социальный конфликт как фактор реформирования власти в России

С. И. Потолов

ИЗ ИСТОРИИ МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.: КТО СТОЯЛ ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЙ

О Манифесте 17 октября 1905 г., вынужденной под натиском российской революции уступке самодержавия, существует большая литература. Сам ход подготовки и принятия этого важнейшего политического и юридического документа, положившего начало определенной трансформации, хотя и достаточно запоздалой и весьма ограниченной, царской самодержавной монархии в конституционное государство, с двухпалатным парламентом (законодательными Государственной думой и Государственным советом) и обещанными гражданскими свободами: совести, слова, собраний, союзов, неприкосновенности личности прослежен в опубликованных еще в 1920-е гг. основных документах, воспоминаниях государственных деятелей и чиновников, непосредственных участников работы над Манифестом.

Из исследований и публикаций последнего времени выделяются фундаментальное издание Б. В. Ананьичем и Р. Ш. Ганелиным «Воспоминаний» С. Ю. Витте (в авторской редакции и по материалам Бахметьевского архива в Колумбийском университете США)¹, специальные исследования Р. Ш. Ганелина, А. В. Островского и М. М. Сафонова², в которых подготовка октябрьских 1905 г. документов прослежена едва ли не по часам и минутам, проанализирована роль основных фигурантов, начиная с Николая II и его ближайшего окружения, упорно рвавшегося к власти, стремившегося возглавить реорганизованный Совет Министров С. Ю. Витте и кончая чиновниками, участвовавшими в подготовке и редактировании текстов Манифеста, и совсем экзотическими фигурами, вроде возглавлявшего маловлиятельную петербургскую рабочую организацию, состоявшую в основном из рабочих казенной (находившейся в ведении Министерства финансов) Экспедиции заготовления государственных бумаг М. А. Ушакова.

Но были и совсем теневые, закулисные персонажи, тем не менее игравшие существенную роль в драматических событиях октября 1905 г. Вообще таких деятелей «незримого фронта» всегда хватало в истории и не только в дореволюционной России. Мне

уже как-то пришлось выяснять подлинного автора документа, известного как «Записка С. Ю. Витте о стачках» (1902 г.), – окружного фабричного инспектора Московского округа А. С. Астафьева³. И в данном случае важно знать и понимать, кто стоял за тем же М. А. Ушаковым, кто был истинным кукловодом в большой политической игре.

Как известно, в середине октября 1905 г. борьба в высших эшелонах власти России вокруг конституционных реформ и меры царских уступок в этом важнейшем вопросе достигают своего апогея. Всеобщая политическая стачка, буквально парализовавшая страну, поставила Николая II перед нелегким выбором: или попытаться вооруженным путем подавить революционное движение, или удовлетворить требования широкой общественности учреждения законодательной (а не обещанной в начале 1905 г. законосовещательной, так называемой Булыгинской) Государственной думы, предоставления населению гражданских прав и свобод, реорганизации высших органов государственной власти, в частности Совета Министров. Сил для военного решения кризиса у режима после поражения в русско-японской войне и явственного брожения в войсках попросту в это время уже не было, и даже откровенные консерваторы убеждали царя в необходимости уступок⁴.

Для С. Ю. Витте, только что успешно завершившего в Портсмуте (США) дипломатические переговоры с Японией и заключившего с ней достаточно благоприятный для России мирный договор, это был единственный шанс, чтобы вернуть утраченную в 1903 г. власть и возглавить реорганизованный, наделенный широкими властными полномочиями Совет Министров. Завоевавший небывалую в обществе популярность, он рассматривался даже в ближайшем окружении Николая II как единственно возможный спаситель от революционных потрясений.

Но Николай II, откровенно недолюбливавший Витте, колебался. Совещания у него в Петергофе происходили практически ежедневно. Из своего имения в Тульской губернии был срочно вызван великий князь Николай Николаевич мл. («Николаша», которого в качестве командующего войсками гвардии

и Петербургского военного округа прочили в военные диктаторы – для силового, военного подавления революционного движения). Поэтому для Витте, активно участвовавшего в октябре 1905 г. во всех совещаниях и переговорах у царя и вручившего ему еще 9 октября докладную записку (в основе ее была записка одного из видных деятелей либерального лагеря генерала В. Д. Кузьмина-Караваева) с проектом конституционных реформ, очень было важно, чтобы царь одобрил его предложения и поручил их реализацию реорганизованному Совету Министров во главе с ним самим. Царь, однако, предложил подготовить от его имени Манифест и продолжил свои консультации. Важнейшими из них были с Николаем Николаевичем, поэтому Витте были предприняты все меры для привлечения на свою сторону великого князя, что в конечном счете ему удалось.

С этой целью и был в частности использован М. А. Ушаков, который должен был «просветить» Николая Николаевича как представитель рабочих, которые в революции играли ведущую роль. О его миссии подробно рассказано в обстоятельной и хорошо аргументированной статье А. В. Островского. В ней в частности отмечаются давние связи М. А. Ушакова с С. Ю. Витте, с 1902–1903 гг., т. е. еще в бытность того министром финансов, и совершенно справедливо утверждается, что именно Витте был организатором его встречи с великим князем Николаем Николаевичем после его прибытия в Петербург, вероятно днем 16 октября⁵.

Хорошо осведомленный в придворных интригах видный чиновник МВД (в нем он возглавлял земский отдел) В. И. Гурко в своих воспоминаниях свидетельствует: «...Витте... приходит к убеждению, что для окончательного успеха надо прибегнуть еще к каким-либо мерам, к какому-либо иному способу воздействия на государя. Способ этот им тотчас и изобретается. Состоял он в том, чтобы довести до сведения великого князя Николая Николаевича, который имел в то время у государя большой вес, такие обстоятельства, которые убедили бы его, что единственный способ спасения государя и престола от крушения – немедленное установление конституционного режима. Для этого Витте обращается к старому своему знакомому, с которым свел его еще

Зубатов, а именно к уже однажды упомянутому мною рабочему экспедиции заготовки государственных бумаг Ушакову, деятельному сотруднику Зубатова в деле организации рабочих собраний. Ушаков – малый развитой, толковый, умеющий плавно излагать свои мысли и притом превосходно знающий рабочую среду и имеющий неисчерпаемый запас сведений по настроению рабочих в различных петербургских фабриках и заводах. Вот этого Ушакова Витте вечером 16 октября направляет к великому князю Николаю Николаевичу и через посредство другого своего клеврета, небезызвестного Андронникова, имеющего в свою очередь связи с некоторыми приближенными великого князя, добивается того, что Ушаков принимается Николаем Николаевичем... Наказ Ушакову дан определенный: представить великому князю положение в таком свете, что только немедленное дарование конституции может отвлечь вооруженную революцию, но что зато признание за народом права представительства тотчас остановит рабочее движение»⁶.

План Витте в конечном счете удался. Николай Николаевич при свидании с царем не только отказался от диктаторства, но и пригрозил застрелиться, если не будут приняты предложения Витте. Вряд ли это сыграло решающую роль в окончательном решении Николая II, подписавшего в итоге 17 октября подготовленный Витте текст Манифеста и одновременно одобрявшего его записку от 9 октября. Через два дня С. Ю. Витте был назначен председателем Совета Министров, который предстояло еще сформировать, а также начать осуществление намеченных реформ.

Понимая, что царь припомнит ему, как только революционная волна немного схлынет, все его инициативы и ультиматумы, Витте заказывает участникам работы составление памятных записок, где старается, как позднее и в своих мемуарах, приуменьшить свою роль и инициативы в разработке октябрьских документов. О роли Ушакова он также якобы узнал только в 1907 г., и тогда же Ушаков по его просьбе записал свои воспоминания о встрече с великим князем⁷. Во всех этих документах в качестве посредников при организации этой встречи называются близкий к Николаю Николаевичу (его спутник на охоте) Д. К. Нарышкин

и известный впоследствии авантюрист князь М. М. Андронников. Однако вряд ли они могли подготовить соответствующим образом Ушакова для разговора с великим князем о настроениях и нуждах рабочих. Явно не хватает еще одного связующего звена между С. Ю. Витте и М. А. Ушаковым, человека, которому была бы не понаслышке знакома фабрично-рабочая проблематика и одновременно близкого к Витте.

Таким, несомненно, был ближайший сотрудник С. Ю. Витте еще во время его руководства Министерством финансов – фабричный инспектор и одновременно крупный специалист в области российского и зарубежного фабричного законодательства Владимир Петрович Литвинов-Фалинский. Его, кстати, неоднократно упоминает в связи с М. А. Ушаковым и А. В. Островский в указанной выше статье, не связывая их с октябрьскими событиями.

В. П. Литвинов-Фалинский родился 3 марта 1868 г. и был незаконнорожденным сыном балтской мещанки (Херсонской губ.) Марии Литвиновой. В 1892 г. закончил Петербургский Технологический институт, был управляющим ковровой ткацкой фабрики Дюфо в Петербурге. С декабря 1894 г. преподавал в Технологическом институте. С июля 1895 г. перешел на государственную службу в качестве участкового фабричного инспектора Петербургской губернии. В 1897 г. поступил вольнослушателем на юридический факультет Петербургского университета, мотивируя это тем, что «ни закон, ни правила не могут дать прямых указаний к тому или иному решению многих вопросов, вытекающих из практической деятельности фабричных инспекторов и правильное разрешение этих вопросов обуславливается пониманием духа законов, общего смысла его, т. е. уяснением юридической стороны закона»⁸. С 1900 г. читал в Технологическом институте разработанный им курс фабричного законодательства. Тогда же (в 1900 г.) издал его отдельной книгой⁹. Неоднократно командировался Министерством финансов на различные съезды, выставки, в том числе международные. После участия в 1902 г. в Международном конгрессе по вопросам страхования рабочих в Дюссельдорфе подготовил и издал книгу «Организация и практика страхования рабочих в Германии».

Был автором и ряда других книг по фабрично-заводской тематике.

В качестве эксперта, хорошо знавшего теорию и практику промышленного производства в России и за рубежом, неоднократно привлекался к участию в ведомственных совещаниях Министерства финансов. Когда начались зубатовские эксперименты с рабочими организациями, подконтрольными полиции, Министерство финансов, осуждая вмешательство полицейского ведомства во взаимоотношения рабочих с предпринимателями, одновременно пыталось организовать собственные подконтрольные ему организации на подведомственных предприятиях. На это, кстати, обратил внимание и сам отец «полицейского социализма» С. В. Зубатов, который писал 28 апреля 1903 г. из Петербурга, где он в это время возглавлял Особый отдел Департамента полиции, одному из руководителей прозубатовской «Независимой рабочей партии» Г. Шаевичу: «Должен Вам сказать, что здесь пошла конкуренция в легализации со стороны Министерства финансов; Ланговой (Упр. отд. промышл.), Литвинов-Фалинский (фабр. инсп.) и Чижов (старш. фабр. инсп.) заводят своих рабочих, дают им собрания, приглашают их в комиссии наравне с хозяевами и т. п., стараясь вырвать массу у нас. Глупцы – не все ли нам равно? Мы личностями не занимаемся»¹⁰.

Вот тогда же, в 1902–1903 гг. установились тесные контакты В. П. Литвинова-Фалинского с М. А. Ушаковым, пытавшимся организовать «Общество рабочих, занятых в механическом производстве» при содействии чинов фабричной инспекции. Эти тесные связи с Ушаковым продолжались и после отставки (в 1903 г.) С. Ю. Витте с поста министра финансов, и так пригодились в октябре 1905 г. По всей вероятности, именно Литвинов-Фалинский готовил М. А. Ушакова к встрече с великим князем Николаем Николаевичем.

С. Ю. Витте не забыл своего сотрудника и негласного помощника. Вскоре после своего назначения председателем Совета Министров он в ноябре–декабре привлек Литвинова-Фалинского к разработке правовых документов на правительственных совещаниях и заседаниях Совета Министров. По заказу С. Ю. Витте, готовившего свои «Воспоминания»

и старавшегося задним числом оправдать свою активную позицию в период премьерства, В. П. Литвинов-Фалинский подготовил для своего патрона объемистую записку о своем участии в качестве эксперта (еще как фабричный инспектор) в заседаниях Совета Министров в ноябре–декабре 1905 г. по реализации основных положений Манифеста 1905 г. В благодарность за помощь С. Ю. Витте 10 декабря 1905 г. поставил В. П. Литвинова-Фалинского во главе Отдела промышленности вновь созданного Министерства торговли и промышленности, что соответствовало IV классу по табели о рангах (действительному статскому советнику), тогда как у Литвинова-Фалинского был (с 1904 г.) чин VII класса – надворного советника. В этой должности ему предстояло реформировать устаревшее фабрично-заводское и трудовое законодательство, чем В. П. Литвинов-Фалинский с переменным успехом и занимался вплоть до своей отставки в марте 1915 г., активно участвуя в различных межведомственных совещаниях. Главное его достижение этого периода – страховые законы, принятые в конце работы III Государственной думы в 1912 г.¹¹ После революции 1917 г. – в эмиграции. Скончался в Лондоне в 1929 г.

Таков эпилог почти детективной истории, разыгравшейся в октябре 1905 г., в самый разгар первой русской революции.

Примечания

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. – СПб., 2003. – Т. 1–2.

² Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. – СПб., 1991; См. также: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – СПб., 1999; Островский А. В. и Сафонов М. М. Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. XII. – Л., 1981. – С. 168–189.

³ Потолов С. И. Самодержавие и законодательство о стачках на рубеже XIX–XX вв. (Из истории разработки основных норм трудового права) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. – СПб., 1999. – С. 276–284.

⁴ См.: Первая революция в России. Взгляд через столетие. – М., 2005. – Гл. 5.

⁵ Островский А. В. С. Ю. Витте, М. А. Ушаков. К истории Манифеста 17 октября 1905 г. // Проблемы социально-экономической истории России XIX–XX веков. – СПб., 1999. – С. 364–374.

⁶ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М., 2000. – С. 466.

⁷ Невский В. К истории Манифеста 17 октября // Красный архив. Том четвертый. – М., 1923. – С. 411–417.

⁸ Формулярный список о службе В. П. Литвинова-Фалинского // РГИА. – Ф. 20. – Оп. 2. – Д. 1120. – Л. 44.

⁹ Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. – СПб., 1900.

¹⁰ Цит. по: Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. – Львов, 1964. – С. 145.

¹¹ См. его формулярный список.

А. В. Новиков

ВЛАСТЬ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Поставленная проблема не нова для исторической науки. В исследованиях И. И. Шельмагина, А. Ф. Вовчика, В. Я. Лаверычева рассмотрены различные аспекты государственной политики, законодательства, использования судебно-административных и силовых структур в пресечении рабочих выступлений накануне и в период первой российской революции¹. Серьезные попытки проследить взаимодействие власти и предпринимателей в разработке и реализации рабочей политики осуществлены современными исследователями². Однако многоаспектность поставленной проблемы, необходимость анализа действий власти и предпринимателей в урегулировании трудовых конфликтов и оценки эффективности принимаемых ими мер побуждает нас к анализу данного круга вопросов.

© Новиков А. В., 2005

Под общим определением власти и предпринимателей действовало множество разнородных сил и агентов. Это центральная власть, олицетворенная министерствами финансов, с момента создания 27 октября 1905 г. – торговли и промышленности и министерством внутренних дел. Как удалось показать советским исследователям, порой их позиции в осуществлении рабочей политики существенно расходились, находя противоречивое преломление в законодательстве, действиях фабричной инспекции и полиции. Фабричная инспекция, призванная по своим функциям к урегулированию трудовых конфликтов между рабочими и предпринимателями, несмотря на ограниченность штатов и средств немало способствовала мирному урегулированию стачек. Весьма сложной и неоднозначной представляется позиция предпринимателей. Их отношение к протестным выступлениям рабочих зависело от их личных политических взглядов, остроты революционного движения, стремления ряда крупных российских предпринимателей вести собственную политическую игру, используя в ней рабочие выступления. Местная власть в лице губернаторов и полиции, находясь в гуще событий, лихорадочно пыталась восстановить контроль над ситуацией, часто меняя свои позиции и методы.

К началу первой российской революции в стране имелась законодательная база, на основе которой велась борьба с рабочими выступлениями и преследовались участники забастовок. Законодательные нормы, включенные в «Уложение о наказаниях» в 1885 г. были довольно жесткими, предусматривали заключение в тюрьму рядовых участников стачки на срок от 2 до 4-х месяцев, усиливали ответственность за участие в «повреждении или уничтожении» имущества фабрики и фабричных служащих, принуждение к прекращению работ других рабочих и руководство или «подстрекательство» к стачке³. Циркуляром министра внутренних дел Горемыкина 12 августа 1897 г. предлагалось требовать от забастовавших рабочих в кратчайший срок приступить к работе или получить расчет. Предписывалось иногородних рабочих, прекративших работы и не приступивших к ним или не получивших расчет, высылать на родину или по месту прописки⁴.

Как показывает анализ рабочих выступлений в 1895–1905 гг. на примере Костромской губернии, предусмотренные циркуляром меры применялись не слишком активно. В ходе 50 стачек и 13 волнений, прошедших в губернии в 1895–1904 гг., общий расчет бастующих осуществлялся в 13 случаях, увольнение части стачечников – в 4 случаях, высылка стачечников на родину – лишь однажды (всего в 28 % выступлений). В январе–апреле 1905 г. в ходе 8 стачек и 5 волнений в одном из выступлений применен общий расчет, в 2 случаях – увольнения наиболее активных зачинщиков (23 % выступлений). В конце апреля–сентябре 1905 года на 64 стачки и 13 волнения пришлось 5 случаев общего расчета бастующих, в 2 выступлениях владельцы прибегли к угрозе расчета и лишь однократно увольняли зачинщиков (10 % выступлений). С октября по декабрь 1905 г. в губернии произошло 47 стачек и 9 волнений. Расчет всех бастующих применялся в 17 случаях, угроза расчета – в 5, и лишь однократно увольнялись зачинщики. Однако следует иметь в виду, что в 16 выступлениях увольнялись работники почтово-телеграфных контор, принявших участие во всероссийской забастовке почтово-телеграфных служащих. За весь 1905 г. в Костромской губернии высылка уволенных на родину не применялась ни разу⁵. В селе Кохме Владимирской губернии на фабрике Товарищества мануфактур В. Е. и А. Ясюнинских, в ходе стачки 17–28 января 1905 г. владельцы грозили рабочим расчетом и высылкой паспортов в волостные правления⁶. Следующий случай массовых увольнений и передачи паспортов уволенных рабочих в полицию связан с общегородской иваново-вознесенской стачкой. Однако эта мера не имела никаких последствий. 20 августа 1905 г. полиция у ворот фабрик возвращала паспорта всем желавшим вернуться на работу⁷.

Таким образом, существовавшие в дореволюционный период законодательные нормы были действительны лишь в отношении локальных стачек. В отношении массовых выступлений их применение становилось неэффективным. Полиция не могла справиться с массовыми высылками на родину бастующих рабочих. В ряде случаев это было бессмысленно, так как в ходе длительных забастовок рабочие, имевшие на родине семью или родителей, сами уходили в деревню, и тогда перед предпринимателем возникала

обратная проблема – обеспечения предприятия рабочей силой. Жесткие, но негибкие законы и циркуляры репрессивного свойства в ходе революции оказались бессмысленны. Не случайно 15 апреля 1905 г. циркуляр министра внутренних дел от 12 августа 1897 г. был отменен⁸.

Массовые и продолжительные стачки, сопровождаемые «снятием» с работ не желавших бастовать рабочих, разнообразие требований бастующих, заставили активизировать законодательный процесс в рабочем вопросе. На заседаниях Комитета министров 28 и 31 января 1905 г. признана необходимость отмены карательных санкций в отношении участников экономических стачек. Комиссия министра финансов В. Н. Коковцова в числе прочих рассматривала вопрос «об отмене карательных статей против стачечников»⁹. Сенат в заседаниях 24 июня и 27 октября 1905 г. обсудил ряд вопросов, возникших в связи с забастовками. В частности, рассматривались вопросы о вознаграждении рабочих за дни забастовки, если работы были прекращены по распоряжению администрации, во избежание насильственных действий забастовщиков, о возможности увольнения рабочих, оставивших работы вынужденно, под давлением бастующих, о возмещении убытков предпринимателю за счет рабочих, не имевших возможности выйти на работы по принуждению. Было принято решение, что рабочие не вправе требовать зарплату за прогульные дни во время забастовки, даже если они не желали в ней участвовать, такие рабочие не подлежат увольнению или другим взысканиям за время стачки¹⁰. Эти решения составили важный шаг вперед в легализации стачки, фактически освобождая от ответственности ее рядовых участников. Указом 2 декабря 1905 г. участники стачек освобождались от ответственности, за исключением забастовок на предприятиях, «имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных». Бастующие лишались зарплаты за все время прекращения работ¹¹. Согласно данному указу, «уголовная кара устанавливается не за забастовку, как таковую, а лишь за возбуждение к ней рабочих, за умышленное повреждение бастующими принадлежащего предприятию имущества, за принуждение к прекращению работ других рабочих

и за участие в сообществе, направившем свою деятельность к устройству стачки»¹². Данный указ стал ведущей правовой нормой, регулировавшей отношение властей к стачкам вплоть до 1913 г., когда ввиду нового усиления забастовочного движения Совет Министров образовал «межведомственное совещание по вопросу о забастовках рабочих».

Контроль за реализацией фабрично-заводского законодательства, как и урегулирование возникавших трудовых конфликтов, лежало на плечах фабричной инспекции. Немногочисленный штат инспекции и обилие обязанностей инспекторов заставляло их значительную часть времени проводить в разъездах по предприятиям. Даже в относительно спокойные предреволюционные годы, по отчету фабричного инспектора 4-го участка Тверской губернии, он за год проезжал по железной дороге, на пароходах и лошадях порядка 9–10 тысяч верст пути, посетив в 1903 г. промышленные заведения участка 423 раза, в 1904 г. – 346 раз¹³. Многократно посещая фабрики, инспектор останавливался в помещениях, предоставляемых ему фабрикантами, тем самым вступая в зависимое от предпринимателей положение. Такая зависимость негативно сказывалась на авторитете и возможностях инспекции. По итогам революционных лет, старший фабричный инспектор Костромской губернии в отчете за 1907 г. писал: «Для укрепления доверия рабочих к фабричному инспектору необходимо ему, инспектору, сохраняя хорошие отношения с владельцами фабрик и заводов, держаться возможно дальше от близости с домами хозяев фабрик, для сего положительно необходимо, чтобы по крайней мере на фабриках и заводах с 300 рабочими и более непременно имели не в хозяйском доме, а по-возможности на фабричном дворе отдельную комнату для поселения фабричного инспектора при его посещениях»¹⁴.

В годы революции нагрузка на фабричных инспекторов многократно возросла, требуя дополнительных расходов на разъезды и ведение документации. В связи с ростом документооборота, вызванного массовыми забастовками, старший фабричный инспектор Владимирской губернии неоднократно направлял в 1905 г. в отдел промышленности министерства финансов просьбы возместить ему суммы,

израсходованные на отправку телеграмм и личные разъезды¹⁵. Государственный аппарат оказался не готов финансово обеспечить работу своих агентов на местах в условиях революции: «Отдел промышленности уведомляет Вас, что в настоящее время не представляется возможным удовлетворить Ваше ходатайство о дополнительном ассигновании Вам сумм на разъезды ввиду ограниченности имеющихся в распоряжении Отдела средств»¹⁶.

При посещении предприятий фабричные инспектора сталкивались с фактами самоорганизации рабочих в ходе подачи ими жалоб, петиций и проведения стачек, фиксируя их в своих отчетах. Так, старший фабричный инспектор Костромской губернии И. Н. Горбунов с восхищением описывал собрание 15 000 бастующих рабочих Кинешемского уезда 31 мая 1905 г., на котором инспектор разъяснял рабочим «незаконность их домогательств»: «В первую беседу, днём, ввиду отсутствия возвышенного места, кто-то из рабочих scomандовал «садись» и вся толпа, кроме представителей от рабочих и инспекторов, села. Беседа проходила спокойно. Это поразило фабрикантов, наблюдавших в подзорные трубы с фабричных вышек»¹⁷. Подобные факты укрепляли убежденность ряда фабричных инспекторов в необходимости и полезности рабочей организации. И. Н. Горбунов убеждает департамент торговли и промышленности министерства финансов в своих отчетах: «... Именно в организациях рабочих следует искать разрешения проблемы о возможно спокойном разрешении конфликтов между трудом и капиталом. Опыт указывает, что они умеют из своей среды выбрать дельных людей, но лишь при условии обеспечения им известного простора и спокойствия, что они способны дисциплинироваться и подчиняться решению выборных, но именно там, где свобода выбора обеспечена»¹⁸. В январе 1906 г. Горбунов пытался эту же мысль донести новому Костромскому губернатору, генерал-майору А. Н. Вагаци¹⁹.

Идея о пользе рабочей организации не была чужда старшему фабричному инспектору Владимирской губернии В. Ф. Свирскому. Так, приглашенный бастующими рабочими Иваново-Вознесенска на митинг на р. Талке 25 мая 1905 г., он убеждал их дожидаться, «когда во исполнение Высочайшего повеления 12 декабря 1904 г. им будут даны законные

организации, которые законным путем дадут им отстаивать свои экономические интересы»²⁰. Закономерным следствием таких взглядов стала роль, сыгранная инспекцией в возникновении Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске в ходе общегородской стачки 1905 г.

Как видно из донесения Свирского, 14 мая 1905 г. иваново-вознесенские рабочие предложили фабрикантам переговоры на площади с депутацией от всех рабочих города в присутствии последних. Фабриканты подобную форму переговоров отклонили²¹. По сообщению корреспондента «Русского слова», 13 мая 1905 г. на собрании рабочих на Торговой площади города, перед зданием городского управления Свирский просил рабочих выбрать из своей среды по несколько депутатов от каждой фабрики²². Первое собрание депутатов иваново-вознесенских фабрик и заводов в мещанской управе 15 мая 1905 г. проводил старший фабричный инспектор Свирский и два фабричных инспектора г. Иваново-Вознесенска. По предложению старшего фабричного инспектора собравшимися были избраны председатель депутатов и секретарь собрания, после чего инспектор уступил председателю свое место. Депутаты постановили передать свои требования фабрикантам через старшего фабричного инспектора²³.

Фабричные инспектора, пытаясь разрешить конфликты рабочих с предпринимателями путем переговоров и частичного удовлетворения требований рабочих, неоднократно выступали против неоправданного применения войск и казаков. После забастовки на бумаготкацкой фабрике братьев Случаевых во Владимирской губернии 4–8 марта 1905 г., фабричным инспектором была проведена ревизия положения дел на предприятии, отмечен перечень ущемлений прав рабочих фабрикантами и указаны необходимые изменения. «После того, как кончилась забастовка, я стал разбираться в жалобах и претензиях и вообще, старался сделать для рабочих всё, что было в моей власти», – отмечал в своем донесении фабричный инспектор²⁴. Переговоры с фабрикантами проходили так же тяжело, как и с рабочими. «Фабриканты малоуступчивы, – сообщал 27 октября 1905 г. фабричный инспектор 10-го участка Владимирской губернии, – они

не хотят понять, что у рабочих появились новые, более культурные запросы к жизни и условиям работы»²⁵.

Старший фабричный инспектор Костромской области отмечал в донесении от 4 ноября 1905 г., что решил «оберегать рабочих и вообще, кого придется от ошибок, связанных с иллюзиями о пользе вмешательства войск, казаков и полиции». В ходе октябрьских стачек на фабриках Товарищества Разоренова и Кокорева и Т-ва Д. Морокина, И. Тихомирова и К^е ему пришлось «успокаивать не только рабочих, но и фабрикантов и полицию, уповавших на казаков». 24 октября, узнав частным образом о просьбе фабриканта Горбунова выслать казаков, старший инспектор И. Н. Горбунов убедил фабриканта отказаться от казаков и покрыть торговцам убытки от продажи хлеба по сниженным ценам (хлеб вздорожал из-за железнодорожной забастовки, что и вызвало волнение рабочих)²⁶. Старший фабричный инспектор Владимирской губернии, прибыв в Иваново-Вознесенск 13 мая 1905 г., «употребил все усилия, чтобы удержать местного полицмейстера – большого любителя применения казачьих нагаек, от неосмотрительных действий, на которые он, по усвоенной привычке, ежеминутно порывался»²⁷. Фабричный инспектор 8-го участка Владимирской губернии в донесении 29 ноября 1905 г. отмечал обострение отношений между рабочими и казаками и советовал удалить казачьи части из г. Орехово и с. Никольского, где бастовали морозовские фабрики. Пренебрежение фабрикантов и властей к советам инспектора 30 ноября повлекло погром рабочих казарм казаками с многочисленными жертвами²⁸.

Фабричная инспекция пользовалась уважением рабочей массы. Рабочим было далеко не безразлично, что к ним на собрания и митинги выходит инспектора, ведут переговоры, разъясняют законность их действий и требований. 25 мая 1905 г. В. Ф. Свицкий был приглашен бастующими рабочими на митинг на р. Талке. Рабочие пытались выяснить законность увольнения бастующих с фабрик и применения к ним репрессивных мер. «Принят я был толпой приветливо», – отмечал инспектор. Когда разъяснения были даны, толпа провожала инспектора поклонами и возгласами благодарности²⁹. Во время коллективной стачки

рабочих кинешемского уезда, после обсуждения требований на собрании с фабричным инспектором 31 мая 1905 г., рабочие Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с Сыном явились к А. И. Коновалову с извинениями. Подобно этому, рабочие Долматовской мануфактуры Кинешемского уезда, пытавшиеся организовать в ноябре собственный профсоюз, получив разъяснения участкового фабричного инспектора А. К. Клепикова о незаконности их действий, просили извинения у фабричной администрации³⁰.

Соотнося ограниченные штаты, материальные и административные возможности фабричной инспекции с результатами их посреднической деятельности в урегулировании трудовых конфликтов, можно признать эту деятельность весьма успешной.

Ведущей стороной в трудовых конфликтах периода первой российской революции выступали предприниматели. Их позиции в революционных событиях отличаются разнообразием, от этого зависела и их тактика в противостоянии революционным рабочим.

Большинство предпринимателей реагировали на забастовки частичными уступками, хотя масштаб уступок был разным и далеко не всегда удовлетворял бастующих. Чаще широких уступок добивались участники одиночных стачек на крупных предприятиях. Результаты коллективных общегородских стачек были незначительны. Такие стачки влекли за собой острое затяжное противостояние, неуступчивость сторон, кровавые эксцессы, в конечном итоге истощение бастующих и длительное закрытие ряда предприятий.

Ряд фабрикантов, проявляя неуступчивость, пытались придерживаться формальных, «законных» методов борьбы с забастовщиками. Ярким примером является реакция на забастовки костромского фабриканта Моргонова – директора фабрик Бельгийского Анонимного общества Гратри, Жерар и Михиной. В трехдневный срок после начала стачек на предприятии договор найма объявлялся расторгнутым, производился расчет рабочих с выдачей паспортов. В период забастовки никакие требования, просьбы, заявления рабочих не рассматривались, возобновление работ производилось только на

прежних условиях. Оплата за дни забастовки не производилась. В случае частичной забастовки вынужденно простаивавшим без материалов отделам фабрики оплата также не производилась, тем самым фабрикант пытался возбудить недовольство желающих работать против стачечников. Уступки, на которые шёл Моргонов в ходе переговоров, были крайне незначительны, причем он часто ссылаясь на неконкурентоспособность российской промышленности на мировом рынке, сравнивая производительность труда русских и европейских рабочих³¹. Подобной неуступчивостью отличились иваново-вознесенские фабриканты в ходе общегородской стачки мая–июля 1905 г. 25 мая на всех ивановских фабриках вывесили объявления о расчете, причем было объявлено, в соответствии с циркуляром МВД 12 августа 1897 г., о том, что не явившимся за расчетом их деньги и паспорта будут отосланы на родину через полицию. К этому моменту данный циркуляр утратил силу, но, как объяснял старший фабричный инспектор Владимирской губернии, «последняя забастовка почти всех фабрик Иваново-Вознесенска была в 1897/1898 гг. Тогда действовал циркуляр В. Д. Горемыкина, предприсылавший аресты, ссылки, отсылку паспортов и денег на родину. То есть восстановлением работы занималась полиция, фабричная администрация, фабричная инспекция. Фабриканты совершенно устранили себя от всякого участия в урегулировании конфликта»³². Подобным образом ивановские фабриканты устранились от решения конфликта со своими рабочими, переложив всю ответственность на местную власть, затянув и обострив начавшуюся вполне мирно стачку. Репрессивные меры фабрикантов включали выселение рабочих из фабричных казарм и спален, закрытие столовых, другие подобные меры. На фабрике Викулы Морозова в м. Никольском Владимирской губернии после стачки 21–22 января 1905 г. по распоряжению мастера Горева произведена частная перепись бастовавших, с тем чтобы отсеивать неблагонадежных при новом найме³³.

В отношении ряда фабрикантов полицейские чины и фабричные инспектора неоднократно высказывали подозрения в намеренном затягивании стачек, их использовании в своих интересах. Помощник начальника ГЖУ в Шуйском уезде, ротмистр Шлегель 2 июня объяснял продолжительность иваново-

вознесенской стачки тем, что «фабриканты... от начала таковой кормили рабочих на своих фабриках улучшенной пищей... а в настоящее время дают заимообразно деньги под отработок в будущем». В новом донесении от 14 июня он повторяет свои обвинения в адрес фабрикантов³⁴. Если подозрения Шлегеля могут быть оспорены, то в отношении владельцев фабрики Товарищества мануфактур А. Каретниковой с С-ми источники не оставляют сомнений. В апреле 1905 г. при утверждении расценок на работы на летний сезон, на утверждение инспекции было представлено понижение расценок на этой фабрике на 12 % и отмена 5 % надбавки к зарплате.³⁵ Стачка 19 мая – 7 июня 1905 г. на данном предприятии была вызвана тем, что с Пасхи для всех рабочих, кроме банкаброшниц и ватерщиц, была снята 5 % надбавка к зарплате. Неравенство условий оплаты спровоцировало забастовку шпульниц и остановку всего предприятия. В ходе стачки, 28 мая было вывешено объявление о возобновлении работ, причем доверенный правления Прокофьев сообщил, что, если до 1 июня работы не начнутся, фабрика будет закрыта. Однако рабочие о данном условии извещены не были. Фабричный инспектор 11-го участка Владимирской губернии отмечал в своем донесении: «Неуказание в объявлении рабочим на последствия неявки их на работы в течение 3-х дней т. о. является со стороны Правления умышленным и это подтверждает то, что Арно и Прове³⁶ в частном со мной разговоре заявили “самый нежелательный исход для нас – согласие рабочих возобновить работы”»³⁷. В октябре 1905 г., когда рабочие предприятия предъявили требование выплаты квартирных денег, правление требование отклонило, директора К. К. Арно и Р. И. Прове пригрозили выйти из правления, что означало бы для обремененного долгами предприятия полное банкротство³⁸. Таким образом, неравное понижение расценок и неуступчивость владельцев намеренно провоцировали остановку предприятия, оказавшегося в долговой яме. Помощник начальника Владимирского ГЖУ в Шуйском уезде еще 28 февраля 1905 г. предсказывал, что ввиду фабричного кризиса и отсутствия сбыта товаров фабриканты не преминут воспользоваться глухим ропотом рабочих «в целях прекращения работ весною»³⁹.

В ряде случаев стачечные выступления использовались служащими или дирекцией предприятий в карьерных целях. 10 сентября 1905 г. механик фабрики И. А. Треумова, не посоветовавшись ни с директором, ни с хозяином, назначил прибавку к зарплате слесарям фабрики, что вызвало требования прядильщиков об увеличении зарплаты⁴⁰. В ходе железнодорожных стачек в переписке Владимирского губернатора и Управления Московско-Курско-Нижегородской железной дороги вскрывается служебная интрига между старшим ревизором движения Любимовым и ревизором движения VIII участка Москаленко, в результате которой Владимирский губернатор назначает в разгар декабрьской стачки 11 декабря Москаленко временно исполняющим обязанности начальника службы движения, сделав соответствующие представления в министерства внутренних дел и путей сообщения⁴¹. 24 ноября 1905 г. на Прохоровской фабрике «Тоболка» в Тверской губернии рабочими был силой удален с фабрики ряд лиц фабричной администрации, в том числе директор фабрики М. Г. Ахумов. Оставляя фабрику, Ахумов назначил временно исполняющим обязанности директора С. А. Горожанского, утвержденного на этой должности правлением компании. Спустя полгода в донесении Вышневолоцкого уездного исправника Тверскому губернатору от 12 мая 1906 г. отразились свидетельства рабочих, что Горожанский во время расправы рабочих с Ахумовым находился в толпе рабочих и провоцировал их обещаниями пойти на уступки, если он станет директором. Факты заигрывания нового директора перед лидерами забастовщиков отмечал и участковый фабричный инспектор Ф. И. Котляров. Таким образом, изобличается использование Горожанским рабочего протеста для получения должности директора фабрики⁴².

Фабриканты и дирекция предприятий могли спровоцировать стачки рабочих, преследуя свои коммерческие цели. Рабочие стекольного завода Л. Я. Зацепина во Владимирской губернии подали в фабричную инспекцию прошение о разрешении владельцу открыть фабричную лавку. Старший фабричный инспектор указывал, что лавка нужна не рабочим, а Зацепину, так как продукцию завода он не может продать за наличные деньги

и меняет на продукты, которые выдает рабочим вместо зарплаты. Чтобы легализовать такую форму расчетов, нарушавшую п. 3 ст. 155 Устава промышленности и ст. 1359 Уложения о наказаниях, Зацепин и нуждался в фабричной лавке, рассчитывая, что в условиях массового рабочего движения инспекция не посмеет отказать рабочим⁴³. Рабочие фабрики наследников И. А. Треумова, требуя 6 февраля удаления заведующего фабрикой Глухова, отмечали, что «не мало тратится время мастерами на изделия всевозможных вещей домашнего производства для заведующего и его служащих и куда девается такая уйма, трудно определить. Мастерской часто бывает крайне нужен для ремонта машинных частей, но занят работой для заведующего и его приспех, а машины ждут и часто остаются неисправленными»⁴⁴.

Нельзя не упомянуть революционно настроенных предпринимателей, фабричных и железнодорожных служащих, подогревавших настроения на производстве. Владимирский вице-губернатор в отчете губернатору о ходе январской стачки в Иваново-Вознесенске и с. Кохме 27 января сожалел о недостаточной осведомленности жандармерии и выражал сомнение в благонадежности директора кохомской фабрики Товарищества мануфактур В. Е. и А. Ясюнинских Быкова: «Странно, что директор Быков не знал ничего о многочисленных сходках; является мысль – не был ли он отчасти попустителем... Быков, по словам полиции и владельцев, человек весьма передовых убеждений»⁴⁵. Владелец литейного завода в г. Муроме инженер-механик П. Ф. Валенков изобличается жандармерией как «весьма осторожный и конспиративный социалист-революционер». Один из фабрикантов села Вачи Муромского уезда Н. В. Кондратьев уездным исправником характеризуется как один из агитаторов⁴⁶. В декабре 1905 г. в г. Александрове стачку на фабриках С. Н. Баранова, Асафа Баранова, Торговых домов И. А. Ганшина и И. Ф. Беляева возглавил фабрикант С. Н. Баранов, активно участвовавший в проведении митингов в поддержку положений Манифеста 17 октября и политики С. Ю. Витте. Протестное движение в Александрове (так называемая Александровская республика) после ареста 10 декабря С. Н. Баранова пошло на спад⁴⁷.

Конечно, радикальные настроения среди предпринимателей были скорее редкостью, но многие из них разделяли либеральные идеи, вольно или невольно внедряя в сознание бастующих рабочих необходимость законодательной разработки рабочего вопроса. Анализируя требования рабочих и ответы на них предпринимателей, часто приходится встречать такие их замечания: «этот пункт относится к вопросу государственного страхования, разрабатываемого в законодательном порядке»; «вопрос о продолжительности рабочего дня решается законодательным путем»; «вопрос о причислении рабочих к общему правилу фабричной инспекции может быть решен лишь законодательным путем» и т. д.⁴⁸ Не желая частным порядком регулировать продолжительность рабочего дня или обеспечения пострадавших от несчастных случаев, предприниматели перекладывали на власть ответственность за свои взаимоотношения с рабочими, способствуя тем самым политизации рабочего движения.

Сталкиваясь с забастовками на собственных предприятиях, основная масса фабрикантов находилась в плену иллюзий о возможности добиться успокоения рабочих вызовом полиции, войск и казаков. Вопрос об эффективности их использования требует специального исследования, однако можно лишь отметить значительные масштабы применения силовых мер в ходе революции, повлекших значительные жертвы и дополнительный фактор раздражения рабочих. Другая иллюзия – о пользе депутатов от бастующих рабочих для урегулирования производственного конфликта. Именно фабриканты Иваново-Вознесенска предложили рабочим предъявить требования через депутатов по каждой фабрике отдельно⁴⁹. Обе указанные иллюзии ярко проявились в действиях управляющего гусевскими фабриками Дубасова. 11 июня 1905 г. он организовал собрание фабричных рабочих и выборы депутатов, с которыми он мог бы говорить о всяких нуждах и которые «водворили бы порядок на Гусю и содействовали бы полиции». Однако рабочие со своими депутатами возбудили столь широкий круг вопросов о своих нуждах, что «управляющий, придя в сильное раздражение от разноречивых объяснений рабочих и сказав, что для них нужно вызвать сотню казаков и роту солдат, уехал от народа»⁵⁰.

Отъезд от бастующих рабочих, попытка уйти от решения проблемы, переложив ее на местную власть, полицию и войска, – ещё одна характерная черта действий предпринимателей в условиях массового рабочего движения. «Чрезвычайно было бы полезно, если бы гг. фабриканты нашли возможным прибыть в Иваново, ибо их отсутствие затрудняет переговоры и поддерживает настоящее неустойчивое и неопределенное положение». «По словам рабочих фабрики Викула Морозова, они совершенно лишены возможности обращаться с просьбами о своих нуждах, так как хозяева фабрики живут в Москве и очень редко посещают её»⁵¹.

Представленный материал показывает отсутствие четко выработанной позиции и эффективных методов урегулирования производственных конфликтов в дореволюционной России, вылившихся в волну стачек и волнений, заставивших правительство, хотя и медленно, искать пути решения рабочего вопроса и совершенствования фабрично-заводского законодательства. Оценивая применяемые властью и предпринимателями меры урегулирования стачек, сегодня неоправданно было бы говорить только о репрессивной направленности этой политики. Существовал достаточно плодотворный опыт деятельности весьма ограниченной в своих возможностях фабричной инспекции. В состоянии поиска эффективных путей урегулирования конфликтов со своими рабочими находились предприниматели. Однако эти конфликты они решали не в изолированной среде, а в условиях определенной, не очень благоприятной экономической конъюнктуры, консервативного политического режима и массового революционного движения. В такой обстановке предприниматели не только добивались успокоения своих бастующих рабочих, но и пытались использовать их выступления в своих коммерческих или политических целях.

Примечания

¹ Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917 гг. – М., 1952; Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период

(1895–1904 гг.). – Львов, 1964; Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России 1861–1917 гг. – М., 1972.

² Куприянова Л. В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX– начале XX в. // История предпринимательства в России. – М., 1999. – Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века.

³ Вовчик А. Ф. Указ. соч. – С. 252–253.

⁴ Там же. – С. 56.

⁵ Все подсчеты выполнены нами. См.: Новиков А. В. Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 гг.: Хроника. Вып. 1. 1895–1905 гг. – Кострома, 2003.

⁶ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1451. – Л. 4–5; Ф. 266. – Оп. 5. – Д. 2401. – Л. 2–15, 24–24об, 69об–70.

⁷ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2353. – Л. 171–172.

⁸ Лаверычев В. Я. Указ. соч. – С. 178.

⁹ Шелымагин И. И. Указ. соч. – С. 169, 165.

¹⁰ ГАЯО. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 21567. – Л. 1–6об.

¹¹ См.: ГАРФ. – Ф. 102. 2-е делопроизводство, 1905 г. – Оп. 62. – Д. 78. – Л. 4; ПСЗ Российской империи. Изд. 1908 г. – Т. XXV. – № 26987; Шелымагин И. И. Указ. соч. – С. 171; Лаверычев В. Я. Указ. соч. – С. 178.

¹² РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 532. – Д. 616. – Л. 22.

¹³ См.: ГАТО. – Ф. 945. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 27об, 39об.

¹⁴ ГАНИКО. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 93об–94.

¹⁵ См.: ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2354. – Л. 5, 19, 27, 30.

¹⁶ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2354. – Л. 6.

¹⁷ РГИА. – Ф. 23. – Оп. 30. – Д. 53. – Л. 321–321об.

¹⁸ РГИА. – Ф. 23. – Оп. 30. – Д. 53. – Л. 321об.–322.

¹⁹ ГАНИКО. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 102.

²⁰ РГИА. – Ф. 23. – Оп. 30. – Д. 4. – Л. 54–54об.

²¹ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1453. – Л. 68; Д. 1463. – Л. 71.

²² Русское слово. – 1905. – 17 мая.

²³ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1463. – Л. 86–86об.

²⁴ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2380. – Л. 9–9об; 14об.

²⁵ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2404. – Л. 3об–4.

²⁶ РГИА. – Ф. 23. – Оп. 30. – Д. 53. – Л. 351, 352об.; Новиков А. В. Указ. соч. – С. 79, 82.

- ²⁷ РГИА. – Ф. 23. – Оп. 30. – Д. 4. – Л. 55об.
- ²⁸ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2379. – Л. 111–112; Д. 2395. – Л. 59–60.
- ²⁹ РГИА. – Ф. 23. – Оп. 30. – Д. 4. – Л. 53об, 55.
- ³⁰ См.: Новиков А. В. Указ. соч. – С. 52, 57, 106.
- ³¹ ГАНИКО. – Ф. 383. – Оп. 1. – Д. 5; Новиков А. В. Указ. соч. – С. 67, 93–95, 108.
- ³² РГИА. – Ф. 23. – Оп. 30. – Д. 4. – Л. 55об; ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2353. – Л. 10–27.
- ³³ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2353. – Л. 96; Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1451. – Л. 213об.
- ³⁴ ГАРФ. – Ф. 102. – ОО. – Оп. 233. 1905 г., I отдел. – Д. 4, ч. 40. – Л. 140а, 171.
- ³⁵ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1499. – Л. 2.
- ³⁶ Арно и Прове – директора правления фабрики.
- ³⁷ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2422. – Л. 15–15об, 19–20 об.
- ³⁸ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1496. – Л. 69–70.
- ³⁹ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1451. – Л. 334.
- ⁴⁰ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2356. – Л. 53.
- ⁴¹ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1471. – Л. 220, 224–225, 419–419об.
- ⁴² ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 19666. – Л. 240–241об; Ф. 613. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 54–58.
- ⁴³ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2356. – Л. 19–19об.
- ⁴⁴ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2394. – Л. 7–9.
- ⁴⁵ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1451. – Л. 209.
- ⁴⁶ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1481. – Л. 3–5.
- ⁴⁷ РГИА. – Ф. 23. – Оп. 17. – Д. 326. – Л. 28об; ГАРФ. – Ф. 110. – Оп. 1. – Д. 943. – Л. 350, 357; ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2399. – Л. 6, 11, 12–13.
- ⁴⁸ РГИА. – Ф. 23. – Оп. 30. – Д. 53. – Л. 323; Д. 4. – Л. 20 об, 23об.
- ⁴⁹ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2353. – Л. 68.
- ⁵⁰ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2356. – Л. 28.
- ⁵¹ ГАВО. – Ф. 266. – Оп. 1. – Д. 2355. – Л. 5об; Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1451. – Л. 211–213об.

В. М. Марасанова

ГУБЕРНАТОРЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

В начале XX в. Центральный промышленный район, в который входили верхневолжские губернии, имел всего 11,2 % населения России, но давал 27 % промышленного производства, сосредотачивал 15 % предприятий страны и 30,8 % рабочих¹. Особое значение для Верхнего Поволжья имела близость к Москве, где в это время проживало около 1,6 млн. человек. Вплоть до января 1905 г. обстановка в верхневолжском регионе была сравнительно спокойной. Рабочее и крестьянское движение здесь несколько отставало от общероссийского уровня в силу местных условий (преобладания текстильной промышленности, широкого развития отхода и неземледельческих промыслов и т. д.) и активной деятельности местных административных и правоохранительных учреждений.

Первая российская революция проверила каждого чиновника – от министра и губернатора до канцеляриста – на соответствие занимаемой должности. В Тверской губернии в январе 1905 г. прошли стачки протеста в связи с расстрелом демонстрации рабочих в Санкт-Петербурге. В Ярославле в январе 1905 г. прекратили занятия студенты Демидовского лицея, а во второй половине февраля с экономическими требованиями забастовали рабочие. 21 февраля и 21 марта студенты устроили первые политические демонстрации. В Костромской губернии первые стачки рабочих прошли в феврале 1905 г. на фабрике Зотова в Костроме и фабрике Брюханова в Нерехте. Во Владимирской губернии за январь–февраль 1905 г. прошла 41 стачка, в которой участвовало более 58 тыс. человек. В 1905 г. во многих населенных пунктах региона были устроены маевки².

12 мая 1905 г. началась прогремевшая на всю Россию иваново-вознесенская стачка, которая продолжалась 72 дня. Это было первое из наиболее крупных региональных выступлений рабочих страны. Материалы о стачке отложились в документах Департамента полиции и местных органов власти³. В донесениях ВГЖУ подчеркивалось бессмысленное «буйство толпы»,

отрицательное отношение рабочих к политическим лозунгам и стремление только к улучшению своего материального положения, «кроме 200–300 чел., находившихся под влиянием Иваново-Вознесенской группы РСДРП»⁴. Многочисленные стачки прошли в мае 1905 г. в Костроме. О них рассказывалось в подробных рапортах старшего фабричного инспектора Горбунова и других должностных лиц начальнику КГЖУ⁵. 2–26 июля 1905 г. состоялась всеобщая стачка в Костроме, в ходе которой также было создано депутатское собрание. Рабочие добились некоторых уступок, рабочий день был сокращен до 10,5 часов. В фабричный район были введены солдаты и казаки.

На протяжении первого года революции в верхневолжском регионе только владимирский губернатор И. М. Леонтьев (1857–1908) сохранил свой пост. 24 мая 1905 г. тверской губернатор С. Д. Урусов (1862–1937) подал прошение об отставке, которое было удовлетворено 10 июня. Он объяснял свой уход несогласием с политикой министерства, усилившего зависимость губернаторов от товарища министра Д. Ф. Трепова. В Твери князя Урусова сменил П. А. Слепцов (1862–1906). 22 октября 1905 г. был переведен на должность курляндского губернатора костромской губернатор Л. М. Князев, и 12 ноября в управление губернией вступил бывший киевский губернатор А. А. Ватаци. После принятия Манифеста 17 октября и последовавших за ним погромов ушел в отставку ярославский губернатор А. П. Рогович (1861–?), и 29 ноября в управление губернией вступил А. А. Римский-Корсаков (1850–?)⁶. О настроении вновь назначаемых осенью 1905 г. губернаторов ярко свидетельствовала речь нового московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова, произнесенная 5 декабря. Он отмечал: «При таких обстоятельствах назначение на пост московского генерал-губернатора приобрело совсем иное значение... Я без всяких колебаний принял его, как принимают боевой пост»⁷.

6 декабря 1905 г. официальные лица губернии провожали А. П. Роговича из Ярославля. В преподнесенном ему адресе отмечалось, что его решение уйти с поста губернатора 18 октября вызвала «не опала Царская, не собственная вина, чуткой совестью своей сознавшая, не злоба и клевета людская, не робость

душевная, а стойкость в вере и убеждениях»⁸. А. П. Рогович был уволен с должности губернатора с причислением к МВД и отбыл в Петербург. В 1906 г. он стал сенатором и получил придворное звание гофмейстера. В том же году Николай II назначил его товарищем обер-прокурора Святейшего Синода. В дальнейшем А. П. Рогович стал членом Совета Министров.

9 декабря 1905 г. в Ярославле была разогнана массовая демонстрация, при этом погибло 9 демонстрантов и один казак. А. А. Римский-Корсаков 20 декабря 1905 г. выступил с обращением к рабочим губернии, где говорилось: «Я не допущу, чтобы под видом свободы вообще – осуществлялось своеволие, под видом свободы слова – грубая брань на органы правительства и злонамеренная окраска их действий и распоряжений; под видом свободы собраний и союзов – сборища или сходки, имеющие целью восстановление одной части общества против другой или образование так называемой боевой дружины, преследующей явно преступные желанья». «Объявление от ярославского губернатора» было опубликовано 23 декабря 1905 г. на страницах «Ярославских губернских ведомостей» и расклеено по городу. Ситуация ставила перед губернаторами проблему выбора «уговоры или жесткие меры» и, не смотря на прямую угрозу собственной жизни и явно негативную реакцию населения, А. А. Римский-Корсаков не пошел на уступки.

По распоряжению Римского-Корсакова было арестовано 43 участника депутатского собрания ЯБМ и общегородского стачечного комитета. По делам о захвате революционерами станции Урочь и о 9 декабря 1905 г. были проведены расследования. Дело о 9 декабря 1905 г. слушалось в Московской судебной палате осенью 1908 г. А. А. Римский-Корсаков был приглашен сюда для дачи показаний и 26 октября сообщил, что им «было отдано словесное распоряжение воинскому начальнику принимать все меры к рассеянию толпы в случае ее агрессивных действий... Рабочие решили захватить все правительственные здания, губернаторский дом и губернатора»⁹. Никаких обвинений в адрес губернатора на суде выдвинуто не было.

В декабре 1905 г. и в начале 1906 г. по всему региону неоднократно проходили аресты активных участнико

в революционного движения¹⁰. В результате репрессивных мер и под влиянием общей ситуации в стране революционное движение пошло на убыль. Например, если в Ярославской губернии за 1905 г. произошло 149 стачек, то за следующие полтора года – 83. Зимой практически прекратилось проведение массовок. В Ярославле социал-демократы с января 1906 г. не имели типографии, в Рыбинске типография еще действовала. В документах губернских административных и правоохранительных учреждений в эти годы постоянно отмечались случаи распространения в верхневолжских губерниях нелегальной литературы социал-демократов, эсеров и энесов¹¹.

Усиление репрессий и спад массового движения привел к проявлениям терроризма. По данным Л. М. Лысенко, за 1905 г. в России было убито 20 губернаторов¹². 25 марта 1906 г. от взрыва бомбы погиб тверской губернатор П. А. Слепцов. Ответственность за убийство взяла на себя местная организация эсеров. Террор коснулся представителей среднего и низшего звена государственной службы, в особенности сотрудников правоохранительных учреждений. За декабрь 1905 г. в Ярославле были убиты полицейский надзиратель и городской. В марте 1906 г. в Ярославле началось слушание дела Н. Шмакова, обвиняемого в покушении на убийство помощника пристава Королькова и сопротивлении властям. Подсудимый был приговорен к заключению в исправительных арестантских отделениях на 4 года¹³.

В Ярославле началось расследование дела супругов Шер, на квартире которых 28 января 1906 г. была обнаружена лаборатория по производству взрывчатых веществ и две готовые бомбы. 8 апреля 1906 г. ротмистр Немчинов доносил начальнику ЯГЖУ о том, что в г. Мологе группой молодежи готовится освобождение из тюрьмы студента 4-го курса Демидовского лицея Л. А. Козьмодемьянского, привлеченного по делу супругов Шер¹⁴. 1 августа 1906 г. при обыске у земской фельдшерицы К. Ф. Цитович в Твери было обнаружено 12 боевых патронов и эсеровская литература, о чем начальник ТГЖУ сообщил губернатору¹⁵.

Мемория Совета Министров от 3 января 1906 г. определила порядок увольнения служащих, поддерживающих

антиправительственное движение. В обязанность губернаторов, начальств областей и градоначальников вменялось «предлагать местным губернским и областным начальствам об увольнении определяемых властью последних к должностям чиновников административных ведомств, действиями своими нарушающих государственный и общественный порядок»¹⁶. Всем губернаторам и начальникам ГЖУ был разослан циркуляр МВД за № 570 от 12 января 1906 г., согласно которому в недельный срок должны были составляться списки служащих железных дорог, принимавших «активное участие в разного рода агитации, забастовках, недозволенных собраниях в пределах полосы отчуждения, а также в самозванных нелегальных организациях или в захвате средств и орудий, принадлежащих железным дорогам»¹⁷. Дирекция ЯБМ получила от полиции список раненых 9 декабря – 21 человек, и эти люди не нашли работы на фабрике.

26 апреля новым министром внутренних дел стал саратовский губернатор П. А. Столыпин. К этому времени он имел опыт службы губернатором и понимал, что в числе неотложных для государства задач стоит укрепление местной власти. На основании ст. 29 Положения о государственной охране после роспуска I Государственной думы с новой силой начались аресты и обыски. Так, в августе 1906 г. в Рыбинском уезде была арестована Н. Франжели, которую обвинили по делу «о найденных брошюрах и прокламациях преступного содержания в доме Тугариновых»¹⁸. Большой переполох среди властей Тверской губернии вызвала смерть одного из рабочих, утонувшего в р. Тверце после разгона митинга 9 августа 1906 г. Расследование по этому делу показало, что митинг устроили 50 человек у с. Дальняя Троица Новоторжского уезда. При разгоне митинга полиция использовала нагайки, и некоторые рабочие были загнаны в реку. Однако вице-губернатор С. Хитрово настаивал, что рабочий П. Андреев утонул из-за «обессиления от пребывания в холодной воде», а вовсе не по причине нанесенных ударов нагайками¹⁹. Эту версию и подтвердило официальное дознание. Тем не менее, было понятно, что рабочий оказался в холодной воде не добровольно, а вынужденно.

Снижение размаха движения в 1906 г. способствовало новым проявлениям терроризма. Особую известность получило

устроенное эсерами-максималистами 12 августа 1906 г. покушение на П. А. Столыпина. 2 октября 1906 г. в Ярославле был убит городской, а всего по России за месяц было зафиксировано 168 подобных случаев²⁰. В ноябре 1906 г. в Ярославле была арестована группа, принадлежавшая к «летучему отряду Оппозиционной фракции Партии социалистов-революционеров». По агентурным данным ЯГЖУ, эта группа, совместно с прибывшими из Москвы и Рыбинска дружинниками, намечала террористические акты в Ярославле и экспроприации на крупные суммы в губернии. У группы имелся склад оружия и лаборатория по производству взрывчатых веществ. Начальник отряда студент Демидовского лицея С. А. Васильев (кличка «Туманов Анатолий») смог скрыться²¹.

Эсеры развивали практику «революционных» экспроприаций. 22 августа 1906 г. в Тверской губернии был отмечен очередной случай вымогательства денег эсерами у состоятельных обывателей. Неизвестные злоумышленники требовали 500 руб. у почетного потомственного гражданина Е. И. Козьминых, однако тот не побоялся обратиться в полицию. В условленное место в конце Троицкой набережной в Твери им была подложена нарезанная чистая бумага, по виду напоминающая пачку денег. При попытке забрать деньги был «схвачен сын почетного потомственного гражданина С. Н. Штанковский»²².

Вновь назначаемым губернаторам приходилось в таких условиях довольно трудно начинать службу. На место убитого эсерами П. А. Слепцова тверским губернатором 15 апреля 1906 г. был назначен Н. Г. Бюнтинг (фон Бюнтинг) (1861–1917)²³. 30 апреля новый губернатор прибыл в Тверь. В 1906 г. сменился губернатор во Владимире. На эту должность 29 июля был назначен И. Н. Сазонов²⁴. Новым костромским губернатором в 1906 г. стал генерал-майор А. П. Веретенников²⁵. Таким образом, в четырех губерниях Верхнего Поволжья за 1906 г. не сменился только ярославский губернатор. Зато 28 февраля 1907 г. на А. А. Римского-Корсакова было устроено неудачное покушение. Ярославские газеты приводили разговор губернатора с террористом. На вопрос Римского-Корсакова о причине покушения злоумышленник ответил, что приволил в исполнение

приговор партии эсеров, признавшей А. А. Римского-Корсакова «вредным», и заявил, что губернатора все равно убьет кто-нибудь другой. При осмотре браунинга выяснилось, что преступник успел нажать на курок, но забыл снять оружие с предохранителя²⁶. Костромской губернатор А. П. Веретенников в 1907 г. постоянно опасался покушения, чему способствовали собранные начальником КГЖУ Мочаловым сведения о существовании в городе «Военно-Технической Боевой революционной организации»²⁷.

В 1909 г. ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков стал сенатором. На его прощальном чествовании вице-губернатор В. П. Кисловский отметил, что губернаторство Римского-Корсакова пришлось на тяжелые дни революционного движения 1905–1907 гг. В ответной речи Римский-Корсаков сказал: «Я приехал в Ярославль в конце 1905 г., в самый разгар революционного, неизвестно почему названного освободительным, движения, отражение которого замечалось и на таких слоях, где менее всего можно было этого ожидать: взгляды же мои были совершенно ему противоположны»²⁸. Покидая губернию, А. А. Римский-Корсаков обратился именно к полицмейстерам и уездным исправникам губернии. Он отметил самоотверженность местной полиции и свое глубокое чувство признательности за быстрое подавление революционного движения. По мнению Римского-Корсакова, бдительность полиции создавала крайне неблагоприятную почву для преступных выступлений, и поэтому было возможно управлять губернией, не вводя положения о чрезвычайной или усиленной охране²⁹. Политические взгляды бывшего губернатора ярко проявились, когда 31 марта 1910 г. он стал председателем отделения «Союза русского народа» в Петербурге.

Первая российская революция доказала действительное значение МВД как главного министерства России. В самостоятельное ведомство превратился Департамент полиции, в котором большую роль играл Особый отдел, направлявший борьбу с революционным движением и работавший в постоянном контакте с местными правительственными учреждениями. В годы революции в правительственных кругах неоднократно

поднимался вопрос о необходимости реформы местного управления, но деятельность в данном направлении не пошла дальше создания комиссий по разработке реформы. По-разному отреагировали на революцию и проявили себя в ней губернаторы. Случай с тверским губернатором С. Д. Урусовым, оставившим службу из-за несогласия с политикой МВД и активно включившимся в думскую деятельность, несомненно, был исключительным по российским меркам явлением. Другую крайность представлял ярославский губернатор А. П. Рогович, не сумевший принять царский Манифест 17 октября как противоречивший его основным принципам. В годы революции губернаторы были как бы на переднем рубеже между властями и революционной стихией, поэтому им приходилось рисковать собственной жизнью. По-прежнему на губернаторах лежала обязанность подписать по 300–400 бумаг в день, и их рабочий день составлял не менее 10–12 часов.

О стабильности любой политической системы и эффективности работы всех звеньев государственного аппарата свидетельствовала их способность сотрудничать с разными социальными группами, умение разрешать любые конфликты, содействовать социально-экономическому и культурному прогрессу. Однако губернские учреждения, столь успешно справлявшиеся со своими функциями в XIX веке, в условиях нового столетия не могли стабилизировать ситуацию в регионах. Неудача местной реформы означала победу реакционных элементов и в какой-то степени предопределила падение монархии.

Заслуживает внимания тот факт, что во всех четырех губерниях Верхнего Поволжья в период первой российской революции сменились губернаторы. Неэффективность работы аппарата управления на местах увеличивала личную ответственность губернаторов за все происходящее в пределах губернии. Не случайно именно губернаторов избрали объектом для террористических актов эсеровские группы. Тверской губернатор П. А. Слепцов был убит 25 марта 1906 г., а на ярославского губернатора А. А. Римского-Корсакова в 1907 г. было совершено неудачное покушение.

Не смотря на все усилия губернских властей, стачечное движение в регионе в период первой российской революции вышло на невиданный ранее уровень. Активность владимирских, тверских и ярославских рабочих в целом совпадала с общероссийскими тенденциями, а в Костромской губернии несколько уступала. Однако это объяснялось не столько действиями местных властей, сколько значительной численностью рабочих, более сложной отраслевой структурой промышленности и наличием развитых железнодорожных коммуникаций в Тверской, Владимирской и Ярославской губерниях.

Примечания

¹ Мейерович М. Г. История пролетариата ЦПР накануне и в годы первой русской революции в советской исторической литературе / М. Г. Мейерович, В. С. Флеров // Пролетариат ЦПР в революции 1905–1907 гг. – Ярославль, 1982. – С. 3.

² ГАРФ. – Ф. ДП. ОО. – Д. 1800. – Ч. 54. – Л. 15; ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1457. – Л. 1, 14, 15; ГАКО. – Ф. 749. – Оп. 1. – Д. 173. – Л. 137; Д. 243. – Л. 2, 8 и др.

³ ГАРФ. – Ф. ДП, ОО, 1905. – Д. 4. – Ч. 30. – Л. 16, 89, 103, 110, 120; ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1496. – Л. 1, 25–26, 39; Д. 1502. – Л. 1, 2, 10; Пролетарий. – 1905. – 3, 13, 20 июня, 20 июля.

⁴ ГАРФ. – Ф. ДП, ОО, 1905. – Д. 4. – Ч. 30. – Л. 140.

⁵ ГАКО. – Ф. 749. – Оп. 1. – Д. 243. – Л. 18, 28, 32, 33, 55об.; Д. 279. – Л. 35, 199 и др.

⁶ ЯГВ. – 1905. – 15 нояб.

⁷ Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2 т. – М., 1997. – Т. 1. – С. 106.

⁸ ЯГВ. – 1905. – 6 дек.

⁹ ЯГВ. – 1908. – 31 окт.

¹⁰ ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1469. – Л. 22, 114; ГАЯО. – Ф. 906. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 190; Оп. 4. – Д. 490. – Л. 8; Д. 529. – Л. 484 об.; Ф. 912. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 255 и др.

¹¹ ГАРФ. – Ф. ДП. ОО. – Д. 5. – Ч. 72. – Л. 1; Д. 1800. – Ч. 5. – Л. 25; ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 5. – Д. 1455. – Л. 3; Д. 1527. – Л. 11–12; Д. 1635; ГАКО. – Ф. 749. – Оп. 1. – Д. 271. – Л. 12об., 54; Д. 286. – Л. 2, 6, 6об., 22, 49; Д. 294, – Л. 8об.; Д. 298. – Л. 2;

Д. 299. – Л. 23; Д. 300. – Л. 2, 12 и др.

¹² Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России: Дис. ... докт. ист. наук / Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2001. – С. 150.

¹³ Молодая Россия. – 1906. – 4 янв.; Волна. – 1906. – 18 мая; Призыв. – 1906. – 24 марта.

¹⁴ ГАРФ. – Ф. ДП. ОО. 1905 г. – Д. 1800. – Ч. 54. – Л. 24об.; ГАЯО. – Ф. 906. – Оп. 4. – Д. 529. – Л. 344.

¹⁵ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 12805. – Л. 189.

¹⁶ Совет Министров Российской империи. 1905–1906 гг.: Документы и материалы. – Л., 1990. – С. 137.

¹⁷ ГАЯО. – Ф. 906. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 101.

¹⁸ ГАЯО. – Ф. 906. – Оп. 2. – Д. 2а. – Л. 164.

¹⁹ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 12805. – Л. 212, 229.

²⁰ Новая мысль. – 1906. – № 2.

²¹ ГАЯО. – Ф. 906. – Оп. 4. – Д. 529. – Л. 698.

²² ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 12805. – Л. 232.

²³ Список лиц, служащих по ведомству МВД 1914 г. (исправлен по 1 января). Ч. II.: Генерал-губернаторства, губернии, области и градоначальства. – СПб., 1914. – С.687; ТГВ. – 1906. – 21 апр.; Тверские губернаторы: К 200-летию образования Тверской губернии. – Тверь, 1996. – С. 55–56.

²⁴ Список лиц, служащих по ведомству МВД 1914 г. Ч. II. – С. 81.

²⁵ Современники: Альбом биографий Н. И. Афанасьева. Т. 2. – Б.м., 1910. – С. 71–73; Бочков В. Н. Старая Кострома: Рассказы об улицах, домах и людях. – Кострома, 1997. – С. 55.

²⁶ ЯЕВ. – 1907. – 18 марта; Русская молва. – 1907. – 1 марта и др.

²⁷ Зябликов А. Покушение на губернатора Веретенникова // Губернский дом. – Кострома, 1994. – № 4. – С. 46.

²⁸ ЯГВ. – 1909. – 19 июня.

²⁹ ЯГВ. – 1909. – 5 июня.

А. А. Федоренко
РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СОВЕТОВ РАБОЧИХ
ДЕПУТАТОВ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОЦЕНКАХ
РУКОВОДСТВА ПАРТИИ ЭСЕРОВ

Революция 1905–1907 гг. пробудила небывалый прежде всплеск народной инициативы и творчества, особенно в деле организации новых форм самоуправления. Одной из них, оказавшей огромное влияние на дальнейшие судьбы нашей страны, стали Советы рабочих депутатов, возникшие в 1905 г. в Иваново-Вознесенске. «Совет никогда не был одной из постоянных, органических, составных частей революционного мира. Как в 1905 г., так и в 1917 г., он был организацией *ad hoc* – специфическим типом организации единого *социалистического* и *революционного* фронта в боевую эпоху, в огне и буре поднимающейся революции, – писал в начале 30-х гг. прошлого века В. М. Чернов. – В отличие от всех иных организаций рабочего класса, он строился не сверху, а снизу путем летучих выборов на фабричных и заводских митингах, и потому обладал чертами как бы классового рабочего «предпарламента»¹. Советы сыграли выдающуюся роль в организации вооруженных восстаний в крупных промышленных центрах. Они сразу же вызвали неподдельный и пристальный интерес со стороны всех революционных партий той поры. Не стали исключением и эсеры, которые, говоря о необходимости подготовки всеобщего крестьянского восстания, отводили городскому пролетариату роль авангарда революционной борьбы.

Однако в отличие от социал-демократов, которые с самого начала доминировали в Советах и считали их наиболее оптимальной формой рабочего самоуправления в условиях революции, ядром диктатуры пролетариата, эсеры занимали более критичную позицию. «Советы Рабочих Депутатов с самого начала усвоили себе тактику муссирования движения, лихорадочного ускорения его темпа», – отмечал лидер эсеровской партии В. М. Чернов в своей работе «Прошлое и настоящее».² Руководство эсеровской партии было против оторванного от крестьянского движения выступления в городе.

Оно настаивало на подготовке всенародного восстания, до которого следовало избегать насильственных форм борьбы за введение явочным порядком 8-часового рабочего дня, против второй и третьей забастовок с переходом к вооруженному восстанию, – вспоминал позднее В. М. Чернов, – но за такие меры, как неплатеж податей, требование возвращения вкладов из сберегательных касс, бойкот властей, явочное осуществление свободы слова, печати и т. п.»³ Это не означало, что вожди эсеров боялись революционного взрыва, напротив, они мечтали о нем и приближали всеми силами, но в то же время они не желали преждевременного, неподготовленного выступления.

Тем не менее, понимая, что неучастие в Советах, их слишком настойчивая критика, жесткая линия на отказ от участия в вооруженном восстании ожжет привести к потере авторитета среди рабочих, эсеры активно работали в них и четко выполняли решения исполкомов. Причем низовые организации ПСР были настроены радикальные руководства и часто шли вразрез с директивами ЦК. Так было в Петербурге, так было и в Москве, где областной комитет эсеров проголосовал за начало Декабрьского вооруженного восстания и горячо взялся за его подготовку. На это решение не повлияло и присутствие в Москве лидера партии В. М. Чернова, который, выступая на съезде Союза железнодорожников, предостерегал от начала восстания, как от опасной и несвоевременной затеи.⁴

Дальнейшее развитие событий показало правоту эсеровского вождя. Восстание было разгромлено, Совет прекратил свое существование. В. М. Чернов на I съезде ПСР отмечал: «Совет рабочих депутатов и партия социал-демократов усвоили тактику иную. Целый ряд крупных предприятий был затеян без достаточного учета своих сил...».⁵ Безусловно, что несколько прохладное отношение эсеров к Советам было связано с их слабыми, по сравнению с социал-демократами, позициями в них, как и в рабочем движении в целом. Так, делегат I съезда ПСР от Виленского комитета отмечал: «...в настоящее время трудно рассчитывать на руководство движением одной партии с.-р., хотя бы и хорошо организованной».⁶

Эсеры считали, что Светы должны быть лишь одной из форм самоорганизации трудящихся, которая не имеет никаких преимуществ перед другими. В крайнем случае, они видели в Совете центр, в котором в ходе коллегиального обсуждения вопросов, стоящих на повестке дня, представителями всех революционных организаций должно приниматься некое компромиссное решение, устраивающее всех. «Советы для социалистов-революционеров были: – суррогатом отсутствующей в России единой социалистической партии, и, частью, – суррогатом не успевшего развиться широкого профессионального движения – утверждал лидер эсеров. – Наконец, социалисты-революционеры считали, что союзы городских беспартийных рабочих советов – во-первых, Всероссийский Крестьянский союз – во-вторых, и, быть может, уже действовавший «Союз Союзов», как объединение всех видов трудовой интеллигенции – в-третьих, – они-то в федеративном триединстве и предадут всей революции организованный, выдержанный и планомерный характер; а потому и признавали за Советом значение лишь боевой классовой организации критического, переходного времени»⁷.

Таким образом, руководство эсеровской партии, в отличие от социал-демократов и даже от своих собственных низовых организаций, не рассматривала Советы рабочих депутатов в качестве долговременных, перспективных структур. Они были для вождей ПСР органами кратковременного переходного периода революции, когда старые властные структуры уже не действовали, а новые еще не сформировались. Более того, за Советами, по крупному счету, не признавалось полномочий по изменению право собственности в отношении средств производства. Такое право они признавали лишь за учредительным собранием. Эсеры были убеждены, что советы предназначены, в первую очередь, для урегулирования взаимоотношений между работниками и работодателем и должны решать такие проблемы, как улучшение условий труда, социальное страхование рабочих, заработная плата, бытовые условия, и т. п. Кроме того, они должны были готовить вооруженные выступления в городах. При этом даже требования введения 8-часового рабочего дня эсеры, считали его

справедливым, не видели возможным выполнять явочным порядком, через Советы. Более того, В. М. Чернов считал, что именно вынесение лозунга о 8-часовом рабочем дне осенью 1905 г. было ошибкой, которая «... вместе со второй забастовкой так истощала силы петербургских рабочих, что этим объясняется полный провал Петербурга во время третьей забастовки и его позорное бездействие во время агонии Москвы, для подавления которой могли спокойно отправить их Петербурга достославных семеновцев»⁸.

Лидер эсеровской партии был убежден: «Залогом победы русской революции может быть лишь ее синтетический характер; что только органическое объединение движения рабочих и трудового крестьянства, выступлений масс и авангардных ударов террора, завоевание сочувствия в широких массах и внесение оппозиционной и революционной заразы в войско – только такое целесообразное объединение всех элементов движения способно вызвать крутой и решительный поворот в политической и социальной жизни России...»⁹ В этом объединенном движении Советы виделись лишь одной из форм, которые после стабильности общественного строя канут в лету, дав простор более совершенным типам организации жизни трудящихся.

Примечания

¹ Чернов В. М. Рождение революционной России. – Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. – С. 217-218.

² Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: В 3-х т. Т. 1. 1900–1907 гг. – М., 1996. – С. 187.

³ Чернов В. М. Перед бурей. – М., 1993. – С. 252.

⁴ Там же. – С. 253.

⁵ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. – С. 414.

⁶ Там же. – С. 414.

⁷ Чернов В. М. Рождение революционной России. – С. 222.

⁸ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. – С. 190.

⁹ Там же. – С. 193.

С. Р. Глазунов

**ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦИЯ В РОССИИ (1882–1903 гг.):
ВЛАСТЬ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ – РАБОЧИЕ***

Институт фабричной инспекции был создан в России в 1882 г. первоначально как государственный орган надзора за соблюдением фабрично-заводского и трудового законодательства в сфере применения незрелой рабочей силы в промышленности. В своем развитии фабричная инспекция прошла несколько этапов (усложнялась ее структура, увеличивался состав, расширялась сфера деятельности) и была ликвидирована декретом СНК от 17 мая 1918 г.¹

Комплексного научного исследования истории этого института не проводилось. В основном фабричная инспекция интересовала историков в рамках изучения трудового законодательства² или внутренней политики царизма по «рабочему вопросу»³. По поводу природы института фабричных инспекторов, оценки их деятельности высказывались противоположные суждения. В. П. Литвинов-Фалинский идеализировал фабричную инспекцию, видел в этом органе способ осуществления «разумной политики» в удовлетворении интересов государства, предпринимателей и рабочих⁴. В. И. Ленин назвал введение института фабричной инспекции «тряпичкой», которой можно прикрыть недовольство рабочих, а фабричных инспекторов квалифицировал «прислужниками фабрикантов», «полицейскими служителями» и «фабричными урядниками»⁵. Вслед за В. И. Лениным негативно оценивали фабричную инспекцию большинство советских исследователей: И. И. Шелымагин считал этот орган «бессильным и бездействующим», выполняющим «только обязанности чисто полицейского характера»⁶; А. Ф. Вовчик видел в ней «довольно разветвленный орган самодержавия по осуществлению его антирабочей политики»⁷; В. Я. Лаврычев отмечал «полную беспомощность перед напором капиталистов» и полицейский характер ее деятельности⁸. Но уже Л. Е. Шепелев обратил внимание, что фабричная инспекция создавалась не только в «целях охранения “общественного

---

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01388а.

спокойствия” и ...защиты интересов собственно предпринимателей», но и в своей деятельности руководствовалась «более общими задачами торгово-промышленной политики царского правительства»⁹.

Таким образом, в отечественной историографии остается не до конца выясненным вопрос о месте и роли фабричной инспекции в системе взаимоотношений органов власти, рабочих и предпринимателей. В этой связи необходимо на основе анализа трудового законодательства рассмотреть основные направления деятельности фабричных инспекторов, выяснить их компетенцию, определить, чьи интересы они представляли.

Инициатором первых в России актов фабричного законодательства, послуживших началом создания фабричной инспекции, стал министр финансов Н. Х. Бунге, который выступал за государственное конституирование фабричной инспекции, но отрицательно оценивал крайние воззрения. Он был против того, чтобы государство полностью взяло на себя заботу о рабочих. Бунге считал, что для решения «рабочего вопроса» нужны соединенные усилия правительства, общественности и самих рабочих. Роль государства должна проявляться главным образом в сфере фабричного законодательства. Прежде всего следовало издать закон об учреждении на предприятиях органов правительственного надзора. Органы фабричной инспекции создавались для развития промышленности на правовой основе и урегулирования социальных конфликтов в период индустриализации. И хотя стачечное движение не имело такого размаха, чтобы поколебать существующий строй, правительство находилось под постоянным страхом очередной вспышки рабочих волнений, которые напоминали властям о растущей опасности. Власти учитывали пример Европы, пережившей восстание пролетарских масс в 1848–1849 гг., поэтому все акты по созданию фабричной инспекции в известной степени имели «превентивную» направленность¹⁰. Симптоматично, что в России, в отличие от стран Западной Европы, органы фабричной инспекции появились раньше, чем начали действовать законы о труде.

Первый акт был принят 1 июля 1882 г. По этому закону для контроля за соблюдением условий труда и школьного обучения

малолетних рабочих были созданы пять, но на практике введены только три должности фабричных инспекторов, которые находились в ведении Министерства финансов по Департаменту торговли и мануфактур. Инспекторами первого призыва стали инженер, председатель Постоянной комиссии по техническому образованию при Русском техническом обществе Е. Н. Андреев (главный инспектор), экономист, профессор Московского университета по кафедре финансового права И. И. Янжул (Московский округ), доктор медицины П. А. Песков (Владимирский округ).

Закон 12 июня 1884 г., уточнявший условия обучения малолетних рабочих, значительно расширил штат фабричных инспекторов, включивший в себя одного главного фабричного инспектора, 9 окружных инспекторов и 10 помощников¹¹.

По закону 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» на инспекторов возлагались обязанности: контролировать соблюдение закона об использовании незрелой рабочей силы в промышленном производстве, следить за предоставлением фабрикантами возможности получения начального образования малолетними рабочими, составлять протоколы о нарушениях приведенного выше закона и препровождать их в судебные органы, представлять обвинение на суде против нарушителей положений закона¹².

Владельцы, заведующие или управляющие промышленными заведениями, виновные в нарушении этих законов, подвергались аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше 100 рублей¹³.

Более подробные указания относительно обязанностей и порядка действий инспекторов определялись «Инструкцией чинам инспекции по надзору за исполнением постановлений о малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», утвержденной министром финансов 19 декабря 1884 г.¹⁴

Фабричные инспекторы получали «открытые листы», на основании которых имели право беспрепятственно в любое время суток пройти на территорию фабрик и заводов вверенных им округов для выявления нарушений фабричного законодательства¹⁵.

Для составления ежегодных отчетов о своей деятельности фабричные инспекторы должны были собирать разнообразные статистические сведения о положении женщин и детей на фабриках и заводах: количество работающих, возраст, условия труда, наличие образования и т. д. Такая же работа проводилась по сбору данных об условиях труда и положения взрослых рабочих.

Фабричный инспектор в пределах предоставленной ему компетенции обладал широкими правами. Он становился заметной фигурой на фабрике, вносил новые начала в отношения рабочих и предпринимателей. Его положение еще более утвердилось после издания закона 3 июня 1886 г.¹⁶, регулировавшего взаимные отношения фабрикантов и рабочих. Значительно расширились функции фабричной инспекции и увеличился ее штат еще на 10 помощников.

Согласно «Правилам о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих», общий надзор за «благоустройством» фабрично-заводской жизни в промышленных районах возлагался на губернаторов и должен был осуществляться при содействии вновь учреждаемых губернских по фабричным делам присутствий, чинов фабричной инспекции и полиции.

Губернские по фабричным делам присутствия создавались под председательством губернатора. Членами были представители местной администрации: вице-губернатор, прокурор окружного суда, начальник губернского жандармского управления, окружной фабричный инспектор или его помощник. Кроме того, в состав присутствия входили председатель или член губернской земской управы и городской голова или член местной городской управы. В столицах и городах, где существовали комитеты торговли и мануфактур, представители местного самоуправления заменялись двумя представителями этих комитетов. С 1894 г. представители земств и городов были повсеместно заменены представителями от предпринимателей, утверждаемыми министром финансов по представлению губернаторов¹⁷. Заведование делопроизводством губернского присутствия возлагалось на окружного фабричного инспектора или его помощника.

Губернские по фабричным делам присутствия имели право издавать обязательные постановления о мерах по охране жизни, здоровья и нравственности рабочих, утверждать образцы расчетных книжек для рабочих, рассматривать дела о нарушениях, предусмотренных данными правилами, для наказания заведующих промышленных предприятий, рассматривать жалобы фабрикантов на фабричных инспекторов, составлять дополнительные правила, регламентирующие отношения между наемными рабочими и нанимателями при производстве на фабриках артельных работ, разрешать затруднения, встречающиеся при применении норм закона¹⁸.

Фабричная инспекция, кроме общего наблюдения за исполнением закона, также рассматривала и утверждала таксы, таблицы, расписание и правила внутреннего распорядка на предприятиях, разрешала открытие фабричных продуктовых лавок, утверждала размеры штрафов, налагаемых фабрикантами на рабочих, принимала меры к предупреждению споров и недоразумений между хозяевами и рабочими, возбуждала судебное преследование нарушителей закона. О замеченных нарушениях инспекторы составляли протоколы и передавали их в губернские по фабричным делам присутствия, в мировой или окружной суд по принадлежности. За нарушение этих правил фабриканты карались штрафом до 300 рублей¹⁹.

Влияние в губернском по фабричным делам присутствии не принадлежало исключительно представителям Министерства внутренних дел, а в существенной части передавалось фабричной инспекции и представителям предпринимателей. На фабричную же инспекцию возлагались «распорядительные действия по применению обязательных постановлений, издаваемых губернским по фабричным делам присутствием, и надзор за исполнением сих постановлений»²⁰.

С. Ю. Витте продолжил политику Н. Х. Бунге в отношении фабричной инспекции, которой отводил важную роль по созданию прочных, стабильных условий для развития промышленности путем предупреждения конфликтов между трудом и капиталом на экономической почве и уравнивания в этой сфере условий конкуренции между предпринимателями.

По закону 14 марта 1894 г. «О преобразовании фабричной инспекции и должностей губернских механиков»²¹ на инспекторов дополнительно возлагалось исполнение обязанностей упраздненных губернских механиков, а также сбор и первоначальная обработка статистических данных о состоянии промышленности. Деятельность фабричной инспекции распространялась еще на 13 губерний. В состав инспекции были включены губернские механики, и численность фабричной инспекции была увеличена до 173 человек, а к 1899 г. – еще на 80 человек²².

Более конкретные права и обязанности были определены «Наказом чинам фабричной инспекции», утвержденном министром финансов 11 июля 1894 г.²³

Фабричные инспекторы владели полной информацией о промышленных заведениях подведомственных им участков и о происходящих там изменениях. В любое время они могли произвести ревизию состояния технической безопасности, имевшейся документации о найме и условиях труда рабочих, сведений о заработной плате, о продолжительности рабочего дня, о несчастных случаях на производстве, повлекших за собой травмы и смерть рабочих. Владельцы и заведующие фабриками и заводами должны были оказывать содействие фабричным инспекторам при исполнении последними служебных обязанностей. В противном случае инспекторы обращались к помощи полиции. Кроме составления протоколов о нарушениях закона, фабричные инспекторы обязаны были рассматривать взаимные жалобы (в письменной и устной форме) рабочих и предпринимателей. Если при посредстве инспектора стороны не приходили к консенсусу, жалобы направлялись в суд.

По новому закону значение фабричных инспекторов еще более возросло, их права значительно расширились. В итоге в компетенцию фабричной инспекции входило: во-первых, осуществление контроля, выявление нарушений фабрично-заводского законодательства и преследование виновных по суду; во-вторых, урегулирование взаимоотношений рабочих и предпринимателей, рассмотрение жалоб и разрешение социальных конфликтов; в-третьих, наблюдение за техническим состоянием сбором налогов с паровых котлов и, наконец, сбор

статистических сведений о состоянии местной промышленности и положении рабочих на фабриках и заводах и составление отчетов. Это означало, что фабричная инспекция практически становилась постоянно действующим исполнительным органом по проведению в жизнь рабочего законодательства и приобретала важную роль в регулировании трудовых отношений.

Отличительной особенностью российской фабричной инспекции в условиях неразвитости, слабой организованности рабочих и всепроникающего влияния государства во все сферы жизни общества являлась попечительная ее роль, выяснение причин и предупреждение рабочих волнений, устранение возможных поводов жалоб рабочих на притеснения фабрикантов. Эта политика полицейского попечительства о рабочих проводилась Министерством внутренних дел, которое предприняло несколько попыток подчинить себе фабричную инспекцию. Лишь 30 мая 1903 г.²⁴ министр внутренних дел Плеве сумел добиться принятых временных правил, согласно которым местные чины фабричной инспекции должны были действовать под руководством губернаторов. И все-таки МВД не удалось превратить фабричных инспекторов в «фабричных урядников».

При формировании института фабричной инспекции усилия законодателя были направлены на создание правовой основы для развития промышленности. Министерство финансов стремилось, чтобы действия фабричных инспекторов по урегулированию взаимоотношений фабрикантов и рабочих на предприятиях основывались на строгом соблюдении правовых норм. Фабричные инспекторы в ходе своей деятельности были призваны отражать интересы и предпринимателей, и рабочих. Преобразования шли в русле общего процесса социальных реформ, охвативших в последние два десятилетия XIX в. всю Европу, являлись элементами всеобщей правовой модернизации, составной частью долгосрочной стратегии индустриализации.

Примечания

¹ Декреты советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М., 1959. – С. 280.

² Балицкий Г. Фабричное законодательство в России. – М., 1906; Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. – СПб., 1909; Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. – СПб., 1904; Лунц М. Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: Сб. ст. – М., 1909; Шелымагин И. И. Фабрично-трудовое законодательство в России (второй половины XIX в.). – М., 1947.

³ Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1985–1904). – Львов, 1964; Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917). – М., 1972; Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. – М., 1906; Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия по второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. – Л., 1981.

⁴ Литвинов-Фалинский В. П. Указ. соч. – С. 343.

⁵ Ленин В. И. Полное собр. соч. Т. 5. – С. 75; Т. 2. – С. 294.

⁶ Шелымагин И. И. Указ. соч. – С. 67, 118.

⁷ Вовчик А. Ф. Указ. соч. – С. 249.

⁸ Лаверычев В. Я. Указ. соч. – С. 62, 70–71.

⁹ Шепелев Л. Е. Указ. соч. – С. 187.

¹⁰ Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. – М., 1998. – С. 102.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собр. III. Т. 4. № 2316.

¹² ПСЗ. Собр. III. Т. 2. № 931.

¹³ ПСЗ. Собр. III. Т. 4. № 2286.

¹⁴ Кобеляцкий А. И. Полный сборник узаконений о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры; о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих; о фабричной инспекции и о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности. – СПб., 1898.

¹⁵ Там же. – С. 67, 69.

¹⁶ ПСЗ. Собр. III. Т. 6. № 3769.

¹⁷ ПСЗ. Собр. III. Т. 14. № 10420.

¹⁸ ПСЗ. Собр. III. Т. 6. № 3769.

¹⁹ Там же.

²⁰ Шепелев Л. Е. Указ соч. – С. 189.

²¹ ПСЗ. Собр. III. Т. 14. № 10420.

²² Вовчик А.Ф. Указ соч. – С. 220–225.

²³ Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и устав пробирный). – СПб., 1899. – С. 269–293.

²⁴ ПСЗ. Собр. III. Т. 23. № 23041.

А. А. Соловьев

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПОЛЕ РЕВОЛЮЦИИ
1905–1907 гг.

Символично, что революционные события 1905–1907 гг. имели своим началом действия священника, пусть и провокатора, а впоследствии лишенного сана, и в исходной точке проходили под знаком хоругвей и икон. Парадоксальным представляется то, что революция, трансформировавшая практически все стороны общественно-политической жизни, в отношении Русской православной церкви (далее – РПЦ) институционально не привнесла ничего нового. Единственным правовым актом в церковной проблематике следует признать Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., разрешивший богослужение старообрядцам и отменивший наказание за отпадение от православия, тем самым поставив РПЦ в неравное положение с другими конфессиями, так как она, в соответствии с Основными законами Российской империи, по-прежнему оставалась под пристальным контролем государства, представляя из себя «ведомство православного исповедания».

В ретроспективе исторического прошлого России в данном законодательном Положении никакого прецедента не существовало. Манифест «О свободе вероисповеданий» в 1702 г. подписал Петр I, указ «Об уравнивании религий, необязательности постов, неосуждении грехов против седьмой заповеди» – Петр III в 1762 г., указ «О веротерпимости» – Екатерина II в 1773 г., одноименный указ – Александр I в 1807 г. Количество

© Соловьев А. А., 2005

данных законодательных инициатив, видимо, свидетельствует о заключенном в них противоречии с православной традицией русского народа и особой роли церкви в ментальности русского самосознания, во всяком случае, в дореволюционной России. Характерно в этой связи заявление Антония, архиепископа Волынского, сделанное владыкой в VI отделе Предсоборного Присутствия 19 мая 1906 г. Рассуждая о равноправии вероисповеданий в некоторых европейских странах и Америке он, в частности, подчеркивает: «...их бог – это деньги и житейские блага ...русский народ мыслит себя стадом Божиим, Церковью, обществом людей, совершающих свое спасение по руководству своей веры через молитву и труд: народ взирает на свою жизнь, как на крест, данный от Бога...»¹ И все же изменения происходили и, прежде всего, в интеллектуальной атмосфере внутри самой РПЦ, следствием чего являлась небывалая за весь синодальный период активная позиция клира и мирян в отношении основных вопросов социокультурной жизни, в том числе и собственно церковных.

Различные, порой противоположные мнения вызывает в историографии вопрос о представительстве РПЦ в высших государственных учреждениях. На этот вопрос пытались ответить многие деятели Церкви, по-разному решая данную проблему. Митрополит Евлогий (Георгиевский), член Государственной Думы II и III созыва, писал в своих воспоминаниях: «Следует ли духовенству участвовать в политической жизни страны, в строении государства? С точки зрения пользы, может быть и нужно; но если принять во внимание душу и совесть – это большое для духовного лица несчастье... Я чувствовал себя каким-то «обмирщенным», «секуляризованным», на каждом шагу борьба между пастырской совестью и партийной дисциплиной; атмосфера политических страстей как-то душила, угнетала дары благодати священства»². Различие оценок в данной проблеме нашло свое выражение, в частности, в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе». Епископ Екатеринбургский Владимир, отмечая, что «для укрепления авторитета архиерея в епархии и священника в приходе необходимо все церковное имущество считать юридическою собственностью епископа», требовал «не позволять духовенству

лично представлять в государственных учреждениях и обмирщаться в борьбе партий». О том, что «Церковь должна быть чужда политическим партиям и учениям», выражено и в послании епископа Смоленского Петра³, а также еще в целом ряде мнений церковных иерархов. Это положение исходило из противопоставления Церкви и государства как совершенно разных, особых образований, сосуществующих параллельно друг другу.⁴

Иная установка на жизнедеятельность РПЦ с государством прослеживается в отзывах других архиереев, которые полагали в основе своего призвания «сочувственное и деятельное отношение духовенства к общественным интересам, при участии которого в разных учреждениях есть надежда на сближение с интеллигенцией» (епископ Таврический Алексей), а также признавали необходимость представительства Церкви в государственных учреждениях (митрополит Антоний, архиепископ Литовский Никандр, епископ Тамбовский Иннокентий и др.). Существовала и такая позиция в этом вопросе, по которой участие или неучастие представителей РПЦ в государственных и общественных учреждениях – это вопросы, относящиеся к прерогативе государственной власти, которая также должна определять и имущественные права Церкви (архиепископ Сергей (Страгородский)).⁵

Дискуссия по церковным проблемам оживленно велась и на страницах прессы – с марта по май 1905 г. лишь в светской печати появляется свыше 200 статей, посвященных данным вопросам. Именно в это время (15 марта 1905 г.) группа из 32-х петербургских священников представила митрополиту Антонию записку «О неотложности восстановления канонической свободы Православной Церкви в России». Вскоре это стихийно зародившееся движение начинают называть «Союзом церковного обновления» или «Союзом ревнителей церковного обновления». «Обновленцами» было составлено несколько программных документов («О составе церковного собора», «Государственная дума и пастырь церкви», «Церковное ведомство и церковный собор», «Собор и патриархи» и др.), которые затем были объединены в сборник «К церковному собору»⁶. В основном записки, автором большинства был Н. П. Аксаков, опирались на

каноны ранних соборов, решительно отвергая перемещаемость епископов из епархии в епархию, настаивая на «равности» епархий и абсурдности системы возвышения архиереев по службе с переводом из меньших в большие и более приближенные к центру России епархии. Также предлагалось отменить все награды и ордена для духовенства, освобождение православной церкви от католического клерикализма путем введения соборности в церковной деятельности и управления на всех уровнях ее с соучастием мирян; выборность духовенства, в том числе и епископата. Кроме того, деятели обновленческого движения утверждали, что миряне должны участвовать в Поместных соборах, а Церковь не может связывать себя ни с какой формой государственного устройства. Что касается общественной жизни в стране, то «обновленцы» являлись сторонниками максимального участия в ней Церкви.

Позиция епископата в данном вопросе красноречиво выражена архиепископом Антонием (Храповицким) в письме к обер-прокурору Св. Синода П. П. Извольскому (от 10.III.1907), где владыка по поводу «записки 32-х Петербургских священников» (именно с этого заявления берет свое начало история обновленческого движения) заметил: «Я не хотел даже коснуться рукой печатного листка как чего-то крайне нечистого... Это уже совсем грубость и дерзость по отношению к Синоду». Далее архиепископ Антоний обозначает течение «обновленцев» как «вывеску кадетского направления духовенства», подчеркивая отрицательное влияние данного «союза» на православное духовенство в целом⁷. П. П. Извольскому, как явствует из его письма митрополиту Антонию (Вадковскому), пришлось даже предостеречь церковных иерархов от принятия «резких, поспешных решений» в отношении «братства», касающихся запрещения его деятельности. Обосновывал обер-прокурор Синода собственную точку зрения правом разъяснения членам «Союза церковного обновления» своей позиции по тем или иным вопросам⁸.

С другой стороны, идеи «обновленцев» имеют много общего с либеральным направлением церковной мысли, представленным отдельными членами Предсоборного Присутствия. В частности,

единство мнений обнаруживается в вопросе о предстоятеле РПЦ. «Союз церковного обновления» в своих программных документах выступал против восстановления патриаршества в России, предлагая широкую децентрализацию Церкви с периодически созываемым совещанием епископов и постоянным органом центрального управления, подобным Св. Синоду, но исключительно для целей координирования и общего направления всего церковного хозяйства. Симптоматично, что при голосовании общим собранием Присутствия вопроса о наименовании первоиерарха Русской церкви «либеральная часть» его выступила против установления должности патриарха со всеми вытекающими из этого последствиями⁹.

Подобная мысль высказывалась многими представителями церковной интеллигенции. В частности, Н. Н. Глубоковский в письме к В. В. Розанову замечал, что «патриаршая система исторически обусловлена, но вовсе не «богочужденная». Достаточно вспомнить, по мнению богослова, историю патриаршего периода в России в сравнении с синодальным, и станет очевидным следствие «умственного застоя и моральной спячки» при восстановлении первого в современных общественных условиях. «Иерархия пала во всех отношениях и никак не может служить образцом даже благочестия или добродетелей»¹⁰, – данный тезис Глубоковского подчеркивает противоречия, сложившиеся в начале века в системе РПЦ, разделяющие, с одной стороны, ее иерархию, и, с другой стороны, представителей «белого» духовенства и церковной интеллигенции.

Несмотря на разноликость позиций, обнаружившихся в проблеме соприкосновения Церкви и государства, в реальной общественной жизни осуществлялось их взаимодействие. По-разному рассматривая участие представителей Церкви в работе Государственной думы начала XX в., признавая за их позицией голос всего церковного общества либо лишь мнение отдельного священнослужителя, приводя различные доводы об «обмирщении» духовенства, все же в ходе этого процесса Церковь, преодолевая противодействие синодальной бюрократии, постепенно выходила из условий внутренней и внешней своей изоляции.

В количественном отношении депутатов духовного звания в Государственной думе было не так много. В I Думе это число составляло 19 человек, во II – 17, в III – 48, в IV – 49. Но даже этого числа духовенства, получившего депутатские мандаты, было достаточно, чтобы распространенное в обществе мнение об абсолютной реакционности данного сословия было поколеблено.

Практически весь спектр политических партий и движений, существовавших в российском обществе начала XX столетия и выплеснувшийся на трибуну парламента страны, был охвачен депутатами-священнослужителями. В I Думе представители иерархии РПЦ примкнули, условно говоря, к ориентации правых депутатов, священники – в основном к левому крылу и центристам. Во II Думе среди представителей православного духовенства было три кадета, четыре социал-революционера. Остальные распределялись в диапазоне между октябристами и крайне правыми. В III Думе священнослужители примыкали к прогрессистам (4 чел.), октябристам (9 чел.), умеренно правым (14 чел.), националистам (2 чел.) и правым (16 чел.). И, наконец, в IV Государственной думе 2 принадлежали к прогрессистам, 2 – октябристам, 2 – центристам, 19 – умеренно правым и 21 – правым¹¹.

При всем схематизме данного разделения, свободные выборы в первые две Думы показали, что «белое» духовенство, в отличие от более законопослушного епископата, в основном разделяло либерализм, царивший в то время в обществе. После же «третьеиюньского» кризиса 1907 г., когда были изменены критерии и цензы для избрания в Думу, а священнослужителям было категорически запрещено присоединяться к крайне левым партиям, общее «поправление» православного духовенства сделалось неизбежным.

Политические же пристрастия архиереев РПЦ были во многом сложившимися и стабильными. Причем надо отметить, что их монархическая направленность органически формировалась под влиянием ряда условий и обстоятельств их жизни, в частности аскетичного, традиционалистского уклада общежития. Характерной чертой этого времени в РПЦ явилось и получившее развитие в 1890-х гг. «новое монашество»

(«искусственное», по мнению Н. Н. Глубоковского), лидером которого был архиепископ Антоний (Храповицкий). Основным положением этого направления церковной мысли, по словам В. В. Розанова, являлся путь «небесного нигилизма», лежащего «в корне всяческих земных отрицаний и разрушений». И хотя данное направление не было преобладающим в монашеском духовенстве, развитие его в начале XX в. на исторической сцене симптоматично.

Важной вехой в отношениях Церкви и государства была предложенная на рассмотрение правительства обер-прокурором Св. Синода А. Д. Оболенским в марте 1906 г. идея «внепарламентского» церковного законодательства, т. е. своеобразного ограждения Церкви от Думы. Это был один из многих вариантов взаимоотношений духовной и светской части общества, находившийся в спектре либеральной мысли того времени. Конечной целью в этом направлении ставилась церковная автономия. На этих позициях стояли многие представители церковной интеллигенции. Так, профессор Московской духовной академии Н. А. Заозерский, ранее преподававший в Костромской семинарии, в одной из своих работ писал: «Церковь не должна быть ни параллельной государству, ни его частью»¹². Данное предложение не получило своего развития, так как уже в апреле 1906 г. произошла отставка Оболенского и правительство отказалось рассматривать этот вопрос.

Общественно-политические события 1905–1907 гг. во многом изменили сложившиеся представления о роли и месте Церкви в системе государственного устройства. Вопросы, поставленные в специально созванном для подготовки Всероссийского Поместного собора РПЦ Предсоборном Присутствии в 1906 г., отразили объективные тенденции к освобождению Церкви от вмешательства государства в ее внутренние дела, к ее самостоятельности как субъекта в российской истории. Возникновение внутри РПЦ в начале века обновленческого движения православного духовенства, различных братств и религиозно-политических течений, активное обсуждение проблем церковного устройства на государственном уровне свидетельствовали о широкой социальной базе рассматриваемого

процесса. Однако нерешенность основного вопроса – о созыве Поместного собора, призванного разрешить противоречия в каноническом устройстве Церкви в ее взаимоотношениях с государством, делало дальнейшие попытки изменения положения Церкви в обществе малоперспективными.

Примечания

¹ Митрополит Антоний (Храповицкий). Новый опыт учения о Богопознании. – СПб., 2002. – С. 233–236.

² Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. – М., 1994. – С. 173–174.

³ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. III. – СПб., 1906. – С. 19, 26, 42.

⁴ Этот взгляд на Церковь как «Царство не от мира сего – Царство Божие» и государство, как «царство земное» достаточно четко выражен в отзыве епископа Томского Макария. – См.: Отзывы епархиальных архиереев... Ч. III. – С. 360.

⁵ Там же. – С. 261.

⁶ К церковному собору. – СПб., 1906.

⁷ См.: Архиепископ Антоний (Храповицкий) – П. П. Извольскому. 10.III.1907. РГИА. – Ф. 1569. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 18об., 19.

⁸ См.: П. П. Извольский – митрополиту Антонию (Вадковскому). – РГИА. – Ф. 1569. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 6–7.

⁹ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Т. II. – СПб., 1906. – С. 590.

¹⁰ Н. Глубоковский – В. Розанову. 26.III.1905 // Сосуд избранный: Сб. док. по истории Русской православной церкви. – СПб., 1994. – С. 72.

¹¹ См.: Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX в. – М., 1995. – С. 31–32.

¹² Заозерский Н. Церковь и государство. – Сергиев Посад, б/г. – С. 6.

Л. Н. Заливалова

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
НАЧАЛА XX ВЕКА: Ф. А. КУРГАНОВ О ЛИБЕРАЛИЗМЕ

Интеллектуальная история России в предшествующей советской историографии обычно отождествлялась с историей идей и людей, которые противостояли идеологии и практике самодержавия. В исторических трудах о либерализме это идеологическое течение также рассматривалось через призму общественно-политической деятельности и мировоззрение видных теоретиков и опытных вождей. Из знакомства с новейшей историографической литературой следует, что начиная с 1990-х гг. интерес к исторической судьбе либеральных идей неуклонно растет, наметилась тенденция к переосмыслению традиционных концепций, усиливается поиск критериев оценки «русского либерализма» дооктябрьской эпохи¹. Сегодня исследователи акцентируют многослойность оттенков политического менталитета российского общества в начале XX в.² Одна из актуальных задач историографии – воссоздание целостной картины воззрений и эмоциональных оценок либерализма, имевших место в общественной мысли дооктябрьской России. В этом аспекте представляет интерес работа Ф. А. Курганова «Что такое либерализм?», впервые опубликованная в разгар революционных событий 1905 г., но едва ли известная широкому кругу исследователей³. Ее ценность, во-первых, в том, что здесь прослеживается реакция элиты части провинциального православного академического духовенства на либеральное и революционное движение. Во-вторых, для автора либерализм – идеологическое течение европейской мысли, которое он рассматривает как профессиональный историк. Ф. А. Курганов характеризует либеральные идеи, будучи их противником, а не как активный участник движения или его пропагандист.

Федор Афанасьевич Курганов (1844–1920) – крупный церковный историк, занимающий почетное место в истории отечественной науки⁴. Его научное наследие включает труды, охватывающие широкий круг вопросов европейской церковной истории в хронологическом диапазоне от раннего средневековья

до XIX в. Особое значение для русской историографии имели исследования, раскрывавшие характер связей и отношений духовной и светской власти в Византийской империи в IV–VI вв. Именно Федор Афанасьевич впервые обосновал материалом источников концепцию «византийской симфонии», диархии церкви и государства, открыв тем самым перспективы углубленного изучения специфики византийской и – шире – средневековой государственности. Церковно-исторические труды профессора Курганова и сохранившиеся свидетельства о нем современников оставляют у нас впечатление об ученом как человеке с глубокими и разносторонними знаниями, непоколебимо твердом в православной вере. В Казани он жил с юности, закончил здесь духовную академию, с увлечением занимался научной работой и преподавал в академии и университете. Из города выезжал редко и ненадолго в Петербург. Работа «Что такое либерализм?» на первый взгляд «выпадает» из сферы традиционных интересов церковного историка. Поэтому необходимо реконструировать обстоятельства ее появления.

В архиве Российской национальной библиотеки сохранились письма Федора Афанасьевича к редактору «Православной Богословской энциклопедии» Николаю Никоноровичу Глубоковскому⁵. Их анализ позволяет сделать вывод, что Курганов дал согласие подготовить для энциклопедии краткий очерк об истории либеральной школы в протестантской теологии. Изучением темы он начал заниматься в последние месяцы 1904 г. Два письма, отправленные Федором Афанасьевичем в Петербург и помеченные 30 марта и 19 мая 1905 г., начинаются с сообщения о ходе его исследований по этому вопросу, хотя в то же самое время он готовил для редакции и другие очерки⁶. Подготовленный материал был отправлен Глубоковскому в июне или августе 1905 г. Однако осенью Федор Афанасьевич нарушил договоренность, опубликовав первые части текста в ежемесячном петербургском журнале «Странник»⁷. О мотивах поступка можно судить по письму к Н. Н. Глубоковскому от 16 ноября 1905 г.: во-первых, Курганов сомневался, что очерк может быть опубликован в «Православной энциклопедии», во-вторых, он «решился опубликовать раньше... ради ее [темы. – Л.З.]

современного, так сказать, минутного значения, ради пользы общественной»⁸. Как видим, идея разработки темы принадлежала не Курганову, но в то же время обращение Глубоковского именно к нему вряд ли можно считать случайным. Это свидетельство высокого авторитета и эрудированности казанского профессора в проблематике европейской теологии. О степени идентичности содержания журнальной статьи и очерка для энциклопедии судить невозможно, так как материала, отправленного в редакцию Глубоковскому, найти не удалось. Отметим все же, что в брошюре «Что такое либерализм?» анализ документов местами заменяет простое их описание, а вместо логически выверенных выводов – эмоциональные оценки.

Не касаясь специально вопроса о мировоззрении историка, заметим, что он не принадлежал к общественно активной части академического духовенства, но и не был бесстрастным наблюдателем событий в России. На его глазах набирали силу массовые народные выступления, изменялось положение в университете, в церковной жизни. В Казанском университете учебный процесс был парализован с февраля 1905 г. (возобновился только спустя полтора года). Федор Афанасьевич преподавал церковную историю, а между тем со времени общероссийской студенческой забастовки 1899 г. студенты крайне редко появлялись в аудитории, куда он приходил читать лекции. По результатам анонимного анкетирования слушателей университета, проведенного в 1907 г., 68 % ответивших назвали себя «не разделяющими никакой религии»⁹. Ф. А. Курганов понимал, что страна переживает глубочайший системный кризис, и искал ответ на вопрос о судьбах и перспективе российской государственности и православной церкви. Либерализм, писал историк в начале своего труда, «стал главным учением нашего времени» и имеет «значение основной вероисповедной формулы так называемых “интеллигентных” кругов общества». Однако либеральная идеология несовместима с христианским вероучением, она «разлагает христианскую жизнь и поэтому заслуживает внимательного обсуждения»¹⁰.

Структурно работа разделена на три части: в первой дано разъяснение терминов «либерализм», «либеральный», «либерал»

в разные исторические эпохи (от античности до XIX в.). Кстати сказать, автор, совершенно в согласии с современными исследователями, делает вывод, что современный ему западноевропейский либерализм как идеологическое направление уходит корнями в феодальное общество и впервые проявился на религиозной почве европейской Реформации XVI в. «Стараниями» политических мыслителей, экономистов, литераторов и философов разных стран в XVII–XVIII вв. оно оформляется как идеологическое течение общественной мысли, обретает главные принципы. Поворотным пунктом в истории либерализма была Французская революция 1789 г. Главная ее движущая сила – буржуазия – стала носителем буржуазных идей, и с этого времени термин «liberalis» употребляется главным образом в отношении буржуазного либерализма¹¹. Во-первых, можно согласиться с Кургановым, что Реформация привела к новой интерпретации христианства и дала толчок развитию религиозного индифферентизма и скептицизма. Утверждение веры в качестве личной связи человека с Богом вело к субъективизму, разному пониманию догматики, а это в свою очередь способствовало росту свободомыслия и атеизма. Во-вторых, действительно, критика протестантских теологов имела большой общественный резонанс и важные практические последствия, среди которых и обращение мыслителей к ценностям «светской» культуры. В-третьих, историк совершенно верно подметил, что в XVIII в. теологи либеральной школы искали новую форму религии, чтобы приспособить христианскую церковь к изменившимся условиям общественной жизни. В упрек Федору Афанасьевичу можно было бы поставить явно одностороннее акцентирование отрицательных последствий европейской Реформации, обличение католической церкви, не сумевшей сохранить нерушимость апостольских заветов. Но это вряд ли будет справедливо, поскольку он был не только церковным историком, но искренним и убежденным православным верующим, а полемическая горячность – характерная черта академической богословской науки.

Далее Ф. А. Курганов выделяет и критически анализирует некоторые основные принципы либеральной идеологии. «Последовательно-принципиальный либерализм» выступает за

неограниченную свободу мысли, однако, на практике «религию он ограничивает свободой совести», а церковь «старается совершенно вытеснить из сферы общественной жизни». Один из главных принципов либералов – представить возможность каждому отдельному человеку оказывать наибольшее влияние на общественную жизнь, поэтому идеал либерализма – республиканское устройство государств. Но в борьбе за свои идеалы «у либералов исчезают всякие сомнения и перед революцией, как средством к осуществлению либеральных вожелений». В экономической области общественной жизни либералы требуют полной свободы труда, торговли, капитала, земельной собственности и т. д. Однако, писал Курганов, в реальной жизни, как показал европейский опыт, это невозможно. Мелкие собственники разоряются, не выдерживая конкуренции с крупным капиталом. «Свободная конкуренция порождает бедность», либералы лукавят, когда говорят, что свобода производства и свобода действий каждого «приведет» к богатству. Теоретически допуская свободу действий рабочих по отношению к предпринимателям, на практике либералы тотчас обращаются к государству, требуя защиты своей собственности. «Буржуазный либерализм стремится задержать образование самостоятельной организации рабочих»¹².

Вторая часть труда «Что такое либерализм?» посвящена оценке либерального движения в России. По мнению Федора Афанасьевича, «Русский либерализм служит отзвуком западноевропейского либерализма... сам же по себе он не дал ничего нового... главным проводником либеральных идей было и остается русское дворянство». Как полагал историк, идеи проникали в Россию с Запада еще с XVI в., но «их укоренение начинается с 60-х годов XIX века»¹³. Судьба государства для Курганова, как историка и как человека верующего, переплетена с судьбой церкви, он целенаправленно их объединяет. Предметом рассмотрения оказываются взаимоотношения властей духовной и светской. В Византийской империи впервые была выработана система оцерковленного государства при том, что церковь всегда отличалась от государства, представляя собой особый общественный организм со своими задачами. Беда России

сегодня, что «у власти, да и есть либералы... Наша так называемая “интеллигенция” бредит либерализмом...». При существующем положении дел [Курганов имеет ввиду события весны – лета 1905 г. – Л. З.], смятении умов и возмущения населения «пущена в ход тактика забастовок... Расчет таков: произвести революцию через приостановление жизни посредством забастовок... адский замысел»¹⁴.

Курганов видел в либерализме циничную власть немногих, скрывавшую свое презрение к традиционным ценностям народа за псевдодемократической риторикой. Он прекрасно понимал, что политика не может быть свободной от страстей человеческих и русские политики-либералы формулируют идеи в соответствии со своими конкретными целями. Он разбирает некоторые положения указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и записку С. Ю. Витте «О современном положении православной церкви в России», опубликованную в марте 1905 г. Оба документа Курганов оценивает резко отрицательно. С точки зрения их содержания, по его мнению, оба они «обеспечивают утверждение на практике принципов либерализма в России». Указ от 17 апреля хотя и объявляет православную веру господствующей, на самом деле «обращает государство в безрелигиозное». В вопросе о старообрядцах, о которых упоминает указ, государство – светская власть неправоммерно вторгается в сферу внутрицерковной жизни, что недопустимо¹⁵.

Записку С. Ю. Витте Федор Афанасьевич разбирает довольно подробно, полемизируя с автором по ряду вопросов¹⁶. Так, например, он высказал нехарактерную для большинства высших кругов духовенства точку зрения о значимости реформ Петра I в истории русской церкви. Будучи убежден в том, что внутрицерковная жизнь церкви не подчинена светской власти, Курганов отрицает превращение русской церкви в результате реформ в «орудие государственной политики». Император Петр I «отменил» патриаршество, но «заменял» его Синодом. Обер-прокуроры были «люди разные и некоторые желали бы превратить в церковь в орудие государственной политики». Однако члены Синода, «имея за собою всю православную верующую Россию, “кряхтя и потея”, сумели сохранить православную веру, так

что русская церковь есть Церковь, а не государственно-полицейское учреждение». Ф. А. Курганов останавливается довольно подробно на предложении С. Ю. Витте о созыве всероссийского церковного собора. Он отмечает слабую осведомленность и даже незнание Витте современной церковной жизни европейских христианских церквей.

Таким образом, Курганов отражает в своей работе позицию той части духовенства и населения, которая была убеждена, что политические традиции России коренятся в идеале православного государства, воспринятом от Византийской империи. Либералы, находящиеся ныне у власти, и те, кто их поддерживает, отказываются от исторической традиции и тем самым могут довести страну до гибели. В связи с этим Курганов обращал внимание читателя и на непродуктивную позицию самой православной церкви. Католическая церковь «с научных позиций всегда выступала с осуждением либерализма», протестанты «благоразумно замалчивают о неприглядных сторонах» либеральных идей. Восточная православная церковь также предупреждает паству об опасностях следовать либеральной идеологии. Русская церковь до сих пор не высказала своего отношения к либерализму и его пропагандистам, а «от замалчивания кроме усиления зла иного ожидать трудно»¹⁷.

Подведем некоторые итоги. Видный богослов и историк Федор Афанасьевич Курганов занимал критическую позицию по отношению к либерализму – одному из господствовавших течений общественной мысли России начала XX в. Он констатировал широкий религиозный индифферентизм образованных кругов российского общества и видел давно назревшую необходимость восстановления духовных связей интеллигенции с церковью и народом. Политически активная либеральная интеллигенция выступает, в его представлении, как сила враждебная государственному строю, церкви, всем историческим традициям, которые «скрепляют» Российскую империю. Если акцентировать внимание на том, что либеральная идеология несла только прогресс общественного развития страны, а консервативная – это регресс, то Курганов, безусловно, консерватор. Однако, как видно, одна из причин такой его позиции – тяготение либеральных

мыслителей к атеизму. В кризисную эпоху положение церкви в государстве естественно вызывало критику образованной элиты русского общества. Однако православная церковь не могла и не хотела заниматься специальной разработкой общественных проблем, созданием своей социальной программы. Ей нечего было предъявить своим критикам и идеологическим противникам. Призывая церковных иерархов высказаться публично о либерализме в России, Курганов констатировал, что общество видоизменилось и церковь не может оставаться к этому безучастной без серьезного ущерба для себя. Существенно важно, что в условиях общего кризиса в стране теологические проблемы приобретали политическое значение: Н. Н. Глубоковский намеревался поместить очерк о либеральной теологии в такое популярное издание, как «Православная Богословская энциклопедия», а Ф. А. Курганов в своей работе о либерализме по существу призывал церковных иерархов определиться, с какими силами связать себя – с традиционным самодержавием или либеральной буржуазией.

Примечания

¹ Напр.: Габидулина Н. Либерализм в России (историко-философский анализ) // Вестн. высш. шк. – 1992. – № 7; Либерализм в России. – М., 1996; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. – М., 1999 и др. На русский язык переведена монография В. В. Леонтовича «История либерализма в России» (М., 1995). Также см.: Карпи Г. Были ли славянофилы либералами? // Вопр. истории. – 2002. – № 9. – С. 112–119.

² В частности: Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. – М.: РОССПЭН, 2003.

³ Курганов Ф. А. Что такое либерализм? // Странник. – 1905. – № 10–12. Отдельное издание – СПб., 1906. Далее мы цитируем труд историка по этой публикации. «Странник» – духовный научно-литературный журнал, издавался с 1860 г. ежемесячно в Петербурге. С 1899 г. редакцию возглавил известный богослов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии А. П. Лопухин (1852–1904). По его инициативе в качестве приложения к журналу началось издание «Православной Богословской энциклопедии».

С 1905 г. редактором журнала стал С. А. Артемьев, а продолжением издания энциклопедии занимался крупный церковный историк Н. Н. Глубоковский (1863–1937).

⁴ Подробнее см.: Заливалова Л. Н., Лебедева Г. Е. Из истории русской церковно-исторической науки: Ф. А. Курганов (1844–1920) // Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе. Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново, 1988. – С. 181–204.

⁵ Личный фонд Н. Н. Глубоковского в Архивном собрании Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 562.

⁶ Ф. 194. – Оп. 1. – Ед. 562. – Л. 4, 5.

⁷ См. выше прим. 3.

⁸ Ф. 194. – Оп. 1. – Ед. 562. – Л. 6.

⁹ Казанский университет. 1804–1979. (Очерки истории). – Казань, 1979. – С. 31, 32.

¹⁰ Курганов Ф. А. Указ. соч. – С. 1.

¹¹ Там же. – С. 6–19, 20, 25, 27, 41.

¹² Там же. – С. 27, 28, 31–33, 37–39.

¹³ Там же. – С. 57, 117.

¹⁴ Там же. – С. 61.

¹⁵ Там же. – С. 103.

¹⁶ Там же. – С. 115–120.

¹⁷ Там же. – С. 97–103, 125.

И. С. Наградов

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ В НАЧАЛЕ XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Исследователи считают началом нового периода во взаимоотношениях старообрядцев и власти издание Высочайшего манифеста 26 февраля 1903 г. Манифест подтверждал привилегированное положение православной церкви, но и другие

вероисповедания получали право свободно вести богослужение¹. Указы 12 декабря 1904 г. и 17 апреля 1905 г. считаются первыми шагами постепенной легализации староверия. Первый указ предлагал Сенату пересмотреть законодательство в пользу «раскольников». Второй - ликвидировал само наименование старообрядцев «раскольниками», разрешил переход из православия в другие христианские вероучения, установил общие правила строительства и ремонта культовых зданий для всех христианских конфессий. Все закрытые в административном порядке молитвенные здания распечатывались².

Манифесты 1903 – 1904 гг., как и Манифест об усовершенствовании государственного строя от 17 октября 1905 г., при всей своей значимости, лишь декларировали облегчение положения старообрядцев. Реальные изменения зависели от дальнейших законодательных актов, циркуляров различных ведомств и их реализации местными властями.

Цель нашей работы – определить, как реализовывалась государственная политика в отношении старообрядцев на местах, какие претерпевала при этом изменения и как это влияло на развитие старообрядчества.

Идеи вышеуказанных манифестов были конкретизированы в Именном Высочайшем указе Правительствующему Сенату от 17 октября 1906 г. В нем староверам разрешалось свободное осуществление обрядов и создание общин.

Для создания общины необходимо было подать заявление в губернское правление, подписанное не менее чем 50 лицами. Общине предоставлялось право избирать духовное лицо, сооружать храмы, богадельни и школы, приобретать недвижимость, образовывать капиталы, заключать договоры. Таким образом, старообрядческая община получала статус юридического лица.

Главный орган управления общины – общее собрание. Оно решало, кто будет руководить общиной – совет общины или духовное лицо (наставник, настоятель). Собрание имело право увольнять духовное лицо, избирать доверенных лиц для проверки отчетности и метрических книг. Метрические книги ежегодно должны были отсылаться в губернское правление для проверки.

На совет так же возлагалась обязанность исполнять решения общего собрания, составлять сметы расходов и доходов, содержать храмы, собирать пожертвования³.

Однако не все положения данного указа устраивали старообрядцев. В 1909 г. в Государственной думе был разработан новый закон о старообрядцах. Предполагалось уменьшить количество лиц, необходимых для регистрации общины, с 50 до 12, устранить разрешительный характер регистрации общин и ввести явочный. Планировалось перенести регистрацию общин из губернских правлений в особые присутствия по обществам и союзам; регистрировать, а не утверждать духовных лиц⁴. Государственный Совет, в котором, как известно, преобладали консервативные деятели империи, не утвердил нововведения⁵.

По нашим подсчетам, за период 1907–1915 гг. старообрядцы зарегистрировали на территории Костромской губернии 32 общины. Из них 14 общин были зарегистрированы в течение 1907 г., что говорит о стремлении старообрядцев использовать полученную свободу вероисповедания. В 1908 г. было зарегистрировано только 6 общин⁶. Снижение темпов регистрации можно объяснить окончанием революции и ужесточением государственной политики в отношении старообрядцев после «третьеиюньского» переворота. Кроме того, в основном, регистрировались поповские общины, стремившиеся занять лидирующие позиции в старообрядчестве и использующие для этого политическую ситуацию. Беспоповцы опасались вступать с государством в тесные отношения, что связано с их учением об антихристе. В Ярославской губернии к октябрю 1914 г. было зарегистрировано 13⁷, а к апрелю 1915 г. – 15 общин. При этом поповские общины так же преобладали⁸.

Власти, пережив первую русскую революцию и предоставив под ее давлением гражданские свободы, в дальнейшем не хотели идти на какие-либо уступки. Уязвимым местом уже принятых законов была их реализация. Используя административные рычаги, правительство пыталось сдерживать развитие старообрядчества. Рассмотрим, как это проявлялось в пяти важных сферах жизни старообрядческих общин.

Храмостроительство и пожертвования

В соответствии с указом 17 октября 1906 г., для сооружения старообрядческих храмов необходимо было постановление общины и проект в соответствии со строительным уставом. К тому же на постройку нового храма требовались значительные средства. Недостаток средств был одной из главных причин, сдерживавших развитие провинциальных общин. Власти воспользовались этим. В указе 1906 г. было сказано, что совет общины может организовывать сбор пожертвований, но процедура получения разрешения на это не прописана. Это связано с тем, что МВД разрабатывало общие правила сбора пожертвований для всех вероисповеданий⁹. Вероучениям, обладающим церковной иерархией, сбор пожертвований должно разрешать их собственное церковное начальство. Вероучениям, не имеющим иерархии, разрешать сбор денег должно было губернское начальство. Впредь до утверждения законопроекта все дела о сборе пожертвований должны были поступать в МВД. Дальнейшая судьба законопроекта неизвестна. В любом случае, даже при принятии такого закона старообрядцы не могли самостоятельно собирать пожертвования. Беспоповцы и беглопоповцы не имели церковной иерархии. Австрийская иерархия официально не признавалась властями¹⁰. Старообрядцы белокриницкого согласия неоднократно заявляли Костромскому губернскому правлению, что они признают решения Вселенских соборов, установивших церковную иерархию. Следовательно, назначать и увольнять священников может только епископ, а вовсе не община. Правление на это отвечало, что епископ Нижегородский и Костромской Иннокентий является рядовым духовным лицом, так как «закон о старообрядческих епископах вовсе ничего не говорит, и таковых губернское правление признавать высшей духовной властью не может»¹¹. Таким образом, МВД ограничивало сбор средств. Например, когда четыре костромских общины обратились с прошением разрешить им сбор пожертвований от 2 000 до 5 000 рублей на территории Костромской, Вятской и Нижегородской губернии, министерство внутренних дел в марте 1911 г. разрешило сбор только в Костромской губернии и только среди старообрядческого населения¹².

А 6 декабря 1912 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД разослал циркуляр, предписывавший общинам ежегодно составлять ведомость о пожертвованиях и доставлять их в губернское правление, причем сведения о кружечном и тарелочном сборе вносить в ведомость не полагалось¹³.

Таблица 1

*Пожертвования в пользу старообрядческих общин
Ярославской губернии в 1912 и 1914 гг.*

Община	1912 ¹⁴	1914 ¹⁵
Старообрядческая община д. Сидорово Даниловского уезда	–	На обучение детей – 250 руб.
Троицкая старообрядческая община г. Рыбинска	–	На постройку храма (по духовному завещанию) – 1 000 руб.
Никольская старообрядческая община д. Балуйки Пошехонского уезда	На постройку храма – 200 кв. саж. земли; 1863 руб.; стройматериалы	Деревянное масло для освещения икон; на поддержание старообрядческой школы – 50 р.; деревянный дом для церковного сторожа – 1 100 руб.

Отсутствие прямого законодательного запрета привело к быстрому росту числа старообрядческих культовых зданий. В 1906–1917 гг. австрийцы достроили и построили 4 храма в Костромском и Варнавинском уездах Костромской губернии. Беглопоповцы построили так же 4 храма в Варнавинском уезде¹⁶. В Ярославской губернии австрийцы построили по одному храму в Пошехонском и Даниловском уездах¹⁷. Спасовцы в 1907 г. с разрешения властей строили молитвенный дом при д. Маслово Пошехонского уезда Ярославской губернии¹⁸.

Метрические книги

Гражданское состояние населения регистрировалось в метрических книгах православным духовенством. С 1874 г. учет рождений, браков и смертей старообрядцев был возложен на

уездные полицейские управления. Однако качество учета оставляло желать лучшего. За десять лет, с 1895 по 1904 г., в Костромской губернии была сделана всего 41 запись в этих документах¹⁹. Причиной этого было нежелание полиции вести старообрядческие метрические книги. На это жаловались старообрядцы в 1880 г.,²⁰ это же отмечал губернатор при ревизии метрических книг в 1905 г. По мнению губернатора, полиция неверно трактовала циркуляр МВД от 13 января 1895 г., где говорилось о желательном оповещении приходского духовенства о намерении старообрядцев сделать запись в метрической книге. Полиция же посчитала, что теперь можно не записывать старообрядцев в метрические книги вовсе²¹. Правда, это больше похоже на отговорку, за которой скрывается нежелание «портить» официальную статистику.

В 1906 г. обязанность вести метрические книги была возложена на старообрядческие общины. Запись актов гражданского состояния старообрядцев, не объединенных в общины, должны были производить полицейские управления и городские управы. Старообрядцы по-прежнему не спешили регистрироваться в этих книгах. Судя по всему, ситуация не менялась вплоть до Первой мировой войны²². Со стороны управлений и после указа 1906 г. не было желания регистрировать старообрядцев в метрических книгах. Так, Пошехонское управление Ярославской губернии отказывало старообрядцам д. Золотилово в записи рождений, браков и смертей в метрические книги. Старообрядцам пришлось обращаться с жалобой в губернское правление, которое и указало управлению на неправомерность таких действий²³. Но это мало повлияло на желание полиции заниматься рутинной работой. До начала 1910 г. ни одно управление не прислало в Ярославское губернское правление прошение о высылке метрических книг для записи актов гражданского состояния старообрядцев. Только после циркуляра правления 15 января 1910 г. пришло 20 заявлений на высылку метрических книг для полицейских управлений и городских управ²⁴.

Основной причиной обращения старообрядцев в полицейские управления для записи в метрические книги была необходимость передачи собственности по наследству. Чаще всего это требовалось купцам, мещанам и богатым крестьянам. Так, в 1913 г.

рыбинский купеческий сын Василий Константинович Масленников через присяжного поверенного С. И. Крашенинникова просил Ярославское губернское правление выдать ему выписку из метрической книги о том, что 21 февраля 1877 г. он вступил в брак с Александрой Александровной. Выписка требовалось для Ярославского окружного суда «по наследственному делу»²⁵. В 1914 г. крестьянин Любимского уезда Ярославской губернии д. Андрюкова Николай Львович Полевой просил губернское правление выдать ему справку о смерти его бабушки для «утверждения в правах наследства»²⁶. Были и другие причины обращения старообрядцев в полицейские управления для записи в метрические книги. Ярославский купец Иван Семенович Кашин в 1914 г. просил выдать справку о рождении дочери Надежды для поступления той в учебное заведение²⁷. В 1905 г. ярославский мещанин Яков Емельянович Шмыров обратился в губернское правление с просьбой выдать ему справку о законности его брака, заключенного в 1885 г., с романо-борисоглебской мещанкой Александрой Семеновной Разсоловой, хотя брак и не был записан в метрические книги. Без справки детям Шмырова не давали паспорта, а старшего сына Владимира власти высылали из Гатчины, где он работал. Правление предложило просителю обратиться в суд²⁸. Впрочем, по суду можно было доказать законность брака и рождения детей, представив свидетелей. Так, Ярославский окружной суд признал законным брак крестьянина Василия Егоровича и Евлампии Николаевны Комляковых, заключенного в Рыбинске 20 сентября 1881 г.²⁹

В зарегистрированных старообрядческих общинах заполнение метрических книг осуществлял священник или наставник. Ежегодно губернское правление высылало новые книги, заказанные им в губернской типографии. Каждый год копии метрик доставлялись общиной в Губернское правление, где проверялись и сдавались в архив. Если были замечены какие-либо недочеты, книги возвращались в общину для исправления³⁰. Недочеты встречались достаточно часто, что побудило Костромское губернское правление в начале 1910 г. напомнить наставникам и настоятелям старообрядческих общин о судебной ответственности за неправильное ведение метрик. Губернское правление указывало на следующие часто встречающиеся ошибки: «...не записаны в некоторых книгах свидетели

бракосочетавшихся, восприемники родившихся и не указано место погребения умерших и, наконец, во многих случаях не значится в последней графе каждой книги подписей лица, совершившего обряд.... Кроме того, духовные лица... несвоевременно доставляют в губернское правление для засвидетельствования метрические книги на следующий год»³¹. Важность сделанных ошибок определяется тем, что отсутствие информации о месте захоронения, свидетелях рождения ребенка могло скрывать уголовные преступления.

Записи актов гражданского состояния необходимы были государству для контроля демографических процессов. Однако организовать эффективный сбор информации органам власти (полицейским управлениям) не удалось. Старообрядческие объединения, основанные на принципе общинности и самостоятельности, гораздо лучше справлялись с этим делом, хотя и допускали ошибки в ведении книг. Сама запись не встречала препятствий бюрократического характера, совершалась после «истинных» обрядов, проведенных старообрядческим священником. Необходимость избегать записи в метрические книги отпадала сама собой.

Переход в старообрядчество

Указом 17 апреля 1905 г. было объявлено, что переход из одного христианского вероисповедания в другое не преследуется законом. Более конкретные указания последовали 25 июня 1905 г., когда Николай II утвердил положение комитета министров о правилах перехода. В августе того же года МВД разослало циркуляр с правилами по губерниям.

Порядок перехода из православия в другое христианское исповедание, и прежде всего в старообрядчество, был установлен следующий, лицо желающее перейти в другую веру, должно было подать в губернское правление прошение. В прошении следовало указать Ф.И.О., место жительство, принадлежность к православному приходу и в какую старообрядческую общину происходит переход. Сведения о православном приходе были необходимы, чтобы губернское правление сообщило епархиальному начальству о факте перехода. Консistorия давала команду приходскому причту «увещевать» отщепенца остаться

в православии. Тем временем заявление в течение месяца должно было быть передано настоятелю старообрядческой общины для исполнения. Нельзя было присоединять несовершеннолетних от 14 до 21 года. После присоединения старообрядческое духовное лицо, присоединившее неопита, обязано было сообщить правлению о дате совершения обряда³². После присоединения губернатор давал распоряжение консистории исключить вновь присоединенного из православных метрических книг, а волостному правлению сделать соответствующие отметки в гражданских документах. А 12 марта 1912 г. МВД разослало циркуляр о выдаче удостоверений о переходе в старообрядчество³³.

В 1907 г. потребовалось издать дополнительные циркуляры, призванные скорректировать применение правил на практике. Так, 5 ноября Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД приказал губернским правлениям требовать от присоединяющих неопита духовных лиц удостоверения о допустимости принятия его в лоно новой церкви. Связано это с тем, что имелись случаи отказа от принятия нового члена по каноническим мотивам уже после того, как человек был исключен из метрических книг. Таким образом, человек становился не принадлежащим ни к одной религии³⁴. А 12 ноября Департамент духовных дел разослал губернским правлениям циркуляр о разрешении старообрядцам и сектантам переходить в инославные христианские исповедания. Предыдущие указы такую возможность не рассматривали³⁵.

После разрешения старообрядцам создавать общины требовалось тщательно контролировать процесс развития этих общин. Первоначально губернские правления в соответствии с циркуляром Департамента духовных дел МВД от 24 апреля 1909 г. собирали сведения о простом количестве отпадений в инославие и иноверие в губерниях по уездам³⁶. Известно, что за 1910 г. в Ярославской губернии в старообрядчество перешел 171 мужчина и 331 женщина³⁷.

Циркуляр Министра внутренних дел от 7 сентября 1912 г. обязал губернские правления доставлять в МВД сведения об отпавших от православия в инославие и иноверие лицах с указанием их профессий. А 17 января 1913 г. было утверждено приложение к циркуляру, содержащее форму подобных отчетов.

В отчетах должно было содержаться число лиц, отправших в каждом уезде в другие религии по роду деятельности (крестьяне, фабричные рабочие, заводские рабочие, мелкие ремесленники, домашняя прислуга, низшие железнодорожные служащие и прочие профессии), и по половой принадлежности (мужчины, женщины, малолетние)³⁸.

Таблица 2

Количество переходов из православия в старообрядчество в Ярославской губернии в 1913 – 1914 гг.

Профессия	1913 ³⁹		1914 ⁴⁰	
	м	ж	м	ж
Земледельцы	20	23	25	90
Фабричные рабочие	–	–	1	–
Остальные профессии	6	18	5	12
Итого	26	41	31	102

Таблица 3

Количество переходов из православия в старообрядчество в Костромской губернии в 1913 и 1916 гг.

Профессия	1913 ⁴¹		1916 ⁴²	
	м	ж	м	ж
Земледельцы	29	43	6	14
Фабричные рабочие	2	3	–	1
Заводские рабочие	2	1	1	–
Ремесленники	2	3	1	–
Прислуга	3	5	–	–
Остальные профессии	1	2	1	1
Малолетние	15	10	5	4
Итого	54	67	14	20

Губернское правление дважды доводило до сведения старообрядческих настоятелей и наставников зарегистрированных общин правила о переходе циркулярами от 3 ноября 1909 г. и 28 февраля 1913 г.⁴³ Однако старообрядцы постоянно нарушали порядок присоединения. Сначала проводился обряд, и только затем направлялось прошение. Об этом с возмущением писало

Костромское Православное Федоровско-Сергиевское братство: «Закон, установленный на предмет перечисления из православия в старообрядчество, раскольниками явно обходится. Так же их духовными лицами никогда не принимаются во внимание сроки увещевания о перечислении совратившихся в раскол и заявления о перечислениях совратившихся в раскол обычно подаются уже по присоединении к расколу лишь для соблюдения последней формальности»⁴⁴.

Духовная власть не желала, чтобы старообрядцы знали, как правильно присоединять неофитов. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД указом от 24 ноября 1909 г. предписал губернаторам сообщить старообрядцам, не объединенным в общины, о правилах перехода из православия⁴⁵. В исполнение этого указа в губернии были напечатаны листы с правилами перехода. Узнав об этом, Федоровско-Сергиевское братство обратилось к старшему советнику губернского правления Токмачеву с просьбой не отсылать листы в общины. Мотивировало оно свое мнение тем, что население воспримет их «...в смысле властного приглашения к переходу в старообрядчество и сектантство». Токмачев устно обещал не рассылать листы, о чем сообщил и епископу Тихону при личной встрече⁴⁶. Однако правила были разосланы в июле 1910 г. наставникам старообрядцев, не объединенных в общины, через уездных исправников⁴⁷. Несмотря на личное расположение некоторых чиновников к православной церкви, местная власть не могла все же саботировать исполнение какого-либо указа МВД.

В фонде Костромского губернского правления нами обнаружена информация о 21 случае присоединении к старообрядчеству не по правилам за период 1911–1916 гг.⁴⁸ Это далеко не полные данные. Тем не менее, собранные сведения позволяют сказать, что старообрядческие настоятели не спешили соблюдать постановления власти. Кузьма Платонович Москвин наиболее активно среди других священников присоединял желающих к старообрядчеству. Он же постоянно нарушал правительственные распоряжения о порядке присоединения. Это факт так же отметило Костромское Православное Федоровско-Сергиевское братство в 1910 г.⁴⁹ При этом до 1911 г. мы не встречаем дел о преследовании старообрядческих

наставников за совершение православного не по правилам. Это объясняется тем, что правила о переходе из православия в другие христианские вероисповедания впервые были сообщены наставникам указом Костромского губернского правления от 3 ноября 1909 г. На основании этого К. П. Москвин, обвиняемый в неправильном присоединении к старообрядчеству в 1908 г. супругов Кубашиных, в 1916 г. был оправдан⁵⁰. Если же дело доходило до суда, наставники, уличенные в подобном проступке, подвергались штрафу и даже отстранению от должности⁵¹.

Какие-либо ограничения в выборе веры отменило Временное правительство указом 20 марта 1917 г. В связи с этим все, находящиеся в производстве дела о переходе в старообрядчество, были прекращены⁵².

Несмотря на предоставленную свободу вероисповедания, гражданская власть находилась на стороне официального православия. Об этом свидетельствуют различные ограничения: разрешительный характер перехода, запрет перехода для лиц от 14 до 21 года, оповещение властями духовенства для увещевания прихожан. Вообще, само участие гражданской власти в этом деле свидетельствовало о поддержке ею официальной церкви. Это отражало реалии того дня, так как Русская православная церковь не была еще отделена от государства. Тем не менее, процесс перехода из православия в старообрядчество имел место. Ежегодно в Костромской и Ярославской губерниях в старообрядчество переходило несколько десятков человек. Причем в годы Первой мировой войны количество переходов снижается. Это связано с тем, что за десять лет веротерпимости большинство бывших «тайных раскольников» перешли в старообрядчество.

Образование

Указ 17 апреля 1905 г. разрешил старообрядцам открывать начальные школы⁵³. Министру народного просвещения было поручено разработать законопроект о старообрядческих школах. До этого на основании указа того же министра от 12 февраля 1906 г., в случае подачи старообрядцами прошений, школы нужно было разрешать⁵⁴.

Старообрядцы уделяли вопросу образования подрастающего поколения большое внимание. В Москве функционировало

братство Честного и Животворящего Креста Господня. Оно было своеобразным информационным центром, помогающим провинциальному старообрядчеству устраивать школы. Братство же организовало вечерние классы для подготовки учителей-старообрядцев⁵⁵. В 1912 г. в Москве на Рогожском кладбище был открыт старообрядческий шестиклассный институт для подготовки старообрядческих педагогических кадров⁵⁶.

Тем не менее, старообрядческих школ не хватало. Дети старообрядцев учились в православных школах, не посещая только уроки по Закону Божию. В 1911 г. были опубликованы правила о допущении в средние и низшие учебные заведения особых преподавателей по Закону Божию, славянскому чтению и пению для детей старообрядцев. Эти учителя допускались в педагогические советы с правом голоса по вопросам, касающимся старообрядческих детей. Для этого учителя должны были соответствовать образовательному цензу иметь среднее или высшее образование.

Костромские старообрядцы-австрийцы смогли организовать два учебных заведения. Первое открылось 16 ноября 1908 г. в д. Стрельниково Костромского уезда. Костромское земство выделило на строительство 2 000 рублей, еще 2 000 рублей собрали староверы. Лесной департамент предоставил строевой лес. 4 октября 1910 г. училище переехало в новое здание. К 1910 г. в нем обучалось 65 человек, из них 30 – крюковому пению⁵⁷. Второе учебное заведение располагалось в с. Шитово Варнавинского уезда. Известно, что до 1912 г. Оно находилось в доме настоятеля Шитовской старообрядческой общины М. З. Виноградова. В училище обучалось 60 – 65 девочек и мальчиков. Расширение деятельности школы вызвало конфликту старообрядцев с администрацией соседней школы в с. Карпово. На М. З. Виноградова учительницей карповской школы была подана жалоба губернскому правлению. Старообрядческий священник обвинялся в том, что активно переманивал в свое училище учеников карповской школы, из-за чего количество учеников в ней сократилось с 70 до 39 человек. Учительницу поддержал и инспектор народных училищ. Итог конфликта неясен⁵⁸. Брачные поморцы в с. Шадрино Макарьевского уезда организовали школу не

позднее 1910 г. Она находилась в доме местного иконописца И. А. Золотарева. В 1910 г. и 1911 г. школу закрывали, причем последний раз Золотарева и его жену оштрафовали на 4 рубля. Проблема заключалась в том, что среди старообрядцев не было ни одного человека со званием учителя и открыть общеобразовательную школу на основании указа министра народного просвещения от 12 февраля 1906 г. они не могли⁵⁹. В Ярославской губернии достоверно известно о существовании одной старообрядческой школы⁶⁰. В октябре 1914 г. в д. Заемье Тарасовской волости Пошехонского уезда была открыта школа для детей старообрядцев-австрийцев Никольской общины. Но, по сведениям исправника, из 12 обучающихся детей 9 были православными, а 3 единоверцами. Восемнадцатилетний учитель Александр Михайлович Бобылин занимался обучением детей, не имея профессионального образования. Школа была тут же закрыта, а против молодого учителя возбуждено уголовное дело⁶¹.

Организация старообрядческой школы была возможна, но сопряжена с определенными трудностями. Учительский институт появился у старообрядцев-австрийцев только в 1912 г., а другие направления старообрядчества не имели такого вовсе. Образовать же общеобразовательную школу без наличия профессиональных учителей было не возможно. С одной стороны, земство поддерживало создание старообрядческих школ, с другой – их существование не устраивало представителей православного образования и приводило к конфликтам.

Возвращение конфискованного имущества

С 1858 г. действовал указ Синода о конфискации старообрядческих книг, икон и церковных принадлежностях. Отобранные книги, иконы и церковная утварь подлежали осмотру в консистории. По ее решению вещи могли быть возвращены хозяевам или переданы в единоверческие храмы, если не противоречили православию. Если же в изъятых книгах или иконах обнаруживали отклонение от официального вероучения, то их оставляли в консистории или уничтожали⁶².

16 декабря 1906 г. в связи с многочисленными прошениями старообрядцев о возвращении им конфискованных вещей,

Департамент общих дел МВД предписал губернаторам собрать сведения, где находятся книги, иконы и церковные принадлежности⁶³. Одновременно с этим начался и процесс частичного возвращения старообрядцам их имущества. В декабре 1905 г. исправник Любимского уезда Ярославской губернии возвратил крестьянам д. Андрюково 25 предметов из 123 конфискованных с 1875 по 1880 гг.⁶⁴ В 1906 г. даниловским исправником были возвращены хозяйке 25 книг, отобранных в 1893–1894 гг. у заведующей филипповской моленной в д. Зименки Даниловского уезда Марии Ивановны Кунагиной⁶⁵. Если же вещи хранились в консистории, то губернатор, на чье имя подавалось прошение о возврате, отсылал просителя к духовным властям. В этом случае прошения не всегда удовлетворялись. Так, Ольге Максимовой Матросовой, проживающей в доме утличской купчихи Анны Ивановны Выжиловой, сообщили, что ее книги, конфискованные в 1889 г., отосланы в консисторию, а затем в семинарскую библиотеку. На этом переписка прекратилась. В 1852 и 1854 гг. из Андроновской богадельни в г. Ярославле было изъято несколько сотен икон. Изъятые в 1854 г. 202 иконы были отосланы в консисторию. Однако дела о получении икон в архиве консистории не было обнаружено и судьба икон осталась неизвестной. В 1889 и 1902 гг. из богадельни снова были вывезены иконы и книги. Хозяевам удалось их вернуть, вероятно, в 1907 г.⁶⁶

В целом взаимоотношения старообрядцев и гражданской власти были сдержанными. Главную роль в осуществлении конфессиональной политики играло МВД. Как только завершились революционные события 1905–1907 гг. министерство приступило к политике контроля над старообрядчеством. Отменить принятые указы 1905–1906 гг. власть не могла. Однако в ее силах было не допустить дальнейшего расширения законодательных прав старообрядцев и сдерживать бурное развитие старообрядческих общин и организаций путем административных проволочек. Правительство пыталось контролировать финансовые потоки старообрядческих общин, а через них строительство храмов. Была ограничена возможность перехода в старообрядчество. Явного контроля над старообрядческими школами в Костромской губернии мы не обнаружили. Однако имели место частые конфликты между старообрядцами и местными властями.

Возобновление контроля со стороны власти не помешало старообрядцам воспользоваться свободой совести. На территории Костромской губернии было создано 32 общины, построено и восстановлено как минимум 8 храмов, открыто три учебных заведения. На территории Ярославской губернии было создано 15 общин, построено не менее 3 храмов, открыта школа.

Примечания

¹ Ершова О.П. Старообрядчество и власть. – М., 1999. – С. 176.

² Там же. – С. 176, 180, 181.

³ Высочайший указ Правительствующему Сенату. О порядке устройства общин последователями старообрядческих согласий и обязанностях сих лиц // Костромские епархиальные ведомости. – 1906. – 1 декабря. – С. 420–430 (далее – КЕВ).

⁴ Из Государственной думы // КЕВ. – 1909. – 1 июня. – С. 363.

⁵ Старообрядческий вопрос в Государственном Совете // КЕВ. – 1910. – 1 июля. – С. 422–423.

⁶ Наградов И. С. Регистрация старообрядческих общин в Костромской губернии в 1906 – 1917 гг. // Старообрядчество: история, культура, современность. Т. 1. – М.: Би., 2005. – С. 248 – 257.

⁷ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 4288. – Л. 37 – 38.

⁸ ГАЯО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 4375. Л. 15 – 16.

⁹ Вероятно, законопроект предусматривал процедуру разрешения только кружечного и тарелочного сбора.

¹⁰ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 2-а. – Д. 54. – Л. 75 – 76 об.

¹¹ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 2-а. – Д. 60. – Л. 27 об.

¹² ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 2-а. – Д. 54. – Л. 86, 86 об., 93.

¹³ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 4288. – Л. 36.

¹⁴ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 3904. – Л. 164 – 165.

¹⁵ Там же. – Л. 53 – 56; ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 4375. – Л. 43.

¹⁶ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 2-а. – Д. 54. – Л. 36, 37, 67 об.; Д. 55. – Л. 48 об., 49, 52, 74, 74 об.; Д. 58. – Л. 71, 73.

¹⁷ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 3904. – Л. 55; ГАЯО. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 2175. – Л. 1.

¹⁸ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 3659. – Л. 9.

- ¹⁹ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 80. – Л. 15.
- ²⁰ ГАКО. – Ф. 134. Оп. 2-а. – Д. 24. – Л. 6.
- ²¹ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 80. – Л. 16.
- ²² ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 2-а. – Д. 37. – Л. 1.
- ²³ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 3580. – Л. 3 – 4 об.
- ²⁴ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 3952. – Л. 1 – 195.
- ²⁵ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 4288. – Л. 5 – 7.
- ²⁶ Там же. – Л. 18.
- ²⁷ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 4288. – Л. 17.
- ²⁸ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 3451. – Л. 20 – 23.
- ²⁹ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 3952. – Л. 208 – 208 об.
- ³⁰ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 2-а. – Д. 60. – Л. 15.
- ³¹ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 1. – Д. 220. – Л. 66 об.
- ³² ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 188. – Л. 7 об.
- ³³ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 189. – Л. 16.
- ³⁴ ГАЯО. – Ф. 73. – Оп. 6. – Д. 433. – Л. 1 – 1 об.
- ³⁵ Там же. – Л. 3.
- ³⁶ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 3952. – Л. 218; ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 1. – Д. 437. – Л. 1.
- ³⁷ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 3952. – Л. 218 об.
- ³⁸ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 4375. – Л. 5.
- ³⁹ ГАЯО. Ф. 79. Оп. 7. Д. 4288. Л. 16-б.
- ⁴⁰ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 4375. – Л. 6-б.
- ⁴¹ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 1. – Д. 437. – Л. 55 об – 56.
- ⁴² ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 1. – Д. 635. – Л. 13 об.
- ⁴³ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 188. – Л. 7 об.
- ⁴⁴ Отчёт о состоянии и деятельности Костромского Православного Фёдоровско-Сергиевского братства за 1912 г. // КЕВ. – 1913. – Прибавление к № 22. – С. 15.
- ⁴⁵ Вероятно, в указе предписывалось сообщить правила перехода старообрядцам, не зарегистрированным в общины.

⁴⁶ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 1. – Д. 220. – Л. 75 – 76 об.

⁴⁷ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 1. – Д. 272. – Л. 1 – 22.

⁴⁸ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 188. – Л. 1 – 10; Д. 177. – Л. 1 – 25.

ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7 – Отделение 2. – Стол 1. – Д. 637. – Л. 1 – 287; ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 144. – Л. 1 – 15; Д. 189. – Л. 1 – 22; Д. 220. – Л. 1 – 23.; Д. 159. – Л. 1–5; Д. 160. – Л. 1–2; Д. 180. – Л. 1 – 2об.; ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 218. – Л. 1 – 9 об.; ГАКО. – Ф. – 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 154. – Л. 1 – 2.

⁴⁹ Отчёт о состоянии и деятельности Костромского Православного Фёдоровско-Сергиевского братства за 1910 г. // КЕВ. – 1911. – 1 ноября – № 21. – О. оф. – С. 454.

⁵⁰ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 224. – Л. 15.

⁵¹ ГАКО. – Ф. 340. – Оп. 1. – Д. 1799. – Л. 27 – 28.

⁵² ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 1. – Д. 637. – Л. 201.

⁵³ Юрчинова А. Ю. Указ 17 апреля 1905 г. (из истории свободы вероисповедания в России) // Старообрядчество. История. Культура. Современность. – 1995. – Вып. 3. – С. 16.

⁵⁴ ГАКО. – Ф. 340. – Оп. 1. – Д. 1694. – Л. 32 об.

⁵⁵ Ершова О. П. Некоторые проблемы старообрядчества после манифеста 1905 г. // Старообрядчество. История. Культура. Современность. – 1998. – Вып. 6. – С. 7.

⁵⁶ Ершова О. П. Роль Министерства внутренних дел в формировании государственной политики в отношении старообрядчества в 60-е гг. XIX века // Старообрядчество. История. Культура. Современность. – 1996. – Вып. 5. – С. 28.

⁵⁷ Новожилов В. Н. Хранители древнего благочестия // Северная правда. – 1991. – № 8. – С. 4.

⁵⁸ ГАКО. – Ф. 134. – Оп. 7. – Отделение 2. – Стол 3. – Д. 156. – Л. 1 – 10.

⁵⁹ ГАКО. – Ф. 340. – Оп. 1. – Д. 1694. – Л. 34, 49, 56.

⁶⁰ По сведениям местных жителей, в с. Елохино Даниловского уезда существовала школа белокриницкого согласия.

⁶¹ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. – 4288. – Л. 72 – 73.

⁶² ГАКО. – Ф. 539. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 198 – 200.

⁶³ ГАЯО. – Ф. 79. – Оп. 7. – Д. 3648. – Л. 11.

⁶⁴ Там же. – Л. 17 – 17 об.

⁶⁵ Там же. – Л. 25.

⁶⁶ Там же. – Л. 61 – 73 об.

Т. И. Нигметзянов

АНАЛИЗ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ» НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1911–1914 гг.)

Начало XX века ознаменовалось поражением России в войне с Японией, ростом противостояния держав, а также оживлением внутривнутриполитической жизни, в результате – революция 1905 года, учреждение Государственной думы, появление политических партий. В обществе наблюдался рост интереса к вопросам внешней политики. Международные отношения стали предметом общественных акций, дискуссий в Думе. Были установлены межпарламентские связи с английскими и французскими депутатами. Обширные и многочисленные статьи о внешней политике появились на страницах периодической печати.

Официальные органы печати отражали стремление правительства влиять в благоприятном для себя смысле на общественное мнение страны. Последнее было представлено печатью различной политической направленности. Существуют разные критерии классификации периодических изданий. Беря за основу внешнеполитическую тематику, газеты и журналы можно разделить на три группы. Первая группа представлена крайне монархическими изданиями (черносотенными), подвергавшими критике политику Петербурга, требовавшими продолжения наступательной политики на Дальнем Востоке и союза с Берлином. Вторая группа – самая многочисленная, представленная изданиями различной политической направленности: умеренно правыми, националистическими

газетами, либеральной прессой и правыми эсерами. При всех различиях их объединяла, в основном, поддержка внешней политики Петербурга. Левая печать была представлена большей частью эсеровской публицистикой и социал-демократическими изданиями меньшевиков и большевиков. Объединяющим началом здесь являлась критика империалистической политики царизма.

В ряду изданий выделяется периодическая печать деловых кругов. В России выходили газеты финансово-промышленных кругов: «Коммерсант», «Биржевые ведомости», «Торгово-промышленная газета». Наряду с коммерческой информацией на страницах газет появлялись статьи, посвященные внешнеполитическим и внешнеэкономическим вопросам. Крупнейшей газетой были «Биржевые ведомости» (издатель С. Проппер). Особый интерес к этой газете определялся еще и тем, что редакция получала информацию непосредственно из правительства.

Газета имела своих корреспондентов в ведущих странах мира и в крупнейших странах Востока, использовала и критиковала материалы крупнейших газет Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии.

Ведущим направлением в освещении внешней политики для «Биржевых ведомостей» были ближневосточные события. Газета отдавала приоритет балканской политике Петербурга. Обращаясь к общественной реакции на события в соседних государствах, «Биржевые ведомости» отмечали: «События в Персии и Китае отвлекают общественное мнение от того, что творится на Балканах, а, между тем, на Ближнем Востоке начало усиливаться брожение...»¹. Это отвечало общему настроению правительства и большей части общественности, видевших в этом районе важнейшие интересы России. Интересы сводились к установлению контроля над черноморскими проливами, укреплению влияния на Балканском полуострове, поддержке славянских народов в борьбе с Турцией и Австро-Венгрией.

Первоначально основной задачей в этом регионе «Биржевые ведомости» видели «в ограждении ближневосточного мира, предотвращении катастрофы, которая немедленно вовлекла бы и Россию»². Это совпадало с линией правительства. После боснийского кризиса Петербург стремился не допустить усиления двуединой монархии с целью сохранения прежних позиций

на период, пока Россия не была готова к открытому столкновению в большой войне.

Подробно остановилась газета на торговых интересах России на Балканах. Отмечался рост продажи русской соли, угля и спирта. Успешно конкурировали отечественные текстильные товары, другая промышленная продукция, особенно металлургическая. «Биржевые ведомости» подчеркивали особые интересы русской торговли в этом регионе³. Информация об успехах в завоевании рынков сбыта в этом регионе действительно соответствовала действительности.

Но события после боснийского кризиса развивались стремительно. В связи с итало-турецкой войной в газете появляется статья «Компенсации». Стремление Италии приобрести колонию в Северной Африке, по мнению газеты, сопровождалось уступками для ведущих европейских стран. «Биржевые ведомости» утверждали, что и Россия должна требовать компенсаций. В завершение статьи ставился вопрос: «Неужели России не нужна свобода выхода из Черного моря?»⁴. Выступление «Биржевых ведомостей» вполне согласовывалось с линией официальной дипломатии, которая полагала, что итало-турецкий конфликт небезвыгодным, если добиться у Рима и Стамбула обязательств «относительно признания за Россией свободы действий в вопросе о проливах»⁵.

По мере назревания нового кризиса на Балканах ближневосточная тематика становилась доминирующей на страницах «Биржевых ведомостей». Публицисты не сомневались в преданности славянских народов и политиков Балканского полуострова России⁶. Корреспонденты газеты интервьюировали премьеров Сербии и Болгарии, короля Черногории, высокопоставленных лиц в Турции.

Первую Балканскую войну корреспонденты оценивали как освободительную и справедливую войну «немусульманского населения» против «тирании». Журналисты говорили о поддержке российским обществом и правительством балканских народов.

Политика России в Балканском вопросе, по мнению, газеты отличалась от западных держав. Борьба славянских народов «не встретила сочувствия в Европе, которая сообразует свою политику служению денежному мешку, интересам промышленного

капитала, вложению его в мероприятия на турецкой промышленности»⁷. В статьях, посвященных открывшейся конференции в Лондоне, «Биржевые ведомости» требовали пересмотра отношения на Балканах⁸. Отход от статус-кво вновь соответствовал линии царского правительства.

Подписание договора в Лондоне не привело к миру на Балканах. Корреспонденты газеты увидели обострение противоречий между прежними союзниками. В новом столкновении «Биржевые ведомости» выступили с болгарофильских позиций⁹, совпадавших со взглядами лидеров партии народной свободы. Воспринимая 2-ю Балканскую войну как трагедию, вместе с подавляющей частью общественности газета выступила за немедленное прекращение войны¹⁰.

Позиция «Биржевых ведомостей» находилась в объекте внимания правительств и общественности стран Ближнего Востока. Об этом уже говорят факты принятия корреспондентов газеты высокопоставленными лицами Сербии, Черногории, Болгарии, Турции. В разгар 1-й Балканской войны из Турции был выслан журналист «Биржевых ведомостей». В период 2-й войны делегация города Адрианополя совершила поездку по ряду стран Европы, включая Россию. Министерство иностранных дел отказалось принимать делегатов. Редакция «Биржевых ведомостей» приняла эту группу и опубликовала отчет о встрече. Делегаты обращались с призывом оставить Адрианополь в составе Турции, описывая зверства болгар, захвативших город. Члены редакции указали на свои прослаянские симпатии, но поддержали создание международной комиссии для расследования положения в Адрианополе¹¹.

Тревогу у деловых кругов вызывали планы Берлина по строительству Багдадской железной дороги. Это неизбежно должно было привести к подрыву торговой монополии России на севере Персии. В создавшихся условиях от русского капитала и правительства требовалось большей активности в этом районе. «Если в ближайшие годы частная русская предприимчивость не проявится в железнодорожном строительстве, рынки этой страны пропадут для русских производителей... Ожидается отзыв межведомственного совещания, которое созывает министерство торговли»¹², – писали «Биржевые ведомости».

В персидской политике «Биржевые ведомости» требовали от царской дипломатии большей твердости и решительности¹³.

Газета деловых кругов незамедлительно отреагировала на публикацию в «Новом времени» статьи, в которой утверждалось, что русское правительство должно поддержать экс-шаха. «Биржевые ведомости» доказывали ошибочность такой политики и вновь напоминали, что все действия русская дипломатия в этой стране должна координировать с британской¹⁴.

На Дальнем Востоке деловая печать России выступала за сохранение позиций держав после войны с Японией. Резкую реакцию со стороны издания вызывали попытки Пекина пересмотреть торговый договор 1881 г. Газета поддержала все решительные действия царской дипломатии, не исключая силового давления¹⁵. Вместе с тем «Биржевые ведомости» высказывались за сохранение территориальной целостности Китая.

Неожиданно китайская тематика стала предметом полемики с «Кельнской газетой». Последняя утверждала, что Петербург и Токио стремятся всячески ослабить Китай. На такое высказывание «Биржевые ведомости» обратили внимание, потому что «Кельнская газета» – газета умная, влиятельная и служащая часто тем рупором, через который германское правительство разговаривает с Европой». Русская газета замечала, что совсем недавно Берлин, напротив, толкал Петербург на экспансию в направлении Дальнего Востока. В статье говорилось, сто после войны с Японией Россия не заинтересована в Китае, поскольку важнейшей задачей стало укрепление позиций в Персии и отношения с Турцией¹⁶.

Визит в Петербург князя Катцуры и барона Гото дал повод газете отметить тождество интересов России и Японии в Манчжурии, Монголии и поддержание status quo в Китае¹⁷. Но главным оставалось внимание к европейскому театру.

Журналисты видели рост милитаризма в Европе. Особое беспокойство вызывала программа строительства военно-морского флота Турцией. Издание видело задачу, стоящую перед Россией, в создании сильного флота¹⁸. Данная статья вновь соответствовала программе строительства флота, цели которой были не только оборонительные: их разработка была связана с планами овладения Черноморскими проливами¹⁹.

«Биржевые ведомости» последовательно отстаивали союз с Англией и Францией. Примером англо-русского сотрудничества, по мнению журналистов газеты, является политика в Персии. В январе 1912 г. Россию посетила делегация британских парламентариев и общественных деятелей. По свидетельству Бенкендорфа, премьер-министр Г. Асквит и Э. Грей придавали этому визиту серьезное значение и уделяли его подготовке большое внимание. Пребывание делегации, торжественно принятой в России, способствовало улучшению атмосферы двухсторонних отношений. В статье, посвященной визиту английских парламентариев, подчеркивалось значение британского парламентаризма для конституционного развития России²⁰.

Газета резко реагировала на публикации во французской печати, утверждавших о существовании каких-то секретных статей, острием направленных против Парижа. Журналисты напомнили о подписании Парижем договора с Берлином по Марокко, однако российская печать не стала, по примеру своих коллег, утверждать о наличии секретных статей. В заключении статьи газета писала: «Разве ей (России) выгодно ослабить Францию... На очереди в Европе очень много международных задач, которые потребуют совместной работы Франции и России». Вопрос о союзе был вновь поставлен газетой в период второго марокканского кризиса. Корреспондент газеты в Париже Е. Дмитриев в статье «Если соглашение не состоится» отмечал, что над Европой вновь собираются тучи, угроза войны. Возможность разрешения конфликта посредством третейского суда, или новой конференции, он оценивал скептически. В заключение он замечал, что «Остается все-таки считаться с возможностью войны. На этот случай почти весь французский флот сосредоточен в Средиземном море... И здесь уверены, что вообще от своих союзников Германия может ожидать гораздо меньше пользы в решающий момент борьбы, чем Франция имеет основание рассчитывать от Англии и России»²¹. Второй кризис вокруг Марокко закончился победой Франции и установлением ее протектората над этой страной. Причину победы Парижа газета усматривала в поддержке Лондона и Петербурга²².

Деловые круги интересовала готовность союзников к возможной войне с Германией. В статье «Достаточно ли сильна

союзница России?» газета высказывала поддержку намерениям Парижа увеличить свои вооруженные силы: «Новые крупные ассигнования непременно окажут влияние на оборонную способность Франции в той мере, в какой необходимо для поддержания равновесия сил между тройственным союзом и тройственным согласием»²³.

Начало 1914 г. ознаменовалось ростом противостояния Берлина и Петербурга. В феврале в газете появляется статья, лейтмотивом которой было утверждение «Россия готова!». Априори определялся оборонительный характер войны со стороны России. Статья завершалась словами, которая будет общей основой для правых, либералов и большинства социалистов в начале войны: «Россия, в полном единстве со своим Верховным Вождем, хочет мира, но она готова к войне»²⁴.

Убийство эрцгерцога Фердинанда общественность восприняла как преступление. Ультиматум Вены, по мнению «Биржевых ведомостей», не мог быть принят Сербией, поскольку он посягал на ее независимость. С началом войны «Биржевые ведомости» возлагали надежды, что будет решен вопрос с установлением постоянного мира в Европе. Цели Германии определялись как установление своего господства «гегемонии меча». Особое обращение было адресовано к болгарскому народу: «Идите со славянами, иначе вы недостойны быть славянами...»²⁵

В целом, подводя итога, можно прийти к следующим выводам. Внешнеполитическая публицистика на страницах «Биржевых ведомостей» сводилась к следующим положениям. Приоритет отдавался политике на европейском театре, Балканском полуострове, установлению выгодного режима черноморских проливов и возможного контроля над ними для России. На Дальнем Востоке – сохранение статус кво. Все публицистика была направлена на укрепление Антанты.

Анализ содержания позволяет утверждать, что позиция газеты торгово-финансовых кругов соответствовала позиции той печати, которая во внешнеполитической публицистике выступала в поддержку правительственной линии. Если быть более точным, то позиция «Биржевых ведомостей» совпадала со взглядами кадетских лидеров и газет.

Сам характер публикации доказывает, что «Биржевые ведомости» не столько были средством воздействия общества на политику официального Петербурга, сколько правительство использовало печать для воздействия на общественное мнение России и зарубежных стран.

Примечания

- ¹ Биржевые ведомости. – 1911. – 7 декабря.
- ² Биржевые ведомости. – 1911. – 4 января.
- ³ Биржевые ведомости. – 1912. – 7 июля.
- ⁴ Биржевые ведомости. – 1911. – 15 сентября.
- ⁵ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архива царского и Временного правительств. – М., 1931–1940. – Серия 2. Т. XIX. Ч. II. – С. 28.
- ⁶ См., напр.: Биржевые ведомости. – 1912. – 1, 7, 9 сентября.
- ⁷ Биржевые ведомости. – 1912. – 11 октября.
- ⁸ Биржевые ведомости. – 1912. – 23 октября.
- ⁹ Биржевые ведомости. – 1913. – 7, 17 июля.
- ¹⁰ Биржевые ведомости. – 1913. – 19 июля.
- ¹¹ Биржевые ведомости. – 1913. – 8 августа.
- ¹² Биржевые ведомости. – 1911. – 6 января.
- ¹³ Биржевые ведомости. – 1911. – 4 ноября.
- ¹⁴ Биржевые ведомости. – 1912. – 29 марта.
- ¹⁵ Биржевые ведомости. – 1911. – 4 февраля, 11 февраля.
- ¹⁶ Биржевые ведомости. – 1911. – 4 октября.
- ¹⁷ Биржевые ведомости. – 1912. – 14 июля.
- ¹⁸ Биржевые ведомости. – 1911. – 15 января, 1 марта.
- ¹⁹ Игнатъев А. В. Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. – М., 2000. – С. 23.
- ²⁰ Биржевые ведомости. – 1912. – 12 января.
- ²¹ Биржевые ведомости. – 1911. – 17, 20 августа.
- ²² Биржевые ведомости. – 1912. – 23 марта.
- ²³ Биржевые ведомости. – 1912. – 17 февраля.
- ²⁴ Биржевые ведомости. – 1914. – 28 февраля.
- ²⁵ Биржевые ведомости. – 1914. – 17, 26 июля.

И. Н. Камардин
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ КРОНШТАДТ
(НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Сложность и противоречивость реформирования и модернизации современного общества предопределили особый интерес исследователей к изучению исторического прошлого нашей страны. Характерными особенностями отечественной историографии последних лет стало изучение ключевых для истории России XX в. проблем: каким в действительности являлось отношение самого российского промышленного пролетариата к внутренней и внешней политике большевиков, когда и при каких условиях РКП(б) как партия рабочего класса или его части стала превращаться в самодовлеющую надклассовую силу, а ее диктатура – во власть над пролетариатом и против пролетариата? В связи с этим история рабочего класса в социально-политическом развитии России в XX в. занимает одно из центральных мест. В то же время следует учитывать, что, изучая историю промышленного пролетариата, невозможно обойтись без рассмотрения рабочего протеста. В этом контексте достаточно полно в историографии освещены волнения в крупных городах, которые способствовали введению НЭПа¹. В то же время о происходящих событиях в рабочей среде Среднего Поволжья в научной литературе практически не упоминается. Как показывают выявленные архивные документы, волнения в среде рабочих нередко приобретали угрожающий характер для существующей власти.

В первые годы советской власти в регионе, в отличие от городов Центрально-промышленного района, отмечается незначительное число массовых трудовых конфликтов. Это было связано, прежде всего, с более лучшей обеспеченностью рабочих Среднего Поволжья продовольствием. Так, например, при суточной физиологической норме в 3 600 калорий, в 1919 г. в Москве рабочий по карточкам получал паек в 2 554 калорий. В то же время население Пензенской губ. в среднем потребляло 3 518, в Самарской – 3 750 калорий².

В 1920 г. в связи с неурожаем в Поволжье и вывозом продуктов в центральные районы питание рабочих региона резко ухудшилось. Уже в феврале 1921 г. продовольственный кризис

в Самаре настолько обострился, что перед властями встал вопрос о принятии самых решительных мер в продовольственном снабжении. Если в мае 1920 г. среднее дневное потребление продуктов на душу населения в Пензенской губ. составило 2 752 кал., то в ноябре – 2 563³. В сводках Самарского ЧК отмечалось, что в очередях нередко слышались разговоры: «Норма муки 15 фунтов в месяц, а у спекулянтов она стоит 1 500 руб. Как жить при таких условиях жизни? Мы, например, часто бросаем работу и идем в деревню за хлебом»⁴.

В этих условиях неумение быстро реагировать на запросы масс привело к возникновению в феврале–марте 1921 г. предреволюционной обстановки в стране. Активные формы протеста со стороны рабочих стали обыденным явлением. Анализируя сложившуюся обстановку внутри страны, Ленин очень четко охарактеризовал причины возникновения рабочих выступлений: «Когда рабочие эту материально-производственную базу из-под ног теряют, тогда состояние неуравновешенности, неопределенности, отчаяния, безверия овладевает массами...»⁵

Именно задержки продовольственных пайков и заработной платы в 1921 г. стали основными причинами массовых волнений в Среднем Поволжье. В связи с неурожаем произошло сокращение лиц, находившихся на госснабжении. В результате бастующие выдвигали требования об увеличении зарплаты и натуральных выдач. Важно отметить, что задержка заработной платы, как причина производственных конфликтов, играла существенную роль в тех отраслях, где она составляла основу материального вознаграждения. В исследуемом регионе к таким отраслям относились пищевики и рабочие-сезонники. Следует отметить, что количество забастовок в первой половине 1921 г. увеличилось примерно в 8 раз по сравнению с аналогичным периодом 1920 г.

Как показывают документы, первые волнения в рабочей среде Среднего Поволжья прошли еще в начале 1921 г., когда в забастовочном движении участвовали отдельные предприятия. Исключением была Пензенская губерния, в которой произошли забастовки, объединяющие несколько предприятий. Так, 19 марта 1921 г. рабочие мельницы № 702 и рабочие всех служб Сызранско-Вяземской ж/д отказались выходить на работу из-за невыдачи продовольствия. Забастовка длилась четыре часа. После обещания

выдать по 10 фунтов муки на каждого железнодорожника последние приступили к работе. Рабочие мельницы, не получившие ничего, продолжили забастовку⁶. В Самаре в марте прошла крупная забастовка на трубочном заводе, которая закончилась только после обещания выдать муку за февраль.

Положение с продовольствием в регионе не изменилось и в апреле. В результате среди бастующих рабочих начинают наблюдаться объединительные тенденции. Теперь уже в Самаре в начале апреля отмечаются случаи забастовок на нескольких предприятиях. В отчетах ЧК отмечалось, что железнодорожники хотят объявить забастовку и намереваются втянуть в нее рабочих трубочного завода⁷. В апреле в Самарской губернии рабочие Бузулука присоединились к бастующим оренбургским рабочим⁸. Значительная часть забастовок возникла среди деревообделочников и грузчиков, что было связано с мизерным, по сравнению с промышленными предприятиями, продовольственным пайком. К тому же в этих отраслях народного хозяйства довольно трудно было прокормиться с помощью хищений и изготовления предметов для личных нужд.

Своего пика кризис в городах Среднем Поволжье достиг в мае. В Самаре 6 мая около 250 рабочих трубочного завода бросили работу. К бастующим присоединились железнодорожники. К полудню более 300 бастующих подошли к мастерским самарской бухты, остановили двигатель и стали призывать водников присоединиться к бастующим. По сведениям информационных сводок, бастующих рабочих поддержала небольшая часть водников. Основная масса водников осталась у мастерских. На следующий день было проведено общее собрание трудящихся, где заслушаны выступления представителей от органов снабжения. На собрании выступили представители от ЧК и губернских властей, после чего трудящиеся вновь приступили к работе⁹.

Рабочих, решивших принять участие в общегородской стачке, набралось около 5 тысяч человек. На общем собрании в «Аржановском саду» рабочие проголосовали за резолюции: «Собрать на следующий день общегородское собрание рабочих, на которое пригласить представителей городских властей». На следующий день рабочие собрались в одном из садов. В условиях отсутствия продовольствия власти города приняли

решение разогнать бастующих с помощью милиции¹⁰. На следующий день, в связи с опасностью новых волнений, рабочим частично выдали продовольственные пайки, после чего часть трудящихся приступила к работе. В ходе расследования причин забастовок губернские власти ссылались на найденную кронштадтскую листовку¹¹.

Более драматично сложилась ситуация в Пензенской губернии. 24 мая 1921 г. забастовали рабочие мастерских Сызранско-Вяземской ж/д из-за отсутствия продовольствия. 30 мая рабочие всех служб железной дороги бросили работу и на общем собрании решили требовать выдачи двухнедельного пайка за май, в противном случае организовать забастовку. При отсутствии продовольствия губернские власти отделялись от рабочих лишь уговорами и обещаниями. В этих условиях бастующие станции Пенза I приняли решение направить парламентаров на другие предприятия города с целью собрать на следующий день общегородское собрание, на котором планировалось выбрать стачечный комитет. В намеченный срок состоялось общегородское собрание трудящихся. Выбранный комитет принял резолюцию требовать немедленной выдачи рабочим хлеба, в случае неудовлетворения – объявить всеобщую забастовку. Рабочих-парламентаров, отправившихся в губком на переговоры, арестовали. Следует отметить, что среди парламентаров находились представители оппозиционных партий – меньшевики и эсеры, а также бывшие коммунисты¹². Через день бастующие рабочие собрались у здания губернского ЧК и предъявили требование освободить арестованных парламентаров. Опасаясь погромов и волнений, представители советской власти у здания ЧК выставили пулеметы и две шеренги солдат, готовых стрелять. Столкновения удалось избежать только благодаря прибытию представителя из Москвы, приказавшего убрать вооруженных красноармейцев, после чего напряжение в толпе разрядилось. В условиях действия банды Антонова и развития бандитизма в губернии разгон бастующих с помощью оружия мог бы привести к неминуемому восстанию¹³. В этих условиях руководство губернии вынуждено было освободить арестованных, а также пообещать раздать рабочим на следующий день 200 пудов муки, приготовленных к отправке в Красную Армию. Рабочие с заявлением властей согласились и разошлись по домам¹⁴. Выдав на следующий день продукты, власти смогли

разделить бастующих. Воспользовавшись этим, был произведен повторный арест, в результате которого задержали около 60 человек, принимавших активное участие в волнении у здания ЧК. Против ареста выступили только рабочие и служащие станции Пенза Рязано-Уральской ж/д. На общем собрании рабочие объявили «итальянку», в результате чего на станции резко снизилась производительность труда. На других предприятиях предъявление каких-либо требований не наблюдалось.

Выдача продовольствия позволила разрознить единый лагерь бастующих. Солидарность и единство рабочих железнодорожников, по нашему мнению, связаны с концентрацией на железнодорожных станциях наиболее квалифицированных рабочих, имеющих опыт борьбы в дореволюционный период¹⁵. К тому же в течение Гражданской войны именно здесь отмечалась активная деятельность меньшевиков. В конце месяца на предприятиях города прошли массовые сокращения рабочих, в результате которых увольняли наиболее активных участников забастовок. Так, на патронном заводе было уволено 500 рабочих, на Сызранско-Вяземской ж/д сократили 30–40 % состава рабочих и служащих¹⁶.

Аналогичные события развивались и в Симбирске. Волнения в городе начались с 23 мая 1921г. Рабочие трубочного завода не вышли на работу из-за отказа в выдаче пайка. На общем собрании, где выступали меньшевики и эсеры, а также вышедшие из партии коммунисты, провели резолюцию об избрании комиссии по обследованию городских складов: «Если комиссия найдет продукты, рабочие бросят работу»¹⁷. В ответ на это местные власти произвели аресты активных участников. Рабочие объявили забастовку с требованием освобождения арестованных. После выдачи продовольствия бастовавшие приступили к работе¹⁸. В результате быстрых действий властей в Симбирской губернии конфликт был локализован.

Основными участниками конфликтов этого периода были кадровые рабочие, которые, по словам руководителей партии, составляли элиту советского общества. В условиях невыдачи продовольственных пайков рабочие, лишённые поставок продуктов из деревень, вынуждены были идти на открытый конфликт с советской властью. Потомственные рабочие, прибывшие

с эвакуированными предприятиями, прошедшие школу революции и гражданской войны, представляли в случае открытого выступления реальную угрозу существующему строю. По выявленным нами данным, в Самарской губернии забастовки продолжались в течение всего года. В Пензенской и Симбирской губерниях обезглавленное рабочее движение активизировалось лишь осенью¹⁹. Так, в Пензенской губернии с октября по декабрь выявлено было семь забастовок, в Симбирской – две²⁰. Небольшое число забастовок в Симбирской губернии было вызвано катастрофическим материальным положением рабочих. Так, Симбирский губисполком констатировал: «Голодные массы людей повсюду, настроение настолько подавленное, что о какой-либо инициативе думать не приходится»²¹.

Во всех забастовках в исследуемый период рабочие требовали изменения принципа распределения материальных благ, тогда как политические требования отсутствовали или шли как второстепенные. Будучи не в силах пересмотреть принцип распределения материальных благ, местные власти вынуждены были подавлять выступления рабочих.

Знаменательно, что в 1920 г. наблюдаются некоторые новинки в приемах окрепшей власти по умиротворению рабочих выступлений. Теперь они заканчивались не только закрытием предприятия и массовым увольнением рабочих: нередко в архивных документах упоминалось, что при ликвидации забастовок инициаторов арестовывали и помещали в концлагерь²².

В первой половине 1921 г. партийные руководители почти каждое выступление рабочих связывали с деятельностью меньшевиков и эсеров. Разумеется, активисты этих партий принимали активное участие в подготовке забастовок, способствуя тем самым выдвижению антибольшевистских лозунгов. Известно, что меньшевики пользовались достаточно устойчивой популярностью среди рабочих трубочных заводов Среднего Поволжья, а также среди пензенских железнодорожников²³. На Пензенской фабрике «Госзнак» популярностью пользовалась организация еврейских рабочих «Палей-Цион»²⁴. Большевики, боясь перехода от экономических забастовок к политическим, первым делом выявляли членов оппозиционных партий, тем самым обезглавливали рабочее

движение. Так, в Пензе мероприятия по нейтрализации членов контрреволюционных партий происходили летом 1921 г. Пытаясь приостановить разрастание забастовки железнодорожников в общегородскую, ночью были произведены аресты зачинщиков. В Симбирске кампания по аресту эсеров прошла осенью 1921 г.²⁵

Таким образом, рабочее движение в Среднем Поволжье не приняло организованного характера в значительной степени благодаря быстрой реакции ЧК и местных властей, немедленно арестовавшей членов организаций меньшевиков, эсеров и анархистов, что сразу лишило рабочих централизованного руководства. Какое-либо существенное влияние рабочий протест Центрально-промышленного района на забастовки исследуемого региона не оказал. Как показывают выявленные документы, у бастующих рабочих Среднего Поволжья в отдельных случаях были обнаружены листовки из Кронштадта. Но следует отметить, что политические требования предъявлялись во всех конфликтах как второстепенные, в основе рабочего протеста на первом месте стояли требования выдать продовольствие.

Примечания

¹ История Отечества: люди, идеи, решения / Сост. В. А. Козлов. – М.: Политиздат, 1991; Карр Э. Х. История советской России 1917–1923 гг. – Т. 1–2. – М.: Прогресс, 1990; Мау В. А. Реформы и догмы 1914–1929 гг.: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. – М.: Дело, 1993; Мендель Д. Революция, контрреволюция и рабочий класс России 1918–1928 гг. – М., 1995; Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. – М.: Рус. кн. изд-во, 1997.; Пайпс Р. Россия при большевиках. – М., 1997; Щетинов Ю. За кулисами Кронштадского восстания // Родина. – 1995. – № 8. – С. 68–74 и др.

² Гимпельсон С. Г. Советский рабочий класс. Социально-политические изменения 1918–1920 гг. – М., 1974. – С. 270–271; Артищев Р. Т. Бюджеты Самарских рабочих. – Самара, 1925. – С. 56; Сборник статистических сведений по СССР 1918–1923 гг. – М., 1924. – С. 377; Сборник статистических сведений по Пензенской губернии 1920–1926 гг. – Пенза, 1926. – С. 694–695.

³ Сборник статистических сведений по Пензенской губернии 1920–1926 гг. – Пенза, 1927. – С. 694–695.

⁴ СОГАСПИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 166. – Л. 11.

⁵ Ленин В. И. IV Всемирному конгрессу Коминтерна, Петроградскому совету рабочих и красноармейских депутатов. – Полн. собр. соч. – Т. 45. – М., 1964. – С. 282.

⁶ ГАПО. – Ф.Р. 2. – Оп. 4. – Д. 116. – Л. 364.

⁷ РГАСПИ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2620. – Л. 127.

⁸ Там же. – Л. 128.

⁹ СОГАСПИСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 515. – Л. 48.

¹⁰ СОГАСПИ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2620. – Л. 50.

¹¹ СОГАСПИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2620. – Л. 48.

¹² РГАСПИ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2630. – Л. 149.

¹³ Восстания крестьян Тамбовской и части Воронежской губ. (1920–1922), названной по имени руководителя А. С. Антонова. Восставшие выступали под лозунгами «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!»

¹⁴ РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 13. – Д. 712. – Л. 14; Ф.5. – Оп. 1. – Д. 2630. – Л. 149; Д. 2620. – Л. 1011; Ф. 17. – Оп. 87. – Д. 78. – Л. 36.

¹⁵ ГАПО. – Ф.Р. 2. – Оп. 4. – Д. 167. – Л. 26.

¹⁶ ГАПО. – Ф.Р. 2. – Оп. 4. – Д. 167. – Л. 71.

¹⁷ РГАСПИ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2620. – Л. 127.

¹⁸ РГАСПИ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2620. – Л. 128.

¹⁹ Камардин И. Н. Трудовые конфликты в Среднем Поволжье 1918–1929 гг. (по материалам Пензенской, Самарской и Симбирской (Ульяновской) губерний). Дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2001. – С. 237–259.

²⁰ РГАСПИ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2620. – Л. 128.

²¹ РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 87. – Д. 165. – Л. 2.

²² СОГАСПИ. – Ф.Р. 1. – Оп. 1. – Д. 758. – Л. 263об.

²³ РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 65. – Д. 453. – Л. 82об; Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2619. – Л. 134; Д. 2620. – Л. 28; Д. 2629. – Л. 50.

²⁴ Кондрашин В. В. Информационные материалы Пензенской губЧК о своей деятельности и положении в Пензенской губернии в годы гражданской войны //80 лет от ВЧК до ФСБ. – Пенза, 1998. – С. 122.

²⁵ РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 84. – Д. 353. – Л. 28.

Научное издание

**РАБОЧИЕ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ –
ВЛАСТЬ В XX ВЕКЕ**

**Материалы III Международной
научной конференции**

Корректоры Г. Д. Неганова, М. В. Петрова
Компьютерная верстка И. М. Каравановой

Подписано в печать 09.09.2005

Формат 60x90 / 16

Уч.-изд. л. 14,16

Тираж 500 экз.

Изд. №. 89

ГОУВПО КГУ им. Н. А. Некрасова
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14